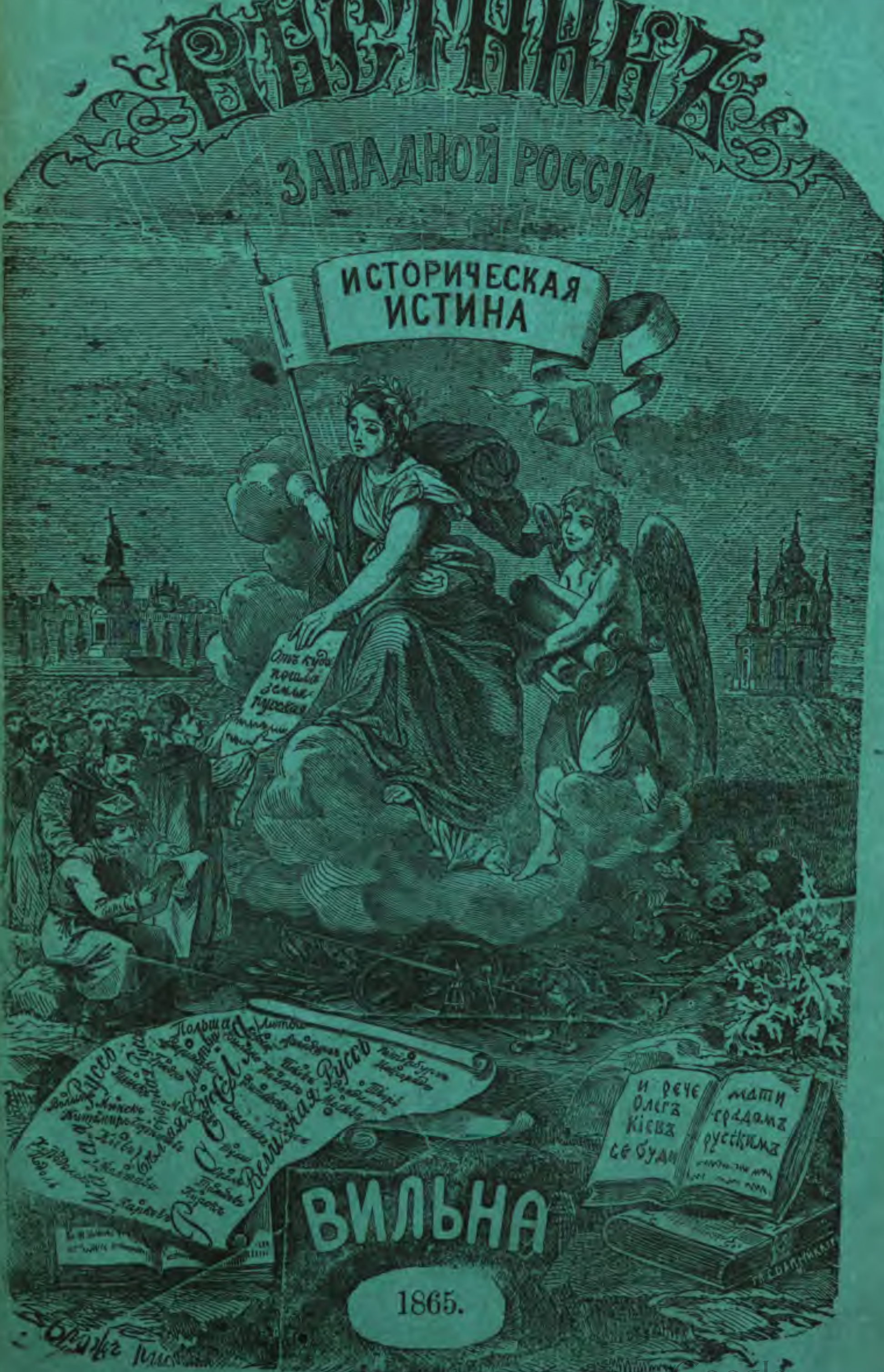
ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА
Отъ куду пошла земля русская
Польша
Литва
Русь
И рече Олегъ Кіеву се буди
мати градомъ русскимъ
ВИЛЬНА
1865.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ редакціи „Вѣстника западной Россіи“ имѣются для продаж

Исторія Польши и Біографія Іоасафата Кунцевича,—сочиненія какъ нельзя болѣе современныя.

Выписывающіе 1 экз. **Исторіи Польши** прилагаютъ 70 к. отъ 1 до 10—60 к., отъ 10 и далѣе по 50 к. съ пересылкою.

Біографія Кунцевича продается по 25 коп. за 1 экземпляръ, а для выписывающихъ отъ 10 экземп. и далѣе по 20 коп

За пересылку прилагаютъ, смотря по разстоянію, только выписывающіе 1—5 экз. Кунцевича.

ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

[illegible]

МАЙ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ III.

ВИЛЬНА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. СЫРКИНА.

1865.

Дозволено цензурою. 20 Іюля 1865 года. — Вильна.

I.

№ 14-й.

ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Выпись изъ книгъ кіевскаго магистрата древней привиллегіи князя Романа Галицкаго, которою онъ жалуетъ Кіево-Печерской лаврѣ Забудецкую землю. 1240 г.

(Выпись эта выдана изъ кіевскаго магистрата въ 1777 году уніятскому митрополиту Филиппу Володковичу и хранится въ архивѣ бывшихъ унитскихъ митрополитовъ при св. Сѵнодѣ, писана на листѣ обыкновенной бумаги, мелкимъ, крючковатымъ не разборчивымъ почеркомъ. № 134. лит. Б.)

Се азъ князь романъ Галицкій Кіевскій Владимірскій Луцкій и інныхъ земель русскихъ обладатель зъ женою моею княгинею анастасіею надали есмо пречистой Богородицы монастыру Печерскому по своихъ душахъ и родителей нашихъ землю забудецкую съ людми съ коплинами и на де-

ревняхъ рубежахъ четырехъ человѣковъ и со всѣми приходами какъ впредъ темъ до тѣхъ земель прислушано а тѣмъ людямъ знати архимандрита печерскаго и понемъ будущихъ а ненадобѣ не намъ ни дѣтямъ нашимъ въ тое наданье вступаться а хтобы хотѣлъ тое надѣлье отъ церкви Божіей отдалити таковой разсудится съ нами предъ милостивымъ Богомъ а пречистая сама себя оборонитъ, а на то по слухи князь Федоръ Ростовскій да митрополитъ Галицкій Галактіонъ да дядя наши панко и Герасимъ, а на твердой того печать мою къ сему листу приложилъ, писался въ Галичу въ лѣто 6748.

2.

Дарственная запись Ивана Есмановича на ежегодную дачу по двѣ кади меду въ святой живоначальныя Троицы монастырь. —7010— 1502 года, мѣсяца марта 1 дня.

Во имя святое живоначальныя Тройца аминь. Я Иванъ Есмановичъ з моею женою и з нашими детьми, размыслилъ есми штожбы была на векъ намъ и дѣтямъ нашимъ при наших животех Бога моля а по насъ уже преставлышихся паметь у святое живоначальныя Тройца у слуцкомъ монастыри придал есми з моеѣ вѣрной выслуги святой живоначальной тройци на каждый год по две ведрѣ меду слуцких з моего подклѣта покулъ изволитъ богъ давати мнѣ тое при моемъ животѣ, а по моемъ животѣ, приказую женѣ и дѣтемъ моимъ ижбытое на каждый годъ полнили къ святой Тройци на богомолю собѣ, а на паменку родителемъ нащимъ преставлшимся вѣчно и неруxомой неизмѣнно, а над

той печать есми свою приложилъ к сей моей грамоте. Влѣте 7010 мѣсца марта 1 дня. Индиктъ 5.

(Подлинникъ хранится въ архивѣ бывшихъ греко-уніатскихъ митрополитовъ за № 486 лит I; писана на ¼ листа об. бум. мелкимъ полууставнымъ почеркомъ. Въ концѣ рукописи приложена перстневая печать Ивана Есмановича, оттиснутая на черной мастикѣ.

3.

Подтвердительная грамота польскаго короля Сигизмунда I, данной Константиномъ Острожскимъ Новогрудской соборной церкви на Пустовскую и Быковецкую землю. 1517 года, ноября 26 дня.

Жигимонтъ Божою милостыю король польскій, великій князь литовскій Руски, княжа Пруское, Жомоитскій и иныхъ.

Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ хто на него посмотритъ, або чтучи его вслышитъ нынѣшнимъ и напотомъ будучимъ, кому будетъ потреба того вѣдати. Билъ намъ чоломъ панъ виленскій гетманъ навышшикъ староста луцкій и браславскій и вѣницкій, маршолокъ волынское земли князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, и проситъ насъ опять служобныхъ людей нашихъ тяглыхъ, дяколныхъ вновгородскомъ повѣтѣ церинсковское волости на имя Быковичовъ: санца шинчича, збратьею, манчука лопатича збратьею, наумца сороки збратьею, ходора мисевича збратьею, наумца шиловича збратьею и изъихъ дѣтми, а трехъ земль пустовскихъ на имя Аристовщины, а павловщины ... поровщины абыхъмо то дали на церковь божею соборную святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба вно-

вѣгородку—крылошаномъ, попомъ и дьякономъ на поживенье; и на мы для тое церкви божее и богомоля нашого...
... князя Константиново его милости зласки нашое......
и тые люди верху писаные Быковичовъ, пять службъ и три земли пустовскихъ къ той церкви соборной святыхъ мучиниковъ Бориса и Глѣба крылошаномъ, попомъ, и дьякономъ напоживены есмо дали и потвержаемъ то и мы: церкви Божей, симъ нашимъ листомъ вѣчно и навѣки непорушно маютъ: крылошане, попы и дьякони тое церкви и нѣшній и потомъ будучи тые люди и земли къ церкви Божоей святыхъ мучениковъ Борису и Глѣбу держати и вживати со всими землями тыхъ людей пашными и бортными, и со сено жатми и зборы, и лесы, и гаи, и здубровами, и зловы звѣриными, и пташами, изреками, и зрѣками, и съ ставы, и злы... здобровыми гоны, и сълужбами всими тыхъ людей Быковичовъ, и здяклы, и ржачыми, и овсяными, и со всими иными по платии, и податми, и со всимъ тымъ, какъ тые люди вымененые, и земли пустыи здавна инне сами всобе и вграницахъ ся своихъ маютъ. И какъ на насъ кзамку нашому держаны были; потому крылошане, тые людіе и земли маютъ держати; и теж моцни они прибавити и разширити, и какъ сами наболей умеючи, и къ своему лѣпшему и вжитойному обернути.— А на твердость того и печать нашу казали есмо привѣсити къ тому нашому листу. При томъ были панове рада; воевода виленскій канцлеръ, панъ миколай и миколаевичь Радзивиловичь; воевода троцкій, маршолокъ дворный, панъ григорій Станиславовичь Остиковичь; панъ троцкій, староста жомоитскій, панъ Станиславъ Яковлевичь, воевода новгородскій, панъ Янъ Яновичь Заберезынскій, староста Берестейскій, маршолокъ панъ Юрей Ивановичь Ильиничь.— Писанъ у вилни, лѣта Божого тисеча пятсотъ сем-

недѣлятаго мѣсяца Ноябра двадцать шестого дня. Индикта шестого.

Sigismundus Rex.

Копоть васковичь писарь.

На оборотѣ листа помѣта: Fundusz na Bykowicze od króla Zygmonta.

Подлинникъ хранится въ архивѣ бывшихъ греко-уніятскихъ митрополитовъ за № 141, литеры Б., писанъ на пергаменномъ листѣ въ формѣ диплома мелкою скорописью, безъ знаковъ. Въ концѣ рукописи подпись короля и скрѣпа писаря. Печати при рукописи не находится. На перегибахъ пергаменъ сгнилъ, а потому многихъ словъ прочитать невозможно.—

4.

Письмо польской королевы Боны къ старостѣ Жаковскому о томъ, чтобы разсудилъ произшедшій между Макаріемъ, нареченнымъ епископомъ Пинскимъ и Быховцемъ, нареченнымъ архимандритомъ Лещинскимъ, споръ о жилищѣ въ Лещѣ. 1552 года.

Бона Божою милостью королева полская............ руска, пруска, жомоитска, мазовецка и иныхъ.—

Старосте нашому пинскому, кобрынскому, илецкому и городецкому державцы селецкому, пану Станиславу Жокивскому; присылалъ тыхъ часовъ донасъ нареченный владыка пинскій и туровскій отецъ Макарей, жалуючи на архимандрита, нареченнаго лещенскаго, Быховца, отомъ иже што которую умову они промежку себе тых недавно прошлыхъ часовъ при дворе нашомъ будучи около мiшканя (жительства) в манастыре лѣщенскомъ............................. и листы промежку

себе в той речи подпечатми своими и иншихъ—нѣкоторыхъ людей добрыхъ дали то паки дей онъ Быховецъ тамъ до пинска з варшавы приехавши, оного листу своего в той речи насебе нареченному владыче тамошному да чого отступилъ и водлугъ описная своего ему у монастырѣ лещенскомъ мешканя поступити а самъ надворе владычинскомъ .... мешкати, вчомъ тотъ нареченный владыка кривду .... мечуеть и жадалъ часъ абы .... тобе поручили того промежку нихъ досмотрети, прото приказуемъ ижбы Бога .... оному нареченому архымандрыту Быховцу передъ собою стати казалъ и отомъ межи нихъ досмотрелъ и справидливость слушную и не отволочную водлугъ обычая права статуту земского тому наречено владыце знимъ отомъ запису его нивчомъ неотступуючи, наконецъ удналъ якобы в томъ безвинней шкодовалъ и намъ о томъ повторей причины слушно жаловати нешелъ конечно писанъ у варшаве подъ ... . Божого нароженя 1552, мѣс. 16 Іюня, 10 индикшу.

Янъ Маковецкъ.—

Еще ниже печать, оттиснутая на красновосковой мастикѣ, подъ бумажкою.—

На оборотѣ листа, нѣсколько архивныхъ нумеровъ и помѣта, разобрать которую нѣтъ возможности.— Подлинникъ хранится въ архивѣ бывшихъ греко-уніатскихъ митрополитовъ за № 148; писанъ на ½ листѣ об. бум. крупною скорописью; многія мѣста рукописи сгнили.—

5.

Рѣшеніе княгини слуцкой Анны Александровны и сына ея Семена Михайловича, по жалобѣ архимандрита слуцкаго Троицкаго монастыря Іосифа на бояръ Саковичей о нарушеніи межевыхъ знаковъ въ одномъ изъ монастырскихъ имѣній.

Мы княгиня Михайловая Александровича Анна съ моимъ сыномъ княземъ Семеномъ смотрѣли есмо промежи бгомолца нашего Іосифа игумена Троецкого и промежи...... никовъ нашихъ Саковичовъ о землю, обортное дерево *) подле монастыра жаловал нашъ игумен, так то есть земля црквная почевши от монастыра, и дотое сосны на брицах на одномъ корени двѣ отсюл от монастыра мое, а от туль твоя, а от толь до сосны до нашое, до старое монастырское подле Иванское дороги, а от тое сосны далокнѣи куда заводил предка моего Макарія бывшаго архимандрита печерскаго панъ Волечко Кляпиничь и отчини тое земли, который придалъ тую землю къ манастырю святей тройцы харыт (?), а за тыми соснами там нашего монастырскаго сосоня старины нѣтъ, и не идетъ тамъ, а на сей сторонѣ к манастырю вшеи старины нѣтъ и вы пошли в нашоу землю церковноую новоню, а старины вгиое нѣтъ и Сиковичи к тому жадного от пороу не чинили толко такъ рекли. Мѣли есмо право спредкомъ твоимъ Макаріемъ предъ господаремъ княземъ его милостью, под тою

*) Бортное дерево озн.—растущее дерево, въ стволѣ котораго выдолблены пустоты для жилья пчелъ. Одинъ изъ жителей г. Мстиславля разказывалъ, что когда проводили дорогу черезъ Мстиславскій лѣсъ, то изъ такихъ бортныхъ деревъ вынули болѣе 500 п. меду.

сосною, чи то подле Иванское дороги, и господарь князь его милость, так тогды врядилъ—от тое сосны ...... до монастыра, игуменъ к тому такъ рекъ. Если будетъ господарь князь его милость то врядилъ васъ с предкомъ моимъ Макаріемъ велѣлъ вамъ черезъ тоую сосноу пойти до монастыря самого есми вы ... до каждого и Сиковичи подали на то свѣтки Александра а Никиту, а Соколника Ермолоу, и инший, а Соколники игоуменъ ктому такъ рекъ; я рад споустити на Макарія, с которымъ вы право мѣли, а на Александра и на Микитоу нехай тые люди добрые што посвечтатъ, а я того хочю терпѣти, а Соколники отставилъ вамъ, дейто Вурекники и Сиковичи к тому такъ рекли; мы споускаемъ на всихъ и на Соколники и игуменъ к тому такъ рекъ; коли вы Сокольииковъ не хочете отставити, я был споустилъ на вашихъ люди, абы тые люди добрые посвѣтчили Макарій, а Александра, а Микита безъ присяги, а коле вы хочетъ и на Соколники я рад припоущаю на одного Ермолоу Соколника, нехай присяга посвѣтчить душа его подойметъ, а я того хочу терпѣти и на то шапки приставили *) и Ермола передъ нами такъ отказалъ, начомъ мнѣ присягати, я того ничаго невѣдаю, много я с княземъ ѣжчивалъ, мнѣ того неперепомятовати, и мы про лепшоую справедливость и тыхъ свѣтковъ опытывали и они такъ отказали-того невѣдаемъ, не слышали есмо о у князя штобы имъ всѣмъ пойти до монастыра, а Макарій намъ такъ отказалъ, коли я держалъ монастырь тогды мнѣ панъ Волчко **) кляпеничъ отвелъ по тое сосоне, выше реченное, а такъ рекъ Макарій хонтель дѣлати сосоне, потоуль дѣлай, а далей тамъ ...... тобѣ вжетамъ нѣтъ, а к собе никого непоущай тамъ нѣтъ ни-

*) Выраженіе шапку ставить,—нерѣдко встрѣчается въ актахъ Зап. Рос. изд. Археографическою коммисіею и, какъ кажется, означаетъ закладъ или залогъ, при заключеніи какого нибудь условія.

**) Написано по догадкѣ.

номоу, только монастырю; а о после того обходилъ харынъ отчинь который тую придалъ по тоеже сосоне велелъ ми ходити, а далей ми не велелъ ходити, а ксобѣ никого непоущати, и мы втомъ игоумена знашли есмо его праваго и тую землю отсоудили есмо церкви Божей постаромоу, какъ и передтымъ было.— Сиковичомъ нейти через тое сосоне, к манастырю, а игоуменоу такъ книмъ нейти дерьжаети есмо у того покоуль заводилъ панъ Волъчко, и тотъ отчичь земли тое харынъ, а которое сосоне пописали Сиковичи кутой земли церковной и мы тые знамена игоуменоу велѣли вытесывати, а свой ему писати а принасъ (были) бояренши: панъ Василій, а панъ Васили Зѣныковичь, а панъ Александръ Волчковичь, а духовникъ мой попъ...... спаскій, а на сведомъ всѣхъ тыхъ выше реченныхъ словъ сесь нашъ листъ, знашою печатю.

Подлинникъ хранится въ архивѣ бывшихъ греко-уніятскихъ митрополитовъ за № 485; писанъ на большомъ бумажномъ листѣ въ формѣ диплома, полууставнымъ почеркомъ. Въ концѣ рукописи, ни года, ни подписей, ни печати нѣтъ.

6.

Жалованная грамота полоцкому боярину Глѣбу Корсаку, на преемство полоцкой архіепископіи, по кончинѣ тамошняго владыки Германа Хрептовича 1558 г. (*).

Жикгимонтъ Августъ, Божьею милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій и иныхъ. Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ, кому будетъ потреба того вѣдати, ижъ есмо маючи ласко-

---

(*) Документъ доказывающій православіе предковъ, ополячившихся въ послѣдствіи западно-русскихъ дворянъ Корсаковъ и Хрептовичей.

вый взглядъ на пильные и вѣрные службы боярина земли Полоцкоѣ пана Глѣба Ивановича Корсака, и за жаданьемъ воеводы Полоцкого, державцы Свислоцкого, пана Станислава Станиславовича Довойна и пановъ бояръ земли Полоцкоѣ, дали есмо ему и симъ листомъ нашимъ даемъ архіепископью владычество Полоцкое, по смерти теперешнего архіепископа владыки тамошнего Полоцкого Германа Хрептовича. Маетъ онъ, по животѣ его, яко за симъ листомъ нашимъ и даниною, въ тую архіепископью Полоцкую въѣхати, и тую архіепископью и монастырь святого Михайла въ Городку, подаванья нашого господарьского, въ справу свою взяти, и на тотъ станъ духовный вступивши и водлѣ звычаю закону хрестіаньского совершившися, за насъ господаря повиненъ будетъ Бога просити, и тую архіепископью, со всимъ, потому, яко первые архіепископы владыки Полоцкіе держали, маетъ онъ до живота своего держати, и всихъ пожитковъ водлѣ давного обычаю уживати, и къ тому монастырю святого Михайла въ Городку архимандритовъ на то годныхъ подавати, справуючися во всемъ слушнѣ и раднѣ, яко на его станъ святительскій належитъ. И на то есьмо ему дали сесь нашъ листъ, съ подписаньемъ руки нашое господарьской, до котораго на твердость того и печать нашу приложити казали. Писанъ у Вильни, лѣта Божьего нароженья 1558, мѣсяца Марта 28 дня.

Изъ Литовской Метрики (Запис. кн. XXXVII, л. 139 обор.), хранящейся при правительствующемъ сенатѣ, въ С.-Петербургѣ. Въ заглавіи грамоты отмѣчено: Привилей Глѣбу Ивановичу Корсаку, на архіепископью Полоцкую.

7.

Грамота королевская мстиславскому и радомльскому старостѣ, князю Ивану Соломерецкому, о выдачѣ медовой и денежной дани тамошнимъ православнымъ монастырямъ и церквамъ. 1558 года.

Жикгимонтъ Августъ, Божою милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомоитскій, Мазовецкій и иныхъ, старостѣ Мстиславскому и Радомскому князю Ивану Васильевичу Соломерецкому, и иншимъ старостамъ Мстиславскимъ, хто и напотомъ тотъ замокъ нашъ отъ насъ завѣдати будетъ. Пріѣздили тыхъ часовъ до насъ священники и вси крылошане церкви соборное святое Троицы, со Мстиславля, оповѣдаючи, ижъ князь Михайло Ивановичъ Мстиславскій, маючи въ моцы своей замокъ Мстиславскій правомъ дѣдичнымъ, надалъ и записалъ давати съ своего подклѣта, вѣчными часы, на церковъ соборную святое Пречистое пять пудовъ меду желѣзного вѣсу, а на монастырь и церковъ святое Пречистое жъ въ Пустынцѣ три пуды меду желѣзного вѣсу и сорокъ грошей, а на церковъ святого Аѳонасія также три пуды меду, а на церковъ тежъ святого Архангела Михаила, въ Радомли, кадь меду прѣсного и десять копъ съ пашни Радомское отъ всякого збожья: на што они и листы князя Михайла Мстиславского передъ нами оказывали, за которыми дей завжды то имъ было давано ажъ до сего часу: одножъ дей староста бывшій Мстиславскій князь Иванъ Васильевичъ Полубенскій, предокъ твой, не казалъ имъ теперешнего догу того меду выдавати, повѣдаючи, яко бы хто того

въ скарбѣ нашомъ на личьбѣ приймовати не велѣли; гдѣ они били намъ чоломъ, абыхмо кривды имъ въ томъ дѣлати и оныхъ листовъ наданья князя Мстиславского нарушати не казали.— Ино жъ, кгдыжъ будетъ передъ тымъ, завжды, водлѣ листовъ князя Мстиславского, тотъ медъ имъ выдаванъ былъ, а князь Полубенскій кромъ слушное причины въ себе то задержати хотѣлъ; приказуемъ тобѣ, абы еси и теперь потомужъ ся къ нимъ заховалъ, и имъ весь медъ прѣсный и все то, што—кольвекъ на церквы менованые записано, въ кождый годъ выдавалъ, ничимъ не задерживая; а вѣдь же, естли бы што иншого въ томъ дѣялося, ты бы намъ знати о томъ далъ. Писанъ у Шерешовѣ, лѣта Божого нароженія 1558, мѣсяца Юня 9 дня.

Подлинникъ писанъ на бумагѣ, крупною скорописью. Королевской подписи нѣтъ. Внизу грамоты скрѣпа: Остаѳей, маршалокъ и писарь. Печать литовскаго княжества малая, подъ кустодіею, съ оттискомъ едва примѣтнымъ.

Хранится въ могилевскомъ архіерейскомъ архивѣ, въ связкѣ подъ № 115. См. Бѣлор. Арх. др. грамотъ, I, 19.

8.

Жалованная грамота полоцкаго Предтеченскаго монастыря иноку Арсенію Шишкѣ, на полоцкую и витебскую архіепископію. 1562 г. (*).

Жикгимонтъ Августъ, Божьею милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомоитскій, Мазовецкій, Лифлянтскій и иныхъ. Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ всимъ посполито, кому будетъ потреба того вѣдати, што которое архіепископство вла-

(*) Документъ доказывающій православіе ополячившихся фамилій Воловичей и Шишковъ.

дычьство Полоцкое и Витебское перво сего зъ ласки и данины нашое господарьское держалъ до живота своего панъ Григорей Марковичъ Воловичъ: ино, ижъ онъ тыхъ часовъ зъ сего свѣта зшолъ, мы, за писаньемъ и жеданьемъ воеводы Полоцкого и за чоломбитьемъ бояръ, шляхты и мѣщанъ и всего посполъства земли Полоцкое, тое архіепископство владычьство Полоцкое и Витебское, зъ ласки нашое господарьской, дали есмо и симъ листомъ нашимъ даемъ иноку Арсенію Шишцѣ, до живота его. Маетъ онъ тое архіепископство владычьство Полоцкое, со всими манастырями и церквями, и съ дворы и имѣньи, и зъ селы и зъ людми, и со всимъ што къ тому владычьству здавна прислухаетъ, до живота своего держати и уживати, и, на тое владычство совершившися, слушнѣ и раднѣ во всемъ ся справовати и за насъ господаря Бога просити, заховываючися во всемъ водлугъ обычаю закону своего Греческого, и съ пильностью того стерегучи, абы ся ни въ чомъ хвала Божья не вменьшала, и маючи въ моцы и владности своей архимандритовъ, игуменовъ, поповъ, чернцовъ, черницъ и все духовенство, которые здавна до сего часу послушеньство къ архіепископу владыцѣ тамошнему Полоцкому чинити повиньни, и всихъ платовъ, доходовъ и пожитковъ уживаючи, по тому яко и первые архіепископы владыки тамошніе Полоцкіе уживали. И на то есмо ему дали сесь нашъ листъ зъ нашою печатью. Писанъ у Вильни, лѣта Божьего нароженья 1562, мѣсяца Октября 22 дня.— Подписъ руки господарьское.— „Остаѳей Воловичъ".

Изъ Литовской Метрики (Запис. кн. XLIV, л. 64), хранящейся при правительствующемъ сенатѣ, въ С.-Петербургѣ. Въ заглавіи грамоты отмѣчено: Привилей на архіепископство и владычьство Полоцкое и Витебское иноку Арсенію Шишцѣ, до живота его.

9.

Выпись изъ гродскихъ книгъ б. воеводства брестскаго фундацiонной записи Ярослава Солтана, старосты острынскаго на православную церковь волчинскую. 1586 г. (*).

Лѣта отъ нароженя сына Божого тысеча шестсотъ семдесятъ семого, мѣсяца Февраля петнадцатого дня.

На враде Гродскомъ Берестейскомъ передомною Іерымъ (Юрьемъ) Станиславомъ Умястовскимъ Стольникомъ Венден-

---

*) Документъ этотъ сообщенъ редакціи при нижеслѣдующемъ письмѣ: „Редакція Вѣстника западной Россіи вѣроятно не откажетъ мнѣ помѣстить на страницахъ своего журнала предлагаемый мною документъ, который, кромѣ историческаго значенія своего—какъ фактъ доказывающій православіе предковъ нашихъ въ здѣшнемъ краѣ, можетъ послужить съ пользою въ настоящее время—время окончательнаго обрусенія края.— Я говорю о дарственной записи Ярослава Солтана старосты острынскаго, данной на надѣлъ землей и угодьями, на вѣчныя времена, священно- и церковно-служителямъ православной греческой вѣры въ мѣстечкѣ Волчинѣ, брестскаго уѣзда.—Нынѣ лучшая часть усадебной земли находится во владѣніи р. католическаго ксендза; [1]) мѣсто, на которомъ построенъ костелъ (при Михаилѣ Чарторійскомъ), считается теперь въ вѣденіи казенной палаты; самый домъ священника, построенный Ярославомъ Солтаномъ [2]), находится въ небреженіи, и только въ одной половинѣ его помѣщается ксендзъ.

Примѣч. 1) Усадебная земля, дарованая Ярославомъ Солтаномъ, не вполнѣ перешла къ р. католическому ксендзу; часть ея вошла въ составъ земель принадлежащихъ двору помѣщицы, и безполезно велась переписка по этому предмету предмѣстникомъ настоящаго ксендза.

Примѣч. 2) О древности строенія ручается самый матеріалъ. Прочность кирпича и цемента, превосходятъ послѣдующія постройки. Кирпичъ, употребленный на постройку костела въ 1733 году, гораздо низшаго достоинства, и только домъ, гдѣ родился послѣдній король польскій Станиславъ Понятовскій, можетъ быть ему современнымъ.

скимъ Подстаростимъ Берестейскимъ постановившиеѣ священно отецъ Петръ Банковский Презбитеръ Волчиньский Экстрактъ въ книгъ духовныхъ въ речи въ немъ нижей мене-

---

Новый надѣлъ землей для священно и церковно-служителей установленъ былъ княземъ Михаиломъ Чарторійскимъ, какъ видно по имѣющемуся о семъ документу, въ 1743 году, при бывшемъ тогда уніатскомъ священникѣ Іоаннѣ Будзиловичѣ, и съ соизволенія тогдашняго уніатскаго митрополита Θеофилакта Годебскаго, епископа владимірскаго и брестскаго.— Надѣлъ данный уніатскому священнику въ замѣнъ прежняго остался до настоящаго времени и за православнымъ. Усадьба не представляетъ никакихъ выгодъ: помѣщеніе семейному человѣку тѣсное; хозяйственныя постройки пришли окончательно въ ветхость; при томъ же чрезполосность самыхъ полей и вообще неплодородная почва, дурной выгонъ и сѣнокосный лугъ, дальность разстоянія отъ храма Божія, все это приводитъ меня къ тому убѣжденію что и уніатскій священникъ не пользовался особеннымъ расположеніемъ латинянъ, когда вынужденъ былъ уступить имъ и помѣщеніе свое и лучшую землю.

Нынѣ, при видимомъ возрожденіи древней западной Руси, когда сами латиняне принимаютъ нашу православную вѣру и, смотря по обстоятельствамъ, упраздняются нѣкоторые костелы или же обращаются въ православные храмы Божіи, должна наступить очередь къ упраздненію костела волчинскаго, а съ нимъ и возвратъ земель,завѣщанныхъ Ярославомъ Солтаномъ священно— и церковно-служителямъ православной греческой вѣры. Не можетъ быть, чтобы костелъ, считающій у себя не болѣе *пятнадцати* человѣкъ прихожанъ, могъ оставаться неупраздненнымъ, когда вокругъ и подлѣ него въ верстахъ только *пяти* находится ставскій костелъ, въ *семи*-немировскій, въ *осьми*-токарскій, въ *девяти*-высоко-литовскій, въ *десяти*-моровоницкій и въ *осьмнадцати*-милейчицкій.

Изъ актовъ имѣющихся въ волчинскомъ костелѣ, какъ я узналъ достовѣрно, видно, что построеніе его относится къ 1733 году; слѣдовательно ранѣе документа князя Чарторійскаго о новомъ надѣлѣ, относящагося къ 1743 году. Гдѣ же тогда проживалъ латинскій ксендзъ, и не употреблено ли какое либо насиліе отъ бывшаго дѣдича мѣстечка Волчина въ ущербъ всѣмъ выгодамъ тогдашняго уніатскаго священника? Весьма вѣроятно

ной per oblatum до книгъ Гродскихъ Берестейскихъ подалъ въ тые слова писанный. Вынисъ зъ книгъ духовныхъ капитулы Берестейское: Лѣта отъ нароженя сына Божого тысѣча

(взявъ въ соображеніе тогдашнее самоуправство магнатовъ), что еще въ 1733 году, по окончаніи постройки костела, насильно забрана была усадьба священника, что дѣло это тянулось (какъ очень часто бываетъ) до 1743 года, когда съ пріѣздомъ въ Волчинъ уніатскаго митрополита Ѳеофилакта Годебскаго, и по просьбѣ можетъ быть князя, дѣло улажено и скрѣпленъ упомянутый актъ.

Въ архивѣ костела вѣроятно хранятся данныя для разрѣшенія этого вопроса; но бумагамъ этимъ не суждено возродиться на свѣтъ Божій безъ понудительныхъ мѣръ, и тлѣютъ онѣ гдѣ нибудь подъ спудомъ въ подвалѣ или въ комодѣ приходскаго ксендза.

Разысканіе вообще подобныхъ матеріяловъ, скрытыхъ въ архивахъ кляшторовъ и костеловъ, повело бы къ большимъ результатамъ. Не темная догадка тогда, но яркая истина заговорила бы въ пользу водворяемаго нынѣ порядка, въ пользу древняго православія здѣшней Руси и возвратила бы обиженнымъ церквамъ нашимъ то, что по всѣмъ правамъ принадлежитъ имъ, но отнято во время гоненій—происками іезуитовъ и папистовъ, насильственнымъ водвореніемъ уніи, бестолковымъ самоуправствомъ польскихъ пановъ и невниманіемъ ихъ къ нуждамъ православныхъ и греко-унитовъ.—Кто можетъ повѣрить мнѣ, напримѣръ, что со времени пожара, уничтожившаго церковь въ мѣстечкѣ Волчинѣ, въ 1811 году по 1829 годъ князь Чарторійскій не позаботился построить для крестьянъ церковь, что уніаты должны были съ требами и молитвой притекать къ латинскому храму, гдѣ и совершалось для нихъ Богослуженіе, и только уже въ 1842 году построена была церковь изъ мѣстной ратуши.— Не есть ли это невниманіе или лучше сказать неуваженіе помѣщика къ духовной потребности его же крестьянъ, или же коварный расчетъ, что уніаты, молясь въ одномъ и томъ же костелѣ съ латинянами, окончательно обратятся къ западной церкви и позабудутъ о томъ, что связывало ихъ съ православіемъ? Послѣдствія доказали противное, но сколько зла принесло оно въ свое время, когда и въ настоящее оно еще такъ осязательно! Покойный помѣщикъ Пусловскій не многимъ чѣмъ уступилъ въ соревнованіи

пятсотъ семдесять шостого мѣсяца октобра двадцать осмого дня Индыкта шостого до актъ подано, а въ року теперешнемъ тысѣча шестсотъ семдесятъ пятомъ, мѣсяца ноября третѣго дня выйнято. Передомною, Томашомъ Корытыньскимъ Прото-презбитеромъ Берестейскимъ и Кобринскимъ Лаврентымъ Лазаревичомъ Присяглымъ писаромъ и всимъ духовѣнствомъ капитулы Берестейское ставши на враде нашомъ духовномъ честный отецъ Петръ Баньковскій Превзитеръ Волчиньскій жедалъ насъ абыѣсьмо книги судовые отворивши писарови нашому фундушъ славное памети Іего милосты пана Ярослава Солтана Старосты Острыньского на церковъ Волчиньскую служачый выдать повелѣли, который выдаючи слово въ слово такъ ся

своему предшественнику: при немъ съ 1829 по 1842 годъ грекоуниты пользовались такими же удобствами въ отправленіи своего Богослуженія какъ и при Чарторійскомъ.

Не въ правѣ ли и православные, въ свою очередь, требовать того же и чего требовали отъ нихъ когда то поляки латиняне; но это не въ духѣ религіозныхъ убѣжденій нашихъ: мы не стѣсняемъ ничьей совѣсти и не преслѣдуемъ ничьихъ религіозныхъ убѣжденій, а ежели упраздняются монастыри и нѣкоторые костелы въ здѣшнемъ краѣ, то это въ интересахъ чисто административныхъ, или же они совершенно излишніе, какъ напримѣръ—хотя бы волчинскій костелъ. Неужели оставлять его ради *пятнадцати* человѣкъ прихожанъ, которые, говоря мимоходомъ, имѣютъ въ пяти верстахъ ставскій костелъ, между тѣмъ какъ мѣстная православная церковь не въ состояніи вмѣстить въ себѣ всѣхъ желающихъ слушать слово Божіе, да кромѣ того подобный приходъ занимаетъ усадьбу и лучшую землю, принадлежащую по всѣмъ правамъ православнымъ.

Миръ праху твоему, покойный Чарторійскій: не мнѣ укорять тебя; ты былъ истинный сынъ вѣка, и нашимъ властямъ дано только право возстановить то, что тобой было разрушено; мнѣ же предстояло только заявить это во всеуслышаніе.

Отставной капитанъ Іосифъ Борковскій.

г. Брестъ, мая 26 дня 1865 года.

въ собѣ маютъ. Я Ярославъ Солтанъ староста Остръıньскій и зъ жоною моею Марьıею ознаймуемо тымъ нашимъ добровольнымъ фундацыйнымъ листомъ и вѣчистымъ записомъ кому бы о томъ вѣдать приналежало, альбо чтучи коли слышатъ теперъ и на потомъ будучыхъ вѣку людемъ якого вѣры Гречеckое ижъ мы вобопольнѣ со женою своею сподѣваючься ласки и милосердя Божого въ подешлыхъ теперъ лѣтѣхъ нашыхъ отъ Господа Вседержителя, умыслилесьмо въ маетности нашой въ селѣ Волчинѣ церковъ заложеня иже во свѣтыхъ Отца нашого Николая Мурликійскаго и свѣтого великого Мученика Христова Георгія уфундоваты, а нерозрываючи собѣ умыслу нашого ку душевно полизному спасеню хотяще оного во второе страшное прышествіе Господа нашого Ісуса Христа получыты созвавшы къ себѣ сусѣдъ нашихъ зъ которыми утворилесьмо найпервей Волокъ тры во всѣхъ трохъ полеткахъ зъ сѣножатями навозами зъ огородами якося тые волоки здавна зъ помѣру своего въ собѣ мѣли и до сего дня маютъ, а особливѣ при селенѣ где домъ свещеническій буты маетъ близу двора нашого Волчыньского зъ садомъ идучоѣ доломъ взѣмши одъ тогожъ двора даже до мостка вшыръ, а въ должъ до гостынца Высоцкаго между полемъ нашимъ дворнымъ а) тое все вылучивши на честь и на хвалу Го-

---

а) Около 1731 года эта усадьба насильнымъ образомъ отнята отъ бывшаго тогда уніатскаго священника Іоанна Будзиловича, какъ это видно изъ позднѣйшихъ визитныхъ актовъ, хранящихся въ архивѣ церковномъ, гдѣ ясно сказано, что этимъ сдѣлана величайшая обида для церкви и что священники должны жаловаться, куда слѣдуетъ. Въ 1731 году, на самомъ видномъ мѣстѣ сей усадьбы, построенъ княземъ Чарторійскимъ римскій костелъ и тутъ же поселился римскій ксендзъ, и вѣроятно въ томъ-же домѣ, который построенъ Ярославомъ Солтаномъ для православнаго священника, ибо вслѣдъ за тѣмъ уніатскіе священники, бывъ принуждены переселиться на другую уволоку земли церковной, за полъ версты слишкомъ отъ церкви, гдѣ и нынѣ усадьба православнаго священника, жили въ собственныхъ

споду Богу и оразъ во честь и во память вышѣ описаныхъ святыхъ Божыхъ вымѣрывши и отделивши церковъ Божію уфундовали, до того на порадокъ церковный и обыходъ Свещениченьскій зъ пашни нашое дворное ничого большъ только десять бочокъ жыта мѣры Берестейское и грошей золотыхъ чотыры десятъ личбы и монеты Польское що рокъ даваты мы сами и по насъ наступцы нашы повинни будемъ што Свещенника Волчыньского што рокъ доходыты маетъ, а Свещенникъ за то въ церкви иметы маетъ вино, ладанъ, Просфуры и свѣче и въ каждый тежъ день за насъ и за наступцовъ нашыхъ што середа молебенъ, а за умерлыхъ продковъ нашыхъ што пятокъ и собота службу Божію за души ихъ одправоватъ долженъ будетъ благаючи Господа Бога во вѣчный онымъ покой, также домъ Свещеническій близу церкви своимъ коштомъ побудовалесьмо, и Аппаратъ увесь яко належить ку той церкви, зъ книгами зъ дзвонами справивши оддалесьмо, и въ млынахъ мливо вольное безъ мѣрки и въ Бору нашомъ на опалъ древа Свещенникови Волчыньскому ничимъ невозбранно позволилысьмо; б) зачемъ наставшый Свещенникъ по Свещеннику однако словѣньскимъ языкомъ бы и въ найпознѣйшій вѣкъ а по нихъ и наступцы ихъ маютъ и повинни будутъ водлугъ обрадку вѣры христіанское Греческое въ каждое

лачужкахъ. Въ 1743 году при посѣщеніи прихода волчинскаго уніатскимъ митрополитомъ Ѳеофилактомъ Годебскимъ, который, какъ можно полагать, вступался за отнятіе усадьбы церковной, князь Чарторыйскій, спустя слишкомъ 13 лѣтъ послѣ занятія усадьбы священнической, въ замѣнъ таковой далъ не соотвѣтственный кусокъ земли вблизи еврейскихъ пастбищъ, на каковый замѣнъ тутъ же дано было согласіе митрополита, изъ коего копія на латинскомъ языкѣ понынѣ хранится въ архивѣ церковномъ. Зам. Свящ. *К. П.*

б) Мливо вольное безъ платы было до 1862 года, а съ этаго времени уничтожено помѣщицею; дровъ-же съ незапамятныхъ временъ священникъ не получаетъ, хотя въ 1845 году повѣренный помѣщицы при составленіи проэктовъ обязался. Зам. Свящ. *К. П.*

всяко Урочыстое и въ недѣлю службу Божію одправоваты просячы Господа Бога за короля Его милосты, за всю Рѣчъ посполитую и Воя ихъ, то тежъ и за насъ самихъ и по насъ за наступцовъ нашихъ покесьмо живы, а по смерти за души нашы должни суть, ку тому маютъ Іерее постерегатъ абы подданные наши дѣти хрыстыли, а сами безъ шлюбовъ не мѣшкали, хорые безъ споведи ихъ и прычастя Тѣла и крови Христова зъ того свѣта не сходыли, што вѣчнѣ утвердывши никому моцы и владзы нѣзоставуемо, только до той церкви фундацыи нашой вѣчыстой Владыцы Володымерскому и Берестейскому и Его капитуле они яко властные опѣкуновѣ моцію и повагою сеѣ фундацыи нашое даное маютъ и повинни будутъ всего того постерегатъ. А гдебысьмы мы сами або по насъ наступцы наши сего полниты нѣвосхотѣли або воли нашой выразной въ чомъ спротывытыся мѣли, тогда Его милость Отецъ Владыка зъ капитулою своею маютъ того доходыты, а за дойстѣмъ того тоѣжъ вѣчнѣ и непорушнѣ мы сами и по насъ наступцы нашы твердыты обѣцуемо, подъ клятвою Божею анатема в). Которую то фундацыю на вѣчные часы ствержаючи при печати рукоюся своею и именемъ малжонки своей подписую, до котораго-то листу запису фундацыи нашоѣ вѣчыстоѣ упросилемъ пановъ прыятель нашыхъ о подписъ руки, которые на прозьбу нашу рачыли вдѣлатъ и къ сему листу руки свои подписали. Писанъ въ дворе нашомъ Волчыньскомъ подъ лѣто Божого нароженя тысеча пятсотъ осмдесятъ шостого мѣсяца Мая девятаго дня Індыкта шостого. У того листу запису вѣчыстой фундацыи подпись

в) Впрочемъ все показанное въ сей фундушовой записи мало по малу уничтожено, только вѣроятно въ замѣнъ всего, священникъ получаетъ изъ двора волчинскаго ежегодно шестнадцать рублей и семнадцать коп. сереб., что и показывается по клировнымъ вѣдомостьямъ сей церкви. зам. Свящ. *К. П.*

рукъ тыми словы. Ярославъ Солтанъ староста Острын: самъ одъ себе и имѣнемъ малжонки мей рукою моею подписую. Устнѣ и очевисто прошоный печатаръ до сего листу побожной фундацыи одъ Его милости Пана Ярослава Солтана старосты Острын: Янъ Война рукою власною. Устнѣ и очевисто прошоный печатаръ до сего листу побожной фундацыи одъ Его милости Пана Ярослава Солтана старосты Острын: и Панѣй малжонки Его милосты Гіедеонъ Сума рукою. Который же то листъ записъ вѣчистой фундаціи есть до книгъ духовныхъ прынятъ и уписанъ. Зъ которыхъ и сесь выписъ подъ печатю врадовою и зъ подписомъ руки писарское честному Отцу Петру Баньковскому Презвитерови на сесь часъ будучому Волчыньскому есть выданъ. Писанъ въ Богоспасаемомъ Граде Берестю року тысѣча шестсотъ семдесятъ пятого мѣсяца Ноября третего дня. У того экстракту пры печати прытысненой подписъ руки тыми словы. Отецъ Лаврентьі Лазаровичъ писаръ прысяглый Капитулы Берестейское рукою. Который же тотъ экстрактъ per oblatam черезъ особу верху мененую поданый, есть до книгъ Гродскихъ Берестейскихъ уписанъ. Зъ которыхъ и тенъ Видымусъ въ року теразн: тысіондъ седмсетнымъ осмдзіесіонтъ вторымъ мѣсяца Децембра чвартего дня стронѣ потржебуіонцей подъ пѣченціонъ ужендовонъ гродзсконъ В. Б. есть выданъ.

М. П.

Correctum Tadeusz Laskowski Rgnt Grod. W-a Brzgo.

Вѣрно съ документомъ хранящимся въ архивѣ волчинской православной церкви, что собственноручнымъ подписомъ съ приложеніемъ церковной печати свидѣтельствую 1865 года мѣсяца Мая 30 дня. М. Волчинъ.

Волчинской св. Николаевской церкви настоятель, священникъ *Кипріанъ Павловичъ*.

10.

Отрывокъ жалобы депутатовъ земли волынской, принесенной варшавскому сейму и польскому сенату, въ 1622 гогу, отъ лица всѣхъ православныхъ обитателей русскихъ областей, состоявшихъ тогда подъ владычествомъ Польши, на преслѣдовавшихъ ихъ за православную вѣру папистовъ, въ особенности на полоцкаго уніятскаго архіепископа Іоасафата Кунцевича.

(*Переводъ съ польскаго*).

„Вамъ извѣстно, ясновельможные паны, все что относится къ дѣламъ вѣры, къ правамъ и вольностямъ. Вамъ не могутъ быть неизвѣстными несправедливости и притѣснительныя дѣйствія, каковы, напримѣръ, призваніе къ судамъ, аресты, казни, изгнанія, замышляемыя противъ насъ, дворянъ и гражданъ, духовенства и мірянъ изъ русскаго народа, исповѣдующихъ древнюю греческую вѣру, вслѣдствіе клеветъ, взводимыхъ на насъ нѣкоторыми высшими членами духовенства, враждебными къ восточной церкви... Къ великому страданію нашего отечества, наши притѣснители до сихъ поръ не измѣнили своего образа дѣйствій, и ныне еще, вопреки всякому закону и всякой справедливости, они попираютъ ногами всѣ права совѣсти.

„Въ продолженіи двадцати восьми лѣтъ мы представляли и исчисляли каждому сейму великія несправедливости и нестерпимое угнетеніе, которымъ подвергали насъ отступники отъ вѣры—митрополитъ и епископы. Васъ умоляли со слезами и рыданіями употребить ваше мощное ходатайство передъ его величествомъ королемъ для избав-

денія народа русскаго отъ тяготѣющаго надъ нимъ гнета; но до сихъ поръ все идетъ по старому; мы терпимъ всевозможныя униженія, мы переносимъ страшное иго.... У насъ отняли наши права, наши вольности и льготы...

„Права эти и вольности народъ русскій купилъ цѣною своей крови... Вотъ уже двадцать восемь лѣтъ сряду приходитъ онъ сюда, заявлять каждому сейму свои обиды, свои страданія, насилія, которымъ подвергались его независимость и его вольности, умолять со слезами, чтобъ ему подали помощь и обезпечили покой... полоцкій архіепископъ-отступникъ, называющій себя Іоасафатомъ Кунцевичемъ, дерзнулъ внести въ брацлавскія муниципальныя книги, во имя и безъ вѣдома одного почтеннаго сенатора, декларацію, провозглашающую сообщниками нѣкоей измѣны собратій нашихъ дворянъ воеводствъ витебскаго, могилевскаго и полоцкаго.

„Въ Бѣлоруссіи тотъ же архіепископъ полоцкій оставляетъ запечатанными въ продолженіе пяти лѣтъ православныя церкви Орши и Могилева. Граждане полоцкіе и витебскіе, не имѣя въ городѣ даже простаго дома, назначеннаго для богослуженія, принуждены по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ выходить для божественной службы за заставы, въ поля, да и то безъ священниковъ, такъ какъ имъ запрещено имѣть ихъ въ городахъ и въ окрестностяхъ. Бѣдные люди, не желая признавать иного исповѣданія, кромѣ того, въ которомъ они родились, поставлены въ необходимость возить своихъ дѣтей для крещенія на разстояніе 10-ти миль и болѣе, и это продолжительное и трудное путешествіе нерѣдко ведетъ къ тому, что многіе изъ младенцевъ умираютъ, не принявъ крещенія... Наконецъ, вотъ дѣло въ высшей степени ужасное, невѣроятно варварское и свирѣпое: въ прошедшемъ году, въ томъ же самомъ бѣ-

лорусскомъ городѣ Полоцкѣ, вышеупомянутый полоцкій епископъ-отступникъ Іоасафатъ Кунцевичъ далъ повелѣніе выкопать изъ земли тѣла православныхъ, недавно погребенныя въ церковной оградѣ, и выбросить изъ могилъ христіанскіе останки на съѣденіе псамъ, какъ нечистую падаль!“

II.

ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦІЯ

до и во время послѣдняго мятежа.

1831—1863 г.

(Продолженіе).

ГЛАВА III.

Бемъ и его теоріи.

Пока Бемъ ратовалъ въ Португаліи и Испаніи, европейскіе революціонеры готовили новыя силы. Бемъ предвидѣлъ что при дѣятельности коноводовъ приближалось время новаго разлива мятежныхъ пожаровъ по Европѣ. Не принадлежа ни къ какой партіи, и не достаточно сильный, чтобъ образовать значительную свою, Бемъ, опасался, что бы ему при будущихъ волненіяхъ не остаться внѣ круга дѣятельности, и чтобы напомнить о себѣ, онъ выступилъ на литературное поприще. „Бемъ," по отзыву одного эмигранта, „предпочелъ изданіемъ своихъ сочиненій возбудить вниманіе заинтересованныхъ правительствъ, чѣмъ подать поводъ эмиграціи и своимъ соотчичамъ подумать, что онъ, послѣ своихъ португальскихъ и испанскихъ похожденій, дѣло ойчизны, какъ старый плащъ, повѣсилъ въ кладовую на гвоздикъ."

Мысль Бема была во первыхъ напомнить о себѣ, а во вторыхъ всѣ толки планы и проэкты эмигрантовъ, каса-

тельно будущаго возстанія привести въ систематическій порядокъ, подвергнуть ихъ критическому разбору и авторитетомъ высказать тѣ правила, которыя должны привести къ неминуемому успѣху.

Сочиненія Бема заслуживаютъ нѣкотораго ближайшаго съ ними знакомства; въ нихъ съ одной стороны найдемъ мы новыя доказательства, какъ подъ перомъ поляка теорія становится послушна бойкой польской фантазіи, какъ историческія и статистическія данныя становятся услужилвыми лелеиваемымъ мечтамъ, какъ смѣло могутъ быть сдавливаемы въ одно цѣлое ерошащіяся противурѣчія, а съ другой стороны въ брошюрахъ Бема, мы найдемъ тѣ предначертанія, которыхъ слѣды высказались въ послѣдовавшихъ польскихъ продѣлкахъ.

Бемъ знакомитъ читателя съ своего личностью, наводитъ, что въ минуту дѣйствія, онъ готовый распорядитель, предупреждаетъ объ опасности довѣряться людямъ, на которыхъ онъ не укажетъ, льститъ молодежи, льститъ сперва шляхетству, готовому на пожертвованія, а потомъ самъ же указываетъ средства, какъ прижать это имяхетство, чтобы его принудить къ уступкамъ, и вдаваясь въ подробности, уносимый пламеннымъ своимъ воображеніемъ Бемъ, даже опасается за излишнее накопленіе повстанскихъ силъ, изъ народонаселенія имъ насчитываемаго десятками миліоновъ! Въ довершеніе вѣрности практическаго взгляда на вещи, замѣтимъ что по убѣжденіямъ Бема, перваго возстанія Польши будетъ достаточно чтобы мятежъ разлился по цѣлой Россіи. Какъ злобно подсмѣялись послѣдствія надъ глубокомысленными теоріями Бема.

„Я обрекъ себя военной службѣ для родины, пишетъ Бемъ, и хочу ей посвятить остатокъ моихъ дней, потому предлагаго соотчичамъ, плоды моихъ многолѣтнихъ размышленій. Пройдя военныя школы, я началъ службу при Наполеонѣ, и послѣ нашей борьбы 1831 года, я принялъ участіе въ войнахъ Португаліи и Испаніи, находящихся въ положеніи сходномъ съ нашимъ.“

„Нынѣ (въ 1846 году) всѣ поляки убѣждены, что Польша должна расчитывать только на собственныя силы. Землевладѣльцы положили что крестьянамъ необходимо должно уступить земли и освободить ихъ отъ барщины, для того чтобы всѣ сословія были заинтересованы въ дѣлѣ.

Подобное благородное рѣшеніе помѣщиковъ должно имѣть благодѣтельнѣйшія послѣдствія. Нація, по возстановленіи своей независимости не замедлитъ ихъ достаточно вознаградить за сдѣланное ими пожертвованіе части своего состоянія.“

„По первому сигналу вся Польша возстанетъ какъ одинъ человѣкъ, но для полнаго успѣха должно дѣйствовать по заранѣе обдуманному плану, вполнѣ во всѣхъ частностяхъ, тщательно обработанному, потому предлагаго моимъ согражданамъ нѣсколько мыслей по этому предмету.

„1.) Власть. Начало должно быть съ утвержденія власти — она должна принадлежать оставившимся нашимъ народнымъ представителямъ, всякая другая только принесетъ вредъ польскому дѣлу.

„Власть обществъ и партій могутъ породить только междуусобія.

„Всякій эмигрантъ, вступивъ въ какую либо партію, полагаетъ что только она одна можетъ спасти отечество; онъ возмущается всякимъ другимъ несогласующимся мнѣніемъ; слѣдствіе этого та вражда между партіями, что едва ли примиреніе ихъ возможно.

„Остались представители народа, члены сейма и хотя число ихъ и не достигаетъ требуемаго сеймовыми постановленіями, но они должны обратиться къ эмиграціи и къ народу, и безъ сомнѣнія къ нимъ примкнутъ всѣ благомыслящіе.

„Члены сейма едва только однажды подали знакъ жизни; своимъ молчаніемъ они допустили образованіе партій въ эмиграціи. Голосъ сейма прекратитъ всякую анархію.

„Сеймъ долженъ поручить веденіе дѣлъ тщтельно имъ избраннымъ личностямъ.

„При вооруженномъ вторженіи народное правительство должно остаться во Франціи и возвратиться въ край, по изгнаніи врага.

„2.) Приготовленіе къ войнѣ: Главное условіе разбить врага — нашъ лозунгъ долженъ быть истребленіе его армій, но не въ ученыхъ военныхъ трактатахъ должны мы искать къ тому средства, военное искусство просто и основано на здравомъ смыслѣ, оно можетъ быть выражено нѣсколькими словами, бить врага тѣмъ что имѣемъ подъ рукою.

„Чарноцкій слѣдовалъ только своимъ внушеніямъ и выгналъ шведовъ; потому и горцы твердо стоятъ въ своей борьбѣ съ русскими на Кавказѣ.

„Единственный примѣръ иноземныхъ войнъ, который можетъ быть примѣнимъ къ Польшѣ это Испанія. Она въ 1808 году устроила истребляющую борьбу партизанами, и она или истребила или прогнала непріятельскія войска.

„Потому мы должны руководствоваться однимъ здравымъ разсудкомъ.

Начнемъ счетомъ нашихъ силъ. Отъ Балтійскаго до Чернаго моря мы имѣемъ (въ 1846 г). Подъ властью Пруссіи 5,500,000, — Австріи 4,800,000, — Россіи 18,200,000, — итого 28,500,000.

„Кромѣ того къ намъ охотно присоединятся казаки и черноморскіе татары, въ числѣ 5,000,000.

Принимая только 28 милліоновъ и считая по 4 человѣка съ тысячи мы можемъ для боя выставить 1,120,000:

Съ этими громадными силами, развѣ мы не уничтожимъ всѣ арміи, которыя наши враги вышлютъ въ наши области. Все что они могутъ на первый случай выставить составляетъ: для Россіи 200,000, — Австріи 100,000, — Пруссіи 100,000, — итого 400,000.

„Мы противупоставляемъ имъ потому 3-хъ противъ одного. Начавъ съ того, что всѣ непріятельскіе солдаты, находящіеся на польской землѣ, должны быть приговорены къ смерти, то если каждый возставшій полякъ постарается какимъ бы средствомъ не было извести только одного непріятеля, понятно что въ самое короткое время, всѣ непріятельскія войска будутъ истреблены. Да проникнется вся польская нація этимъ простымъ расчетомъ, и да пойметъ она свою силу. Каждому поляку, призванному къ оружію, нужно извести одного только врага и Польша достигнетъ прежняго своего величія и славы.

„Польская молодежь, наша надежда; она должна готовиться въ ожиданіи великой борьбы, изъ которой изольется возстановленіе отечества.

„Не военныя книги должна она читать, но укрѣплять свое тѣло и душу; каждый долженъ стараться имѣть добраго коня и нѣсколько хорошаго оружія для себя и для другихъ, охотою за звѣрями выработывать себя къ тру-

дамъ и достигать искусства, ни одной пули не выпускать даромъ; запасаться порохомъ, сохраняя его въ хорошо закупоренныхъ бутылкахъ.

„До времени должно избѣгать всякихъ заговоровъ, всякій долженъ работать про себя и быть въ высшей степени осторожнымъ, никогда ничего не писать что могло бы скомпроментировать и передавать свои мысли можно только испытаннымъ людямъ; предатели могутъ быть въ средѣ собственныхъ семействъ. Деньгами не сорить на пустые расходы, но употреблять ихъ на закупку оружія и припасовъ, за эти расходы онъ получитъ въ послѣдствіи свое вознагражденіе отъ націи.

„3.) Какъ вести народное возстаніе? Основаніемъ должно быть ни передъ кѣмъ и ни гдѣ не отрѣкаться отъ существованія Польши. Противъ этого возстанутъ всѣ фантазеры, утверждающіе что силы возстанія должны быть въ одной рукѣ; они только въ диктаторѣ думаютъ искать спасенія, полагая что найдется подобный человѣкъ, который будетъ, если не полубогъ то по крайней мѣрѣ человѣкъ необычайный. Къ сожалѣнію прошедшее того не подтверждаетъ, да и впредь того не будетъ. Всѣ люди-люди, и даже если бы нашелся таковой, то при наилучшихъ своихъ намѣреніяхъ развѣ онъ застрахованъ отъ ошибокъ. Наполеонъ умеръ въ изгнаніи, потому что ошибся относительно Польши.

„Мы имѣли Косцюшко; не буду разбирать его дѣйствій, край на него возложивъ всѣ свои надежды, и съ плѣномъ диктатора пересталъ принимать участіе въ борьбѣ, хотя онъ, населенный болѣе нежели двадцатью милліонами жителей, легко могъ бы уничтожить всѣ непріятельскіе отряды, въ нѣсколько тысячь.

„Мы имѣли Хлопицкаго, его провозгласили диктаторомъ; хорошій солдатъ сдѣлался плохимъ правителемъ и привелъ къ паденію народное возстаніе. Напротивъ того, если бы мы съ легкими подвижными колоннами, какъ Дверницкаго на Волыни, Хлаповскаго въ Литвѣ, раскинули войну по всему краю, мы водрузили бы польскіе орлы подъ стѣнами Москвы.

„Мы собственными руками убили возстаніе 1831 года, устраивая регулярные полки, съ централизованіемъ власти и силъ; край дозволилъ двигаться отрядамъ непріятеля

и все было парализировано. Революція умираетъ, если она не идетъ впередъ.

„Не менѣе вредно связать существованіе возстанія съ какою либо мѣстностью. Потерявъ Варшаву, мы кончили войну постыднѣйшимъ образомъ въ то время, когда по справедливости мы были сильнѣе нашего противника.

„Для достиженія цѣли нужно чтобы возстаніе дѣйствовало постоянно и вездѣ, по всѣмъ областямъ бывшей Польши.

„Подобный способъ дѣйствія будетъ еще имѣть ту выгоду, что никто не можетъ вступать въ какіе либо переговоры или соглашенія со врагомъ, пока весь край не будетъ отъ него очищенъ.

„Начальники мѣстнаго вооруженія и подвижныхъ колонъ должны быть люди энергическіе; способность начальствовать, музыка, живопись и военное дѣло даются при рожденіи, ни возрастъ, ни наука не помогутъ природѣ.

„Военный начальникъ при встрѣчѣ съ врагомъ долженъ съ перваго взгляда опредѣлить свое положеніе относительно врага и всякое обстоятельство обратить въ свою пользу. Способный пріобрѣтаетъ ихъ скоро, неспособный никогда; наука ни въ чемъ не поможетъ. Военному человѣку должно знать географію, статистику и исторію; для спеціальнаго дѣла нужны еще артиллерія, фортификація, математика, химія и физика. Мы должны избѣгать иноземныхъ офицеровъ, незнающихъ ни языка, ни духа націи. На людей содѣйствующихъ призыву иноземныхъ начальниковъ должно смотрѣть какъ на людей опасныхъ. Польша не нуждается въ людяхъ съ сердцемъ и преданныхъ дѣлу. Въ эмиграціи еще много замѣчательныхъ военныхъ людей, которые сумѣютъ вести дѣло возстанія по пути славы; мы имѣли до 6000 военныхъ, разбросанныхъ по всѣмъ странамъ, въ томъ числѣ отъ 3 до 4 тысячь офицеровъ.

„Война должна быть партизанская, многіе полагаютъ, что вся нація должна ополчиться поголовно, мы же полагаемъ, что собравъ по 4 человѣка съ тысячи 1,200,000 вооруженныхъ будетъ достаточно. Половина людей должна образовать военныя силы мѣстнаго возстанія изъ другой должны быть образованы подвижныя колонны.

Въ гражданскомъ управленіи не должно вводить никакихъ новыхъ властей, потому что прибытіе непріятеля

можетъ его разстроить; гражданское управленіе должно быть только подчинено начальнику мѣстныхъ войскъ.

Начальники подвижныхъ колоннъ не должны забавляться на одномъ мѣстѣ, но въ безпрестанныхъ движеніяхъ въ кратчайшее время стараться проходить большее пространство, вездѣ подымая жителей къ возстанію.

Всякое бѣгство должно быть наказано смертью. Для избѣжанія всѣхъ затрудненій неразлучныхъ съ большими силами, всякій начальникъ, при увеличеніи его отряда свыше 3,000, образуетъ отъ себя новую колонну, ввѣряя ее особому начальнику. Начальники первыхъ подвижныхъ колоннъ назначаются высшею властью, и только отъ нея зависятъ, а начальники послѣдующихъ зависятъ отъ начальника его назначившаго.

„Война Россіи съ иностранною державою можетъ быть для насъ полезна, но при громадномъ числѣ людей, которые мы сами можемъ выставить подобная помощь не крайне необходима. Также не нахожу необходимости выжидать пока революціонеры произведутъ въ Россіи мятежи; мы можемъ быть вполнѣ увѣрены, что лишь только мы раздадимъ земли нашимъ крестьянамъ, то мятежъ быстро сообщится по всей Россіи, чрезъ сосѣднія губерніи, и онъ въ основаніи потрясетъ всю Русскую имперію.

„Для начала возстанія не должно ни устроивать предварительный заговоръ въ краѣ, ни назначать опредѣленное время, которыя могуть быть преждевременно открыты; но должно чтобы страна и эмиграція были всегда готовы подняться, и нѣсколько тысячь эмигрантовъ, небольшими частями заключающіе въ себѣ кадры пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, проникая въ край въ назначенное время, и вѣдомые назначенными энергическими и испытанными людьми подымаютъ населеніе. Полагаю даже лишнимъ чтобы власти назначали предводителей; лучше предоставить ихъ выборъ самимъ эмигрантамъ, которые заслуживаютъ того, чтобы посвящая себя народному дѣлу, они въ награду сохранили бы покрайней мѣрѣ эту привиллегію.

„Предупреждаемъ нашихъ соотчичей въ краѣ не довѣряться отдѣльнымъ эмиссарамъ, они могутъ быть только шпіоны, которые себя облекаютъ въ роль горячихъ патріотовъ.

„На счетъ денежныхъ средствъ полагаю, что добровольныхъ пожертвованій должно избѣгать, внесшіе деньги считаютъ свое дѣло сдѣланнымъ и себя свободными отъ дальнѣйшаго участія; кромѣ того они могутъ потомъ подвергнуться отвѣтственности; но когда всѣ обязаны вносить подати на дѣло освобожденія, то никто не будетъ компроментированъ и всегда можно привести въ оправданіе, что были къ тому принуждены с и л о ю. Возстанія должны быть мѣстныя по всему краю, а дѣйствія предпочтительно подвижными колоннами.

„Начальникъ изъ мѣстныхъ долженъ наблюдать за исполненіемъ декретовъ высшей власти, за освобожденіемъ крестьянъ, за сохраненіемъ порядка, за всѣми дѣйствіями противника и стараться прервать его сообщенія, уничтожать запасы, раздавая ихъ жителямъ.

„Мѣстныя войска должны избѣгать встрѣчи съ войсками, но кидаться на маленькіе отряды и истреблять ихъ, равно какъ и отдѣльно слѣдующихъ непріятельскихъ солдатовъ; по ночамъ постоянно безпокоить лагери противниковъ, для чего достаточно нѣсколькихъ рѣшительныхъ человѣкъ, и постоянно должно содержать самымъ тщательнымъ образомъ сообщенія съ сосѣдними начальниками, дабы быстро передавать всякія свѣдѣнія и не пропускать случая воспользоваться оплошностью противника.

„Для избѣжанія отвѣтственности никакихъ насилій не дѣлать надъ противникомъ по деревнямъ, сельскіе жители чрезъ то могутъ подвергнуться наказаніямъ; даже предъ входомъ въ деревню повстанцы должны оставлять свое оружіе. Одежда повстанцевъ должна быть обыкновенная крестьянская, снабженная какимъ либо условнымъ знакомъ, который при встрѣчѣ съ противникомъ сей-часъ можно было отбросить; мѣстное возстаніе должно быть раздѣлено на округи, съ населеніемъ отъ 15 до 20 тысячь жителей; начальникъ мѣстныхъ войскъ, въ случаѣ бѣгства, долженъ сдать свое начальство мѣстному начальнику; часть мѣстныхъ войскъ должна быть только въ сборѣ, а часть въ разсылкѣ, особенно для ночныхъ нападеній; мѣры должны быть приняты такія, чтобы каждую ночь по нѣсколько вражескихъ солдатъ было бы истребляемо.

„П о д в и ж н ы я к о л о н н ы. Всѣ военныя дѣйствія состоятъ въ дѣйствіяхъ подвижныхъ колоннъ; онѣ должны быть

такъ устроены, чтобы въ мѣстныхъ войскахъ онѣ имѣли кадры пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи; въ случаѣ надобности онѣ быстро могутъ значительно увеличить свои силы.

„Пѣхота должна быть на крестьянскихъ лошадяхъ, дабы всегда могла уйдти отъ противника сильнѣйшаго и догнать слабаго.

„Начальникъ подвижной колонны сзываетъ крестьянъ и объявляетъ имъ, что они въ даръ получаютъ землю, избавляются отъ барщины и непремѣнно при себѣ приказываетъ привести эти мѣры въ исполненіе, за тѣмъ требуетъ по 4 человѣка съ тысячи, половину включаетъ въ свою колонну, а другая половина образуетъ мѣстное войско, котораго начальникъ назначается по выбору начальника подвижной колонны. Назначенный начальникъ мѣстнаго войска немедленно приводитъ его приказанія въ исполненіе.

„Жителямъ должно доказать что всѣ исполняемыя мѣры должны быть ими принимаемы за стѣснительныя, потому что послѣ освобожденія страны, сеймъ за все вознаградитъ сполна.

„Начальники подвижныхъ колоннъ должны нападать на города, не имѣющіе достаточнаго гарнизона и истреблять тамъ находящихся солдатъ.“

(Окончаніе впредь).

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

протоіерея ковенскаго Александро-невскаго собора Петра Мироновича.

Подвигомъ добрымъ подвизахся.....

Въ вертоградѣ литовской православной церкви были разумные дѣятели, были замѣчательныя личности. Къ числу ихъ принадлежитъ протоіерей ковенскаго Александро-невскаго собора Петръ Мироновичь. Не мало времени прошло со дня его кончины, а добрая память о немъ сохранилась у всѣхъ добрыхъ людей ковенской губерніи. Дѣти покой-

наго, друзья его и почитатели неоднократно просили меня написать его біографію. Я отнѣкивался или недосугомъ или тѣмъ, что я не писатель. Но главная и важнѣйшая причина моего отказа таилась въ душѣ моей. Зачѣмъ, думалъ я, писать о дѣятельности православнаго пастыря, когда православіе въ нашей странѣ почти терялось среди папства? Но теперь обстоятельства перемѣнились. Теперь когда въ Литвѣ, — этомъ древнемъ достояніи Россіи, — воскресла и обновилась русская жизнь, своевременно будетъ описать подвиги протоіерея Петра Мироновича. Ибо, если пастыри церкви, вообще дающіе образъ вѣрнымъ словомъ и житіемъ, пользуются уваженіемъ, то труды и полезная дѣятельность пастырей среди иновѣрцевъ тѣмъ болѣе не должны быть забыты потомствомъ.

Хотя предметомъ моего очерка есть собственно дѣятельность о. протоіерея Мироновича, но позвольте, читатель, сказать мнѣ хоть нѣсколько словъ о его предкахъ, тѣмъ болѣе, что порода не мало вліяетъ на такой или другой складъ ума и сердца, привычки, жизнь. Предки о. Петра Емельянъ и Романъ были православными священниками (1) въ минской губерніи. Но гдѣ именно священствовали, неизвѣстно. Въ потомствѣ сохранилось преданіе, что священникъ Емельянъ Мироновичь, во время польскаго въ краѣ владычества, когда поляки и уніяты хотѣли насильно отнять у него церковь, взявъ изъ оной антиминсъ и священные сосуды, сжегъ свою церковь, дабы не отдать ее еретикамъ на поруганіе. Отецъ протоіерея Петра Мироновича,

---

(1) Да благословитъ васъ Богъ проходить свое званіе не попозновенно и да почіютъ на васъ духъ праотцевъ и отцевъ вашихъ, подвизавшихся на семъ поприщѣ. Поминайте въ святыхъ молитвахъ предъ престоломъ Божіимъ іереевъ прапрадѣда Емельяна, прадѣда Романа, дѣда Ѳому. (Изъ письма протоіерея Мироновича къ сыну своему Ипполиту, бывшему священникомъ залѣсской церкви 1848 года 8-го марта).

Өома (Романовъ) былъ священникомъ прежде въ селѣ Косинѣ, потомъ въ селѣ Начѣ, а въ послѣднее время (будучи уже заштатнымъ) въ селѣ Выдрицѣ, минской губерніи, борисовскаго уѣзда. Онъ жилъ 112 лѣтъ! „Долгоденствіе его, „писалъ (1) протоіерей къ брату своему Герасиму,....“ есть „видимое Божіе благословеніе нашей домашней церкви.„ Старецъ Өома собственными глазами видѣлъ гоненія поляковъ и уніятовъ на церковь православную, расказывалъ своимъ дѣтямъ о древнихъ православныхъ храмахъ въ Литвѣ и между прочимъ, что костёлъ въ г. Ковно, стоящій на горѣ за августиніанскимъ монастыремъ, принадлежащій нынѣ р.католическимъ монахинямъ, былъ нѣкогда православнымъ храмомъ, во имя святителя и чудотворца Николая. Замѣчательна ревность этого пастыря къ вѣрѣ православной. Узнавъ, что старшій сынъ его Герасимъ, бывшій экспедиторомъ гродненской палаты дражданскаго суда, женившись на полькѣ и самъ совратился въ унію, священникъ Өома Мироновичь приказалъ сыну своему Петру убѣдить совратившагося къ исповѣданію православія (2).

Сынъ священника Өомы Мироновича Петръ родился въ селѣ Косинѣ 1788 года. Лѣта юности провелъ онъ подъ кровомъ благочестиваго и добродѣтельнаго отца своего, который, обучилъ дома сына своего славянской и граждан-

---

(1) Изъ письма протоіерея Петра Мироновича къ брату его Герасаму отъ 25 Ноябр. 1836 года.

(2) Любопытно содержаніе письма священника Мироновича, составленнаго по мысли отца, къ брату по этому предмету. »Препровождаю къ вамъ рескриптъ родительскій, который почитаю гласомъ всепремудраго и всеблагаго Провидѣнія, призывающаго васъ къ содержанію исвовѣданія древней греко-российской вѣры, въ которой прадѣдъ нашъ скончался и мы потомки его пребываемъ. Будемъ едиными устами и сердцемъ славить небеснаго Отца свѣтовъ, дабы родитель нашъ могъ съ дерзновеніемъ воскликнуть нѣкогда предъ праведнѣйшимъ Судіею: »*се азъ и дѣти мои*. Съ моей особенно стороны простираетъ-

ской грамотѣ, и только на 12-мъ году отъ рожденія отдалъ его въ минскую духовную семинарію, находившуюся тогда въ уѣздномъ г. Слуцкѣ, замѣчательномъ въ религіозномъ отношеніи тѣмъ, что онъ устоялъ противу всѣхъ насилій и интригъ латинскаго фанатизма, сохранивъ вѣру отцевъ своихъ въ первобытной чистотѣ. О бѣдности своей и скудныхъ средствахъ тогдашняго семинарскаго воспитанія вотъ что, впослѣдствіи, разсказывалъ священникъ Петръ Мироновичь своимъ дѣтямъ: „вы носите одежду лавочнаго сук„на, а мы носили домашняго приготовленія; вы имѣете кни„ги, а намъ приходилось переписывать почти всѣ уроки. „На вакаціонное время мы часто отправлялись пѣшкомъ „и дома помогали роднымъ въ полевыхъ занятіяхъ, а воз„вращаясь въ училище, на путевыя издержки, бумагу, „чернила и прочее получали (1) отъ отца пять, а весьма „рѣдко восемъ рублей ассигнаціями.“ Въ 1813 году (на 25 году отъ рожденія) священническій сынъ Петръ Мироновичъ окончилъ курсъ семинарскихъ наукъ,— съ званіемъ студента.

Слѣдуя примѣру своихъ предковъ, студентъ Петръ Мироновичь избралъ для себя священническое званіе. Женившись на дочери священника дошницкой церкви, борисовскаго уѣзда, Михаила Самборскаго, Акулинѣ, для принятія священническаго сана долженъ былъ отправиться въ Могилевъ, такъ какъ минскій архіепископъ Серафимъ (впослѣдствіи санкт-петербургскій митрополитъ), во время кампаніи 12 года находился въ столицѣ. 1813 года, 30 сен-

»ся къ вамъ пастырское напоминаніе, что горе тому человѣку, »чрезъ котораго приходитъ соблазнъ. Унія распространилась »насильственнымъ образомъ въ тѣхъ странахъ, въ коихъ бла»гоизволилъ Богъ намъ обитать. Я твердо уповаю на васъ, все»любезнѣйшій братъ, что вы не восхощете быть суевѣрнымъ.«

(1) У священника Ѳомы было 4 сына: Герасимъ, Евстафій, Петръ и Иванъ.

тября, Петръ Мироновичъ рукоположенъ во діакона, а 1 октября во священника Даніиломъ, епископомъ могилевскимъ и витебскимъ, въ его домовой Вознесенской церкви, на мѣсто отца своего къ Троицкой церкви въ селѣ Начѣ. Вмѣсто ставленной грамоты, обыкновенно выдаваемой рукоположенному священнику, минскою консисторіею дана ему инструкція (1) въ 13 пунктахъ. Въ ней подробно объяснены обязанности православнаго священника. Замѣчательно содержаніе 9-го пункта этой инструкціи. „Одежду и обувь „носить будетъ новопосвященный приличную духовному сану, „а простолюдской никакой одежды не носить, къ священно „служенію и въ дома господскіе и прочіе подъ штрафомъ „не ходить въ лаптіяхъ и имѣть на то сапоги или баш„маки.“ Изъ этихъ словъ можно понять, въ какомъ бѣдномъ и жалкомъ положеніи находилось тамошнее православное духовенство, пригнетенное и униженное римскою пропагандой!

Не долго священствовалъ Петръ Мироновичъ въ селѣ Начѣ при Троицкой церкви. Во время отечественной войны и вторженія полчищъ Наполеона въ Россію, церковь въ селѣ Начѣ была сожжена, а прихожане пришли въ нищету. Эти обстоятельства заставили о. Петра, за небытностію въ Минскѣ епархіальнаго архерея, просить минскую консисторію объ опредѣленіи его въ виленскій второкласный (нынѣ первокласный) Святодуховъ монастырь. Нужно замѣтить, что въ то время, кромѣ Святодухова монастыря не было въ Вильнѣ ни одной православной приходской церкви, а монастырь, по просьбѣ архимандрита, содержалъ у себя двухъ священниковъ изъ бѣлаго духовенства, для исправленія христіанскихъ требъ и другихъ надобностей. Священники эти, согласно распоряженію епархіальнаго

---

(1) Копія этой инструкціи, за надлежащимъ посвидѣтельствованіемъ минской консисторіи, сохраняется въ семейномъ архивѣ съ прочими документами.

начальства, должны были пользоваться помѣщеніемъ, трапезою, жалованьемъ и кружечнымъ доходомъ — наравнѣ съ іеромонахами и отдавать всѣ доходы съ прихожанъ при требоисправленіи безъ изъятія въ монастырскую кружку. Священникъ Петръ Мироновичь съ 1-го февраля 1815 года по 12 октября тогоже года находился въ числѣ братіи Святодухова монастыря, исправлялъ въ г. Вильнѣ христіанскія требы, былъ духовнымъ депутатомъ и увѣщевалъ преступниковъ: всѣ и эти обязанности о. Петръ исполнялъ усердно и успѣшно.

13. Октября 1815 года священникъ Петръ Мироновичъ перемѣщенъ къ св. Троицкой церкви въ м. Крони, ковенскаго (нынѣ трокскаго) уѣзда (1). Всѣмъ имѣніемъ упраздненнаго кронскаго монастыря пользовался виленскій Свято-Духовъ монастырь, и по тому приходскій кронскій священникъ, по волѣ епархіальнаго начальства, долженъ былъ довольствоватся содержаніемъ, назначеннымъ ему виленскимъ архимандритомъ. 22 декабря 1821 года изъ м. Кронъ священникъ Петръ Мироновичъ перемѣщенъ въ г. Дисну къ приходской Воскресенской церкви, а оттуда, 7 Сентября 1822 года, вторично въ Кроны. Во время перваго пребыванія его въ Кронахъ случилось событіе (2) особенной важности. Императоръ всероссійскій Александеръ Благословенный, отправляясь за границу старымъ ковенскимъ трактомъ, чрезъ г. Троки, для ночнаго отдыха остановился въ кронской мызѣ князя Огинскаго и услыхавъ,

(1) Кронскій монастырь, обращенный въ приходскую церковь, замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ погребены знаменитые православной вѣры князья Богданъ и Левъ Огинскіе, что до нашего времени онъ устоялъ въ православіи, можетъ быть, потому, что князю Богдану Огинскому позволено было основать монастырь сей, за оказанныя заслуги Рѣчи-посполитой.

(2) О семъ событіи протоіерей часто расказывалъ дѣтямъ и православнымъ прихожанамъ г. Ковно.

что недалеко отъ нея находится православная церковь, хотѣлъ помолиться Богу за Россію и отслушать божественную литургію, по чему послалъ своего флигель-адъютанта къ священнику объявить о своемъ намѣреніи. Священникъ Петръ Мироновичь отвѣтилъ, что, по причинѣ болѣзни причетника, онъ, къ величайшей скорби не можетъ удовлетворить благочестивому желанію великаго путешественника. императоръ вторично послалъ своего флигель-адъютанта объявить священнику, чтобъ онъ готовился къ служенію, и что путешественники сами будутъ пѣть. Встрѣтивъ помазанника Божія по чиноположенію православной церкви, священникъ Мироновичь служилъ литургію, во время которой императоръ, съ находившимся при немъ 5-ю придворными пѣвчими, пѣлъ на клиросѣ.

Въ ковенекомъ уѣздѣ находилосъ немало старовѣровъ, поселившихсея еще во время польскаго въ Литвѣ владычества. Священникъ Петръ Мироновичь обратилъ на нихъ особенное вниманіе, и многихъ присоединилъ (1) къ церкви православной, о чемъ денесено было минскому и литовскому архіепископу Анатолію виленскимъ архимандритомъ Іоилемъ.

30-го октября 1824 года священникъ Петръ Мироно вичь перемѣщенъ былъ въ уѣздный (нынѣ губернскій) городъ Ковно. Чтобы дать читателямъ понятіе, о томъ какимъ труднимъ тернистымъ путемъ шелъ о. Петръ, нужно ознакомить ихъ съ самою мѣстностію его дѣятельности Во всѣхъ уѣздахъ, составляющихъ нынѣ ковенскую губернію, были только двѣ православныя церкви: въ м. Кронахъ и Сурдекахъ. Г. Ковно былъ такъ сказать гнѣздомъ папизма. Въ немъ находилосъ девять костеловъ. Изъ числа ихъ упраздненный костелъ іезуитовъ императоръ

---

(1) Копія указа минской духовной консисторіи отъ 21-го августа 1821 г. за N. 2288, данная на имя виленскаго благочиннаго архиліандрита Іоила.

Александръ Благословенный повелѣлъ обратить въ православную церковь. Уже ассигнована была и сумма на устройство этой церкви, но враги православія іезуиты на нѣкоторое время пріостановили исполненіе дѣла, и въ бытность государя въ Варшавѣ успѣли хитростію перемѣнить (1) прежнее опредѣленіе. О приличномъ устройствѣ ковенской церкви болѣе всѣхъ заботился мѣстный священникъ, а изъ церковнаго дерева, приготовленнаго для подмостокъ, построилъ небольшой церковный домъ.

Въ 1825 году священникъ Петръ Мироновичъ командированъ былъ въ Пруссію (въ г. Кенигсбергъ (2) для приготовленія преступника къ смертной казни. Во время пребыванія за границею ему позволено было носить наперстный крестъ. За усердную службу и доброе поведеніе 22-го Декабря 1825 года, отецъ Петръ ВЫСОЧАЙШЕ награжденъ бархатною фіолетовою скуфьею (3). Преобразованная изъ іезуитскаго костела церковь въ г. Ковно 5-го сентября 1826 года освящена была виленскимъ архимандритомъ Іоиломъ во имя святаго, благовѣрнаго, в. князя Александра-Невскаго, при чемъ священникомъ Мироновичемъ произнесено назидательное слово (3). Изъ текста: „*о нимъ же помолятся на мѣстѣ семъ, и ты услышилы на мѣстѣ обиталища твоего на небеси.*“ Святый Благовѣрный княже Александре, сказалъ въ заключеніи слова проповѣдникъ, „сохрани отечество твое отъ языка чуждаго, создателямъ „же святаго храма сего и попечителямъ во всемъ милости„вый Покровитель буди.“

Въ г. Ковно въ то время было мало православныхъ. Приходъ ковенскій состоялъ изъ воинскихъ чиновъ юрбург-

---

(1) Дѣло о семъ находится въ минской консисторіи.

(2) Формулярный списокъ о службѣ протоіерея Мироновича за 1847 годъ.

(3) Въ то время скупо награждались заслуги духовенства.

(4) Слово сіе хранится въ семейномъ архивѣ.

ской пограничной стражи по теченію рѣки Немана отъ м. Мереча, состоящаго въ трокскомъ уѣздѣ до м. Юрбурга, и по сухому пути отъ Юрбурга до м. Палангена, находящагося при Балтійскомъ морѣ. Въ тенніи 5-ти недѣль великаго поста, священникъ Миронович путешествовалъ по своему раскинутому на огромномъ пространствѣ приходу, останавливаясь въ кордонахъ, исповѣдывалъ православныхъ войновъ и исправлялъ другія христіанскія требы.

Настала эпоха бѣдствій и испытаній. „Поляки вѣчные враги наши,“ часто твердилъ священникъ Петръ Мироновичъ, и слова его оправдались. Въ началѣ 1831 года, возвращаясь изъ церкви домой, онъ встрѣтился съ ксендзомъ г. Ковно NN. Римскій патеръ, подойдя близко къ священнику Мироновичу, погладилъ (22) рукою его бороду, говоря: „мы скоро обрѣемъ ваши бороды.“ Не борода священника была причиною его ненависти; ибо извѣстно, что и нѣкоторые монахи римскіе отращаютъ бороды, напримѣръ капуцины, камельдулы и картузы, но личность православнаго священника, подвизавшагося за вѣру правую и отечество. Военныя власти вступились за оскорбленіе священника, и ксендзъ не осстался безъ наказянія... Вскорѣ послѣ описаннаго мною событія, вспыхнулъ явный и открытый мятежъ поляковъ. Облагодѣтельствованные императоромъ Александромъ-Благословеннымъ, они возстали на преемника его съ намѣреніемъ воскресить умершую Польшу, которая, по словамъ польскихъ историковъ, даже съ цвѣтущее врѣмя своего бытія, основана была на безпорядкахъ. Находившемуся въ Ковно войску приказано было выступить въ г. Вильну. Священникъ Мироновичъ былъ въ весьма за-

(22) Это событіе и послѣдующія описаны мною по разсказамъ жены покойнаго и собственноручнымъ запискамъ его.

труднительномъ положеніи. Оставаться въ городѣ значило бы остаться безъ дѣла и кромѣ того обречь себя на явную смерть,—о чемъ говорилъ ему добрый другъ его тогдашній полицмейстеръ г. Ковно полковникъ Магнушевскій. Узнавъ, что нѣсколько священниковъ въ арміи умерло отъ холеры, священникъ Петръ Мироновичъ рѣшился отправиться вмѣстѣ съ войскомъ въ званіи полковаго священника. Спрятавъ въ подвалахъ ковенской церкви болѣе цѣнное церковное имущество, 27 мая 1821 года, сѣвъ верхомъ на лошадь, о. Петръ поѣхалъ съ русскою арміею. Трогательна и поучительна была сцена прощанія мужа и отца съ семействомъ. Когда жена и малолѣтнія дѣти плакали и спрашивали: кому ты поручаешь насъ.? „Богу, отвѣчалъ о. Петръ, а я долженъ служить царю вѣрою и правдою. Лучше умирать на полѣ брани, съ вѣрнымъ воинствомъ, нежели дома отъ рукъ убійцъ и измѣнниковъ.“ 7-го Іюня, въ самый праздникъ Сошествія Святаго Духа, между рѣкою Вакою и Панарскими горами, вблизи г. Вильны произошла стычка съ мятежниками, во время которой священникъ Мироновичъ, подъ пулями исповѣдывалъ раненыхъ и утѣшалъ словами святой вѣры страдавшихъ. Между тѣмъ, мятежныя полчища проходили чрезъ Ковно и на безумную брань были благословляемы монахами августинскаго ордена. Рѣшивъ повѣсить священника Петра Мироновича, поляки искали его нѣсколько дней и, конечно, напрасно. Потомъ потребовали къ себѣ его жену, цѣлый день держали ее подъ карауломъ въ церкви, допрашивали, не хранится ли въ храмѣ порохъ? „Схизматычка! вопили они, скажи, гдѣ церковныя деньги и сосуды.“ Угрожали, что будутъ сѣчь ее розгами и отошлютъ въ Варшаву. Въ самой церкви безчинствовали хуже татаръ. Найдя священническія облаченія, ляхи надѣвали ихъ на себя, съ насмѣшкою произнося: „благослови владыко!“ отворяли царскія двери; саблями рѣзали колонны иконо-

стаса. Найдя подъ престоломъ камни, говорили: „это поповскія просфоры!“ Большинство сихъ изувѣровъ, во время свирѣпствовавшей тогда холеры, наказаны были Богомъ тотчасъ по выходѣ изъ церкви скорою и мучительною смертію. Жена священника Мироновича и его дѣти должны были скитаться въ чужихъ домахъ и прятаться въ огородахъ. Поразивъ мятежниковъ, войско русское преслѣдовало ихъ до г. Ковно и далѣе. Вмѣстѣ съ войскомъ 16-го Іюня возвратился въ г. Ковно и священникъ Петръ Мироновичъ. Несказанно обрадовалось семейство прибытію своего главы, не менѣе обрадовались и православные г. Ковно возврату своего пастыря. Генералъ-лейтенантъ Сакенъ, командовавшій военнымъ отрядомъ, при которомъ находился священникъ Петръ Мироновичъ, своими глазами видѣвшій самоотверженную его дѣятельность, письменно просилъ минскаго и литовскаго епископа Евгенія,—о награжденіи Мироновича орденомъ святой Анны 3-й степени. Вслѣдствіе представленія сего архипастыря, въ 21 день января 1833 года священникъ Петръ Мироновичъ удостоился получить монаршую награду, при грамотѣ (23) на его имя слѣдующаго содержанія: Въ воздаяніе заслугъ вашихъ и ревностныхъ трудовъ, засвидѣтелствованныхъ епархіальнымъ начальствомъ, сопричислили Мы васъ указомъ въ 21 день января 1833 года капитулу даннымъ, согласно удостоенію св. Сvнода къ ордену св. Анны третей степени. Преосвященный Евгеній оффиціальнымъ письмомъ (24) поздравилъ священника Мироновича съ сею Монаршею милостію и препроводилъ къ нему копію послѣдовавшаго на его имя от-

(23) Копія граматы хранится въ архивѣ семейномъ.

(24) подлинное письмо епископа минскапо Евгенія отъ 23 февраля 1833 года за № 414.

ношенія (15) оберъ-прокурора св. сунода, тайнаго совѣтника, князя Мещерскаго. Награда сія имѣла въ то время великое значеніе какъ потому, что въ минской епархіи никто изъ бѣлаго духовенства не имѣлъ сего знака отличія, такъ и потому, что получившій сей орденъ пользовался правами потомственнаго дворянства.

Въ описанномъ мною періодѣ времени — г. Ковно былъ два мѣсяца въ осадномъ положеніи. Священникъ Петръ Мироновичь, отправляясь изъ города къ своему семейству, находившемуся за рѣкою Виліею, едва не лишился жизни, пушечное ядро пролетѣло въ самомъ близкомъ отъ него разстояніи. Въ зданіяхъ бывшаго кармелитскаго монастыря находилось много войновъ, больныхъ холерою. Болѣзнь сія наводила тогда на всѣхъ ужасъ,—боялись даже подойти къ страждущимъ. Священникъ Мироновичъ и здѣсь оказалъ примѣръ истинно-христіанскаго самоотверженія, ежедневно исповѣдуя больныхъ и отпѣвая усопшихъ.

Съ 1834 года до возсоединенія уніятовъ съ православною церковью губернскій городъ Вильна и бывшій уѣздный г. Ковно находились въ вѣдѣніи епископовъ полоцкихъ Первымъ епископомъ полоцкимъ и виленскимъ былъ пре освященный Смарагдъ. Осматривая ввѣренную ему епархію, епископъ Смарагдъ посѣтилъ г. Ковно. Хотя священникъ Петръ Мироновичъ, по дѣламъ своего отдаленнаго прихода, не находился тогда въ городѣ; но прихожане и даже иновѣрцы отозвались о немъ предъ архипастыремъ съ особенною похвалою.

Не напрасно хвалили священника Петра Мироновича иновѣрцы. Его любимымъ занятіемъ были кроткія и откровенныя съ ними бѣсѣды о предметахъ вѣры. Съ

---

(25) Копія отношенія оберъ-прокурора, князя Мещерскаго отъ 7 февраля 1833 года за № 526-мъ.

нимъ часто разговаривалъ наставникъ раскольниковъ М. Римо, изъ ковенскаго уѣзда, и другіе староверы. Хорошо зная сочиненія митрополитовъ св: Дмитрія Ростовскаго и Платона, о. Петръ весьма искусно опровергалъ ихъ заблужденія. Евреевъ увѣрялъ въ совершившемся пришествіи Мессіи, доказывая эту истину словами пророковъ. Магометанъ убѣждалъ въ лжеученіи корана. Ненавидя поляковъ, онъ за то обращался съ присоединившимися отъ латинства съ особымъ снисхожденіемъ и любовію христіанскою: лучшимъ гостемъ и другомъ былъ у него возсоединенный римлянинъ. Не только свѣтскіе люди, по его наставленіямъ, присоединялись къ церкви православной, но даже кзендзы римскіе, напримѣръ Пентрицкій и Жомантовскій, изъ коихъ первый былъ въ послѣдствіи его помощникомъ по приходу. Когда ксендзъ римскій NN., по собственному убѣжденію принялъ православіе и римско-католическая тельшевская консисторія, въ слѣдствіе отношенія священника Мироновича, прислала формулярный его списокъ и, конечно, по ненависти, очернила его поведеніе, о. Петръ съ негодованіемъ возвратилъ этотъ списокъ въ консисторію съ надписью. Въ слѣдствіе такой ревности с. Мироновича, въ г. Ковно увеличилось православное стадо. Въ формулярномъ спискѣ о службѣ Мироновича прописано, что онъ къ истинной православной церкви изъ разныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, а также раскольниковъ, евреевъ и магометанъ присоединилъ 379 душъ. Такое усердіе его къ церкви вполнѣ оцѣнилъ преосвященный Смарагдъ, епискпъ полоцкій, и 19 Іюля 1836 года возвелъ священника Петра Мироновича въ санъ протоіерея. Достопримѣчательныя слова, прописанныя въ архіерейской грамотѣ, данной на санъ протоіерея: „Виленской губерніи, богоспасаемаго града Ковно іерей Петръ Мироновичь, за долговременное и неустанно церкви Божіей полезное среди иноверцевъ служеніе.“

Въ 9-ти верстахъ отъ Ковно находился римскій монастырь ксендзовъ камельдуловъ, построенный Христофоромъ Пацомъ, канцлеромъ литовскимъ, извѣстнымъ своею набожностію и страстью къ охотѣ. Монастырь сей, за участіе ксендзовъ въ польскомъ возстаніи, по волѣ государя императора Николая 1-го, обращенъ въ православный. Живописная и пустынная мѣстность этого монастыря при рѣкѣ Неманѣ, окруженный лѣсомъ, изящной архитектуры храмъ, среди розкошныхъ монастырскихъ садовъ, въ которыхъ расположены отдѣльно жилища иноковъ,-все это невольно восторгаетъ благочестивыхъ богомольцевъ и путешественниковъ. Не напрасно знаменитый архипастырь нашъ, восхищенный мѣстоположеніемъ этой обители, въ день освященія монастырскаго храма началъ свое слово (29) восторженнымъ изреченіемъ царя израильскаго: Коль возлюбленна селенія твоя, Господи силъ! 10-го октября, 1835 года протоіерей Мироновичъ избранъ былъ членомъ строительнаго комитета сего монастыря. До открытія въ Ковно литовскаго викаріатства, архимандритами пожайскаго монастыря были: Аркадій, Филаретъ, Гедеонъ и Парфеній. Всѣ они уважали протоіерея Мироновича и совѣтовались съ нимъ объ устройствѣ обители и дѣлахъ монастырскихъ. Протоіерей былъ даже духовникомъ архимандритовъ Аркадія и Филарета. Предъ своею смертію архимандритъ Аркадій пригласилъ всю братію, простился со всѣми и просилъ пропѣть молитву Симеона Богопріимца: „нынѣ отпущаеши рада твоего Владыко“ и по окончаніи сей умилительной пѣсни тихо, мирно предалъ духъ свой Господу.

Протоіерей Петръ Мироновичъ былъ членомъ строительнаго комитета не одного пожайскаго монастыря: онъ

(29) Смотри, Слово, сказанное 22 сентября 1840 года виленскимъ, литовскимъ архіепископомъ Іосифомъ.

былъ членомъ комитетовъ по устройству православныхъ церквей въ г. Вилькомирѣ и Россіенахъ, членомъ ковенскаго оспенскаго комитета, съ 1840 года ковенскимъ благочиннымъ, членомъ комитета для обезпеченія православнаго сельскаго духовенства, сотрудникомъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, законоучителемъ прежде ковенскаго дворянскаго училища, а потомъ ковенской гимназіи и членомъ комитета по устройству ковенскаго собора. Послѣднюю должность онъ исполнялъ недолго, и не былъ свидѣтелемъ вторичнаго освященія ковенскаго собора. Не думайте однакожъ, чтобы протоіерей Мироновичъ тяготился своими многотрудными и многосложными обязанностями и „благодарю Бога писалъ (32) онъ къ своему сыну, и молюсь за царя и за власти помнящія о моей старости и нелишающія довѣрія.“ Высокопреосвященней Іосифъ архіепископъ виленскій, нынѣ митрополитъ литовскій, любилъ протоіерея Мироновича. Вслѣдствіе представленія сего архипастыря, о. Петръ 16-го мая 1842 года Высочайше награжденъ бархатною камилавкою, а 21 апрѣля 1845 года наперстнымъ Крестомъ.

Можетъ быть я утомилъ ваше вниманіе, читатели, своимъ повѣствованіемъ; но не могу однакожъ умолчать о нѣкоторыхъ событіяхъ, бывшихъ во время управленія Мироновича ковенскимъ соборомъ. Протоіерей Мироновичъ неоднократно встрѣчалъ въ Ковнѣ незабвенной памяти государя императора Николая І-го, великихъ Князей и княгинь.—Заботился протоіерей о умноженіи православныхъ церквей; по его представленію открыты были церкви въ мѣстечкахъ: Юрбургѣ, Меречѣ и Кейданахъ. Не забыты были имъ и заключенные въ темницѣ. Ходатайствуя о нихъ предъ властями, онъ часто облегчалъ ихъ

(32) Изъ письма къ сыну Іонѣ, бывшему помощникомъ столоначальника гродненской казенной палаты, писаннаго въ 1844 году.

горькую участь. Поучительна была домашняя и семейная жизнь о. Петра. Первый ковенскій губернаторъ д. с. совѣтникъ Калкатинъ, сдѣлавшій протоіерею визитъ, весьма удивился его домашней обстановкѣ. Столы, стулья и шкафы были у него самой простой работы, на стѣнахъ образа пророковъ, писанные на жести масляными красками. „Духовному лицу, говорилъ онъ, не нужна роскошная мебель. Свѣтскіе люди подумаютъ, что у меня много денегъ.“ Всѣ дѣти утромъ и вечеромъ должны были читать молитвы въ присутствіи его по очередно. Съ 9 до 12 часовъ утра онъ обыкновенно занимался отпискою бумагъ по дѣламъ своей разнородной службы, послѣ обѣда заставлялъ котораго либо изъ сыновей своихъ читать книгу религіознаго содержанія. Ежедневно записывалъ приходъ и расходъ собственныхъ денегъ и говорилъ: „если кто и по смерти моей полюбопытствуетъ прочитать мои записки, то узнаетъ, что я расходовалъ деньги не на пустяки.“ Посты соблюдалъ съ рѣдкою строгостію. Однажды, во время болѣзни, приключившейся во дни четыредесятницы, докторъ полякъ посовѣтовалъ ему кушать супъ съ говядиною. Протоіерей весьма изумился и съ гнѣвомъ сказалъ ему: “Вы предлагаете мнѣ поистинѣ латинскую кухню въ эти святые дни, когда угодно будетъ Господу, я и безъ говядины выздоровѣю.‘

Полезная для церкви и поучительная для семейства жизнь протоіерея Мироновича мало по малу угасала. Физическія силы его отъ многоразличныхъ трудовъ и опасностей ослабѣвали. Не смотря на разстройство здоровья, протоіерей Мироновичъ, послѣднихъ числъ сентября 1848 года, получивъ извѣстіе объ опасной болѣзни роднаго своего брата Ивана отправился въ м. Юрбургъ, былъ свидѣтелемъ его кончины. Встревоженный и опечаленный смертію брата, онъ возвратился въ Ковно полубольнымъ, но не смотря на свою слабость, не переста-

валъ заниматься дѣлами своего званія. 1-го Октября 1848 года, какъ бы предчувствуя свою близкую кончину, въ домашней приходоразходной книгѣ онъ отмѣтилъ всю наличную сумму своихъ денегъ. У него было золотомъ 5 руб. 15 коп., серебряною монетою 191 руб., билетами 50 руб., всего: 246 руб. Вотъ капиталъ духовнаго дѣятеля, столь долго трудившагося для блага церкви! Во время устройства ковенскаго собора, получивъ указъ консисторіи—осмотрѣть, который изъ двухъ упраздненныхъ костеловъ-доминиканскій или францисканскій будетъ удобнѣе для православной церкви, протоіерей Мироновичь 6-го октября утромъ поѣхалъ осматривать эти костелы, а возвратившись домой, началъ писать исполнительный рапортъ, но не могъ его окончить. Послѣ непродолжительной, но тяжкой эпидемической болѣзни, исполнивъ христіанскій долгъ исповѣди, простившись съ женою, благословивъ дѣтей, въ тотъ же день вечеромъ, на 60 году отъ рожденія, скончался. Тѣло его съ подобающею честію погребено на ковенскомъ кладбищѣ бывшимъ виленскомъ архимандритомъ Платономъ, съ соборнымъ духовенствомъ. Когда пріѣхала погребальная колесница, прихожане ковенскаго собора и староврры не позволили везти гробъ любимаго своего пастыря, а попеременно несли оный къ мѣсту погребенія. Въ тоже время ковенскіе евреи собрались въ школу и возложивъ на себя молитвенныя покрывала (талисъ), читали молитвы за упокой души его, а поляки и тутъ съ злорадствомъ шипѣли: „Богъ наказалъ его за отнятіе нашихъ костеловъ.“

Я слыхалъ, что надъ могилою отца Петра стоитъ ветхій деревянный крестъ. Жена покойнаго, въ преклонныхъ лѣтахъ, живетъ въ м: Меречѣ, трокскаго уѣзда и получаетъ въ годъ 83 руб. 33 копѣйки за труды своего мужа по должности законоучителя, и только! Дѣти его, въ различныхъ званіяхъ, занимая посредственныя мѣста,

не могутъ соорудить приличнаго надъ его могилою памятника. Христолюбивое ковенское братство! Имя ковенскаго протоіерея Петра, подвижника вѣры, ежегодно въ суботу предъ недѣлею православія воспоминается на заупокойной литургіи въ виленскомъ Свято-Духовомъ монастырѣ, у гроба св. виленскихъ Мучениковъ; почти же, христолюбивое братство, его могилу и, воздвигнувъ надъ нею памятникъ, напиши слѣдующія слова: „здѣсь покоится прахъ перваго ковенскаго протоіерея Петра Мироновича, подвизавшагося для блага ковенской православной церкви 24 года, показавшаго образъ вѣрнымъ словомъ и житіемъ и умершаго 6-го октября 1848 года.“

Въ самый день кончины протоіерея Мироновича, пишущій эти строки вѣдѣлъ слѣдующій сонъ. Протоіерей, въ бѣлой ризѣ, при полномъ церковномъ освѣщеніи, въ ковенскомъ сборѣ служилъ божественную литургію. Не берусь толковать этотъ сонъ и не могу судить о загробной участи покойнаго. Знаю, что нѣтъ человѣка безъ недостатковъ и что если онъ получаетъ помилованіе, то единственно по милосердію Господа; но, вспоминая полезные труды и подвиги протоіерея Мироновича, я уповаю, что Господь „упокоилъ душу его со святыми!....“

Литовскій священникъ...

1865 года.

III.

ОСТАТКИ ЛАТИНО-ПОЛЬСКАГО ПРЕОБЛАДАНІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ. (1)

(Изъ замѣтовъ туриста).

Когда надъ областями западной Россіи тяготѣлъ гнетъ ксендзо-шляхетскій, когда панскій деспотизмъ, ксендзовскій фанатизмъ и еврейское корыстолюбіе вошли другъ съ другомъ въ коалицію для успѣшнаго и скорѣйшаго подавленія въ краѣ русской народности и православія, — тогда этотъ несчастный край на столько же сдѣлался — было польскимъ, на сколько перестаіъ быть русскимъ. Ни одного нерва русской народной жизни не осталось тогда въ немъ не тронутымъ, — и чѣмъ этотъ нервъ былъ чувствительнѣе, чѣмъ нормалность его отправленія была дороже и необходимѣе для полноты здоровья народнаго организма; тѣмъ упорнѣе и сильнѣе дѣлалось давленіе его враждебною силой. Я не стану здѣсь воспроизводить въ памяти читателей тѣхъ страшныхъ эпизодовъ изъ этой, благодаря Бога, уже прошлой жизни западно-русскаго народа, которымъ нѣтъ числа, и которые нужно бы писать кро-

---

(1) Высказанныя здѣсь мнѣнія не заключаютъ въ себѣ ничего оффиціальнаго; онѣ — не болѣе замѣтокъ частнаго тураста, съ которыми хотя редакція и согласна, но не беретъ ихъ на свою отвѣтственность. *Ред.*

вью и слезами: эти эпизоды слишкомъ извѣстны всякому читающему человѣку.

Но вотъ случился обратный поворотъ дѣла. Пропаганда такъ натянула струну, что она лопнула. Ея нетерпѣніе взяло верхъ надъ скуднымъ и безъ того разсудкомъ, ненависть — надъ осторожностью: интрига поднялась до степени революціи; силы бойцовъ были неравномѣрны, и дѣло польско-латинское, какъ и должно бы случиться, проиграно. Край отдохнулъ отъ вѣковыхъ страданій; остатки памятниковъ религіозной и политической деспотіи пришлого элемента надъ туземнымъ, — постепенно разрушаетъ время и правосудіе: православіе и Россія отбились отъ схизмы и ненависти пришлецовъ или ренегатовъ; человѣкъ надѣленный отъ Промысла силою ума и воли, а главное-безпредѣльной любовью съ отечеству, — довершилъ это пораженіе, далъ новую жизнь этому много-страдальному краю.

Чтожъ? вы думаете, читатель, латино-польская пропаганда подавлена однажды навсегда? Если вы такъ думаете, то вы слишкомъ торопливы. Я не говорю о внутренней жизни этой, — живучей до безсмертія, пропаганды, ея ненависти, которая закалялась вѣками, и которая тогда развѣ утратитъ свою силу, когда шляхтичъ и ксендзъ сольются съ нами въ одно, религіозно-національное цѣлое: такая ненависть можетъ только до удобнаго времени принять личину дружбы, покорности велѣніямъ судебъ, — но не умолкнуть. Прочитайте со вниманіемъ прекрасную, воспроизведенную Вѣстникомъ западной Россіи, статью г. Юзефовича, (1) вспомните богатѣйшія тирады въ этомъ родѣ, разсыпанныя по разнымъ мѣстамъ этого изданія, особенно въ статьѣ: „Слово къ мятежнымъ полякамъ,“ „Кое-чтопо поводу корреспонденціи московской прессы“ и „Еще два три слова на счетъ газетныхъ толковъ о примиреніи съ поляками“

---

(1) »Можемъ ли мы примириться съ поляками?« 3 книга 1864 года. Отд. IV.

и вы, читатель, сами согласитесь, что мое убѣжденіе крѣпко опирается на данныхъ фактическихъ и началахъ религіозно-психическихъ. Да, внутренняя война идетъ, прикрываясь только личиной перемирія; ненависть къ сильнѣйшему, къ побѣдителю, удвоилась (это законъ нравственной необходимости); безсильная злоба пустилась въ безстыдныя заявленія симпатіи, — наружное, безпричинное раскаяніе, словомъ: „do nóg padam, całuję nóżki,“ — въ полномъ ходу.... Невѣрь, русскій, этимъ пѣснямъ Сирены, этимъ лобзаніямъ Іуды; не живи по старинному, на авось, иначе ты очень горько и, можетъ быть, очень скоро разочаруешься въ своемъ добродушіи, въ своей безпечности! Какъ бы то ни было, только враждебная намъ пропаганда ни чѣмъ пока не заявляетъ теперь въ отношеніи къ намъ своихъ дѣйствій, кромѣ ласкъ. А это оружіе въ рукахъ ея такъ опасно, она научилась владѣть имъ такъ искусно; да оно же и не вызываетъ реакціи!....

Но за то кое-какія внѣшнія примѣты латино-польской пропаганды красуются еще тамъ и здѣсь, во всей своей неприкосновенности. Нельзя сказать, чтобъ онѣ были что либо новое: онѣ только эхо прежняго стона края подъ польскимъ гнётомъ; но тѣмъ не менѣе онѣ есть, а весьма хотѣлось бы, чтобъ ихъ не было. Желая какъ можно больше ассимилировать себѣ край русскій, пропаганда усѣяла его сплошнымъ рядомъ мѣтокъ, сообщающихъ ему quasi польско-латинскую физіономію. Вотъ нѣсколько такихъ мѣтокъ.

1. Когда вы проѣзжаете западнымъ краемъ Россіи, вамъ весьма часто попадаются на встрѣчу кресты, стоящіе на распутіяхъ, — возлѣ селъ, костеловъ, съ статуйнымъ (большею частію) изображеніемъ распятаго Спасителя, или съ одной надписью. Кресты эти рѣшительно безполезны въ смыслѣ религіозно-нравственномъ. То машинальное крестное знаменіе, которое сдѣлаетъ (и то рѣдкій) иной путникъ, поровнявшись съ крестомъ, не выкупаетъ того поруганія, которое исторгаетъ онъ изъ устъ или сердца иновѣрца, той

саркастической улыбки, которая уродуетъ физіономію глядящаго на него израильтянина. -- Драгоцѣннѣйшій символъ спасенія нашего на распутіи, на выстаккѣ! Да это болѣе чѣмъ неблагоприличіе, это поруганіе надъ самою завѣтною святыней, это чуть-чуть не второе повѣшеніе Святѣйшаго на *лобномъ* мѣстѣ, *метанье бисера предъ с......* Оттого обычай этотъ не извѣстенъ въ церкви православной: это произведеніе латинской пропаганды, любящей внѣшность, аффектацію, употребляющей крестъ святый вмѣсто межевыхъ знаковъ завоеванной ею страны. Оттого въ числѣ самыхъ популярныхъ манифестацій, предшествовавшихъ недавнему взрыву ксендзо-шляхетскаго буйства, было упорное и повсемственное водруженіе крестовъ. Оттого богомудрый архипастырь нашего русскаго Іерусалима (Кіева), имѣющій ясное понятіе о значеніи этихъ крестовъ— религіозномъ и политическомъ, запретилъ въ своей епархіи воздвигать ихъ, поновлять, а кресты латинскіе, равно и тѣ, которые были поставлены уніатами и православными, по невѣденію ихъ пропагандаго или демонстративнаго характера, изъ подражанія сосѣдямъ (1), постепенно уничтожать, по мѣрѣ ихъ обветшанія. (2) Правда, ревность не поразуму (или что нибудь другое) мѣстной полиціи, приводившей это распоряженіе въ исполненіе, возбудила кое-гдѣ ропотъ въ тамошнемъ народонаселеніи, но это отъ того, что полиція принялась за руинацію крестовъ слишкомъ поголовно, безъ надлежащей сортировки, безъ предварительнаго подготовленія къ этой мѣрѣ народа со

---

(1) Весьма недавно наши дамы и дѣвицы носили трауръ въ подражаніе полькамъ, думая, что такая была мода.

(2) Кресты на кладбищахъ не имѣютъ ничего общаго съ крестами на распутіяхъ: сколько они умѣстны на первыхъ, столько излишни и неумѣстны на послѣднихъ. Кладбище — мѣсто святое, и крестъ на могилѣ христіанина имѣетъ высокое и отрадное знаменованіе.

стороны духовенства, безъ всякаго снисхожденія къ народнымъ привычкамъ и протестамъ. Но эта неловкость исполнителей мѣры не имѣетъ никакой связи съ самою мѣрой: она всё-таки остается мѣрою мудрою, православною, дальновидною, необходимою.

Не знаю, нужно ли послѣ этого заявлять желаніе, чтобъ эта мѣра примѣнена была къ практикѣ во всёмъ западномъ краѣ? Такъ это желаніе законно и естественно!......

2., Когда вы проѣзжаете западнымъ краемъ Россіи, глаза ваши и вниманіе нерѣдко останавливаются на крошечныхъ постройкахъ-деревяныхъ, каменныхъ, съ крестомъ на крышѣ, и безъ креста, съ статуйнымъ, или живописнымъ изображеніемъ не православнаго (по большей части) святаго. Это-такъ называемыя каплицы (часовни) латинскія. Онѣ устрояются въ прекрасныхъ мѣстностяхъ, манящихъ къ себѣ для отдохновенія утомлённаго путника; возлѣ каплицы пробивается горный ключъ холодной и чистой воды, или урчитъ помежъ травой, по камешкамъ, свѣтлый ручей, дверцы въ каплицу полу-раскрыты, предъ святымъ молится на колѣнахъ какой нибудь dziad, staruszek (нищій), или сидитъ гдѣ нибудь въ кустѣ, ожидая посѣщенія путникомъ каплицы и являясь въ нее по удаленіи путника, чтобъ опустить въ свой (ксендзовскій тожъ) (1) карманъ его приношеніе, для поощренія къ которому онъ бросаетъ нѣсколько монетъ мѣдныхъ по полу, у подножія святаго, или оставляетъ предъ нимъ цѣлую, либо полудогорѣвшую свѣчу (2). Но статуи святыхъ не всегда помѣщаются въ ка-

(1) Эти *старушки* нерѣдко берутъ въ аренду каплицу у извѣстнаго пароха (приходскаго священника), или опата (начальника кляштора), или получаютъ отъ хозяина часовни за свою профессію условленное жалованье.

(2) Свѣча горитъ большею частію тогда, когда *старушекъ* тутъ же, въ каплицѣ. Говорю: большею частію, потому что *старушекъ* заслышавъ издали топотъ вашихъ коней, грохотъ ва-

плицахъ, иногда онѣ стоятъ только подъ навѣсомъ, укрѣпленнымъ на 4 столбикахъ, иногда прямо на каменномъ, либо деревяномъ пьедесталѣ. Возлѣ этихъ статуй вы уже рѣдко увидите *старушка* и то въ обычной (только лишь слишкомъ утонченной) ролѣ просящаго милостыню нищаго. Большинство такихъ статуй пріютится по близости населенныхъ мѣстъ: при въѣздѣ въ городъ, чаще всего мѣстечко, село, возлѣ костела. Популярнѣе другихъ изображеніе св. Яна (Непомуцена) съ младенцемъ Іисусомъ на рукахъ и Божіей Матери. — Есть каплицы и безъ статуй, иконъ, даже безъ крестовъ. (1) Онѣ раскидываются тамъ — и здѣсь: по тропинкамъ лѣсовъ, въ ущеліи горъ, на горахъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ собирается много людей для загородныхъ прогулокъ. Назначеніе ихъ довольно двусмысленно. Эти странныя зданія — ни-то часовни, ни то бесѣдки; тамъ вы увидите группы папистокъ и молящихся, поющихъ набожныя пѣсни и ведущихъ горячую бесѣду

шего экипажа, зажигаетъ, для сообщенія своей каплицѣ большей таинственности, чудодѣйствія и эффекта, свѣчу, отворяетъ дверь каплицы, а самъ прячется гдѣ либо по близости, ожидая результата своего фокусъ-покуса. Какъ это все напоминаетъ того патера, который такъ недавно натиралъ себѣ волосы фосфоромъ, для сообщенія имъ ореола святости и для обмана легковѣрныхъ!

(1) Съ стѣнною только живописью, изображающею разные моменты страданій Христовыхъ. Эти каплицы называются стаціями (staciae-стоянки). Предъ сошествіемъ св. Духа (за недѣлю) народъ сходится къ стаціямъ толпами и поетъ пѣсни, въ которыхъ воспоминаются страданія Господни. Это хожденіе отъ стаціи къ стаціи совершается, будто-бы, въ воспоминаніе веденія І. Христа отъ одного мѣста страданій къ другому. Такихъ стацій довольно въ сѣверо-западной Россіи, особенно въ окрестностяхъ Вильны. Къ нимъ стекаются около Троицы богомольцы изъ отдаленныхъ даже мѣстъ западной Россіи. Не кстати, впрочемъ, воспѣваются страданія Христовы предъ сошествіемъ св. Духа. Цѣль стаціи, очевидно, полурелигіозна только, пропагандная.

полушопотомъ, и просто укрывающихся отъ нечаянно брызнувшаго дождика; русскіе никогда почти не мѣшаютъ ихъ религіознымъ и другимъ занятіямъ; при первомъ появленіи въ капллицѣ-бесѣдкѣ любопытнаго или неравнодушнаго къ полькамъ русскаго офицера,—патріотки дѣлаютъ гримасы, глядятъ изъ — подлобья.

Что означаютъ всѣ эти каплицы, стаціи, статуи? Значеніе ихъ тоже, что и крестовъ, только лишь болѣе опредѣленное, ясное. Это-тѣже мѣтки земли якобы не русской, тѣже межевые знаки страны, завоеванной когда то латинскою пропагандой,-только лишь съ надписями, имѣющими болѣе понятный смыслъ. Всякому ѣдущему, идущему, гуляющему всѣ эти каплицы и статуи какъ бы говорятъ: „гдѣ вы тутъ нашли Россію? Смотрите на эту землю, покрытую сплошными памятниками „святаго католичества“ (не забудьте, что это говорятъ паписты), наглядными документами правъ польскихъ на эту территорію! Развѣ эти каплицы-схизматическія, развѣ эти покровители земли (святые) ваши? Это наша земля, какъ наши каплицы, наши святые!.....

Что отвѣчать на этотъ нѣмой (порой и гласный), но внятный и краснорѣчивый протестъ, на эту непрерывную демонстрацію? Что дѣлать съ этими каплицами, статуями? Отвѣтъ и дѣло очевидны. Отвѣтъ можетъ быть, хоть такой: „ваши каплицы, ваши статуи и всякіе другіе памятники хозяйничанья вашего въ чужой землѣ, вкрались къ намъ, подобно вамъ самимъ, путемъ насилія и измѣны; теперь земля эта поступила снова во владѣніе законныхъ хозяевъ, и ваши права на нее, болѣе чѣмъ мечтательны и забавны, ваши межевые на ней знаки болѣе чѣмъ не современны, незаконны и фальшивы. Разныя каплицы ваши, какъ западни вашей пропаганды, вы обязываетесь немедленно уничтожить, а святымъ датъ болѣе достойное ихъ помѣщеніе: поставить въ нишахъ, амбразурахъ вашихъ костеловъ, въ самыхъ костелахъ, въ

домахъ и даже въ кладовыхъ вашихъ. (1) Ваши капищи и статуи, повѣрьте, не сдѣлаютъ васъ святѣе, даже спокойнѣе, а для насъ онѣ совершенно излишни, неумѣстны и даже вредны: онѣ отжили свой вѣкъ." Въ этомъ отвѣтѣ заключается проэктъ и самаго дѣла.

3. Когда вы проѣзжаете западнымъ краемъ Россіи, ваше вниманіе весьма часто поражаютъ громадные руины величественныхъ зданій, колосальныхъ храмовъ. (2) Иные изъ этихъ зданій еще борются съ временемъ и стихіями, другія дали широкія трещины, въ которыхъ пріютились нетопыри и разрослись групы сѣмянныхъ деревъ и кустарниковъ; иныя уцѣлѣли до половины, другія разметали груды своихъ остатковъ на большія во кругъ себя разстоянія. Латинская пропоганда любила ставить товаръ лицемъ, и эти зданія выдвинуты на самыя видныя мѣста въ околицѣ; почти всѣ онѣ грандіозной архитектуры, съ величественными фронтонами, готическими арабесками, фестонами и другими затѣями казистой церковной архитектуры средневѣковаго Запада. Трудно заглушить тѣ грустныя думы, которыя возникаютъ въ душѣ при видѣ этихъ величавыхъ руинъ! Путникъ, незнакомый съ ихъ исторіей, недалекъ будетъ отъ упрека тѣмъ, которые не поддержали этихъ прекрасныхъ зданій, позволили имъ придти въ настоящее запустѣніе и упадокъ. Но кто знаетъ эпоху построенія, процвѣтанія,—причину запустѣнія этихъ зданій, подвиги ихъ строителей и ихъ

---

(1) Какъ это сдѣлалъ недавно одинъ панъ (дисен. уѣзда, возлѣ м. Бобровщизны) съ статуею св. Яна, которую онъ держалъ сперва въ сараѣ, а потомъ устроилъ для нея каплицу и собиралъ таки не мало приношеній и съ папистовъ, и съ православныхъ, прикомандировывая къ этому сбору бывшую свою няньку.

(2) Наприм., въ Острогѣ, Несвижѣ, Копыси, Оршѣ, Лидѣ и проч., и проч.

приверженцевъ, отношенія ихъ къ русской народности и православію, тотъ скорѣе посѣтуетъ, что эти цитадели пропаганды давнымъ-давно не срыты до послѣдняго кирпича, что на ихъ мѣстѣ не посѣяна соль. Всѣ эти величавыя постройки воздвигались на счетъ обидъ и насилій русскаго народа, для уловленія въ папизмъ слабыхъ и маловѣрныхъ, въ ущербъ, униженіе и попраніе древняго, святаго, русскаго православія. На богатство этихъ зданій, на привольную, вовсе не монашескую, жизнь обитателей ихъ, на ихъ громадныя богатства,— нужно смотрѣть какъ на потъ и кровь, выжатую изъ русскаго народа прессомъ польской деспотіи. Когда воздвигались и процвѣтали эти циклопическія зданія, церкви православныя,—бѣдные, деревянные храмы хозяевъ страны — были ниже всякаго описанія, были въ арендѣ у жидовъ, слабо защищали молящихся своею полуистлѣвшею, соломенною кровлей, имѣли двери потому только, что иначе не къ чему было жиду-арендатору прикрѣпить свой замокъ, приложить печать, что безъ этихъ дверей аренда не достигала бы своей цѣли. И это были лучшіе храмы православные: большинство ихъ тлѣло на мѣстѣ своего паденія безобразною грудой; потому-что, подъ опасеніемъ мукъ, запрещалось строить новыя и починять ветхія церкви.Еще вы, простодушный и чувствительный путникъ, будете скорбѣть о запустѣніи встрѣчаемыхъ вами величественныхъ развалинъ?!..

Едва ли нужно и говорить, что большинство пустыхъ и разрушающихся, громадныхъ зданій принадлежало о. о. Іезуитамъ, нѣсколько разъ изгнаннымъ изъ всѣхъ образованныхъ, любящихъ свое спокойствіе и благополучіе, націй. Эти св. отцы особенно полюбили-было наши русскія области. Вѣроятно, они считали здѣсь свою миссію болѣе полезною и необходимою „ad maiorem Dei gloriam“, чѣмъ въ государствахъ латинскихъ, и болѣе безопасною, чѣмъ въ лютеранскихъ, реформатскихъ и всякихъ дру-

цiй. Постройки iезуитовъ, по изгнанiи этого ордена изъ Россiи, запустѣли, или обращены на помѣщенiе учебныхъ заведенiй, православныхъ монастырей и другiя мѣстныя потребности. Развалины другихъ зданiй суть остатки разныхъ кляшторовъ, оставшихся въ запустѣнiи или по ихъ излишеству, или за участiе патеровъ въ революцiонныхъ проказахъ, преимущественно въ польскомъ бунтѣ 1830 и 31 годовъ.

Къ чемужъ, однако, эти казистыя руины бременятъ русскую, православную землю и доселѣ? Для кого онѣ нужны? Къ чему занимаютъ эти видныя мѣста, столь необходимыя для построекъ, болѣе современныхъ и общеполезныхъ? Эти развалины, въ настоящемъ ихъ видѣ, нужны развѣ для одной латинской пропаганды (1) — и какъ богатыя темы для разныхъ iеремiадъ предъ туземцами, а особенно западниками, и какъ примѣты польскости этого края, какъ документы на право владѣнiя имъ шляхтой и ксендзами. Указывая на эти руины, туземная пропаганда вопiетъ во все услышанiе своихъ единовѣрцевъ: „это край *забраный*.“ Это земля наша! Вотъ наши патенты на эту землю; вотъ монументы нашей вѣры и народности! Усилiя даже враговъ и времени уважили ихъ права и силу, не смѣютъ сгладить ихъ и разрушить. Насилiе только ослабило эти права, исказило эти монументы, но не могло опровергнуть первыхъ, разрушить послѣднихъ.“

Чтожъ мы отвѣтимъ на эту напыщенную декламацiю? А вотъ что: „земля эта искони, отъ временъ до историческихъ—земля руская; предки ваши вкрались въ нее, какъ карманщики, овладѣли ею, какъ разбойники, владѣли, какъ варвары. Ваши права на владѣнiе этою землею—права самоправства, права, основанныя на безправiи, на без-

(1) Для того онѣ такъ тщательно и сберегаются пропагандой.

честности юридической, — на попраніи составленныхъ вами же международныхъ трактатовъ, привилегій, декретовъ, существовавшихъ иногда на словахъ, на бумагахъ, но не на дѣлѣ. Не смотря на трактатъ вашъ о „свободной федераціи съ русскими, какъ равныхъ съ равными,“ вы очень скоро принялись за свою миссію: за хозяйничанье въ чужой землѣ, за отнятіе всякихъ правъ у хозяевъ страны, — у этихъ „равныхъ,“ за длинный рядъ насилій, жестокостей, самодурствъ, самоправствъ. Въ эту-то тяжкую для русскаго края годину и воздвигнуты вашими прадѣдами и дѣдами тѣ монументы вашего величія, на которые и теперь вы смѣете такъ торжественно, такъ комически-важно, указывать всѣмъ, кто готовъ внимать вашимъ іереміадамъ, кто не читалъ біографій вашихъ предковъ, не знаетъ исторіи. Для васъ эти возгласы, эти вопли безсильнаго отчаянія, понятны. Въ руинахъ, въ которыхъ изобрѣтательное воображеніе ваше видитъ какія-то права, какіе-то монументы вашей вѣры и народности, — мы видимъ что-то похожее на пирамиды и озера, воздвигнутыя и изрытыя евреями въ Египтѣ, подъ гнетомъ фараоновъ.“

Чтожъ намъ дѣлать съ этими руинами? То, что обыкновенно дѣлаютъ съ ненужными и не пріятными для насъ руинами. Чтобъ онѣ не воспроизводили въ памяти нашей грустныхъ страницъ нашей исторіи, не пугали людей суевѣрныхъ, не безобразили земли русской вообще и восхитительныхъ мѣстностей, на которыхъ торчатъ онѣ, въ частности, чтобы своею угрюмостью не портили впечатлѣнія, производимаго пріятнымъ ландшафтомъ, чтобъ очистить (въ мѣстахъ населенныхъ) мѣсто, необходимое для разныхъ общеполезныхъ зданій, или хоть бы для устройства народнаго гулянья, а главное, чтобы лишить возможности враждебныхъ намъ сосѣдей, смотря на эти руины, предаваться пустымъ надеждамъ, безплоднымъ элегіямъ, безразсуднымъ упрекамъ, портящимъ сонъ, аппетитъ и здоровье политическое-воспоминаніямъ, — чтобъ

отнять у нихъ возможность видѣть въ этихъ руинахъ какія то права, монументы, экзальтировать ими себя и другихъ, — нужно всѣ эти руины уничтожить до основанія, — сколько нибудь годныя-обратить въ полезныя и нужныя зданія: церковь, народное училище, присутственныя мѣста и под., — негодныя и ни на что не нужныя — уничтожить, а мѣсто уступить, продать, подарить церкви, городу, селу, лицу или корпораціи. Если же какіе либо патеры предъявятъ (іезуиты не предъявляли и не предъявятъ) права свои на строительные матеріалы руинъ, можно предоставить имъ (не смотря на мечтательность этихъ правъ) очистить, въ возможно-кратчайшій срокъ, русскую территорію отъ принадлежащаго (quasi) имъ груза. (1). Я думаю, ничто и никто не будетъ обиженъ этою мѣрой. Руины, подлежащія уничтоженію, ненужны, конечно, даже папистамъ, а намъ на что онѣ?...........

4. Когда вы проѣзжаете западнымъ краемъ Россіи, — лишь только минете (по направленію съ юго-запада на сѣверо-западъ) Н., вамъ даютъ, при учотѣ прогоновъ, при расплатѣ за разный заборъ на станціи, въ гостинницѣ, — какіе то безобразные, мелкіе, не извѣстнаго металла-кружки, съ надписью на однихъ; „5 groszy“ ($2\frac{1}{2}$ к.), на другихъ „10 groszy“ (5 к.) Что это за гроши польскіе на землѣ русской?„ спросилъ „я.“ Извините, — другихъ нѣтъ. Какъ нѣтъ, упорствовалъ я, дайте хоть мѣдныхъ. „Ну, право, нѣтъ;“ тутъ староста станціи (еврей) побожился. „Не безпокойтесь, впрочемъ,“ прибавилъ онъ: это монета ходячая; дальше рѣдко гдѣ увидите другую. Да она и не совсѣмъ польская: на лицевой сторонѣ ея-русскій орелъ.“ Я повернулъ монету на другую сторону, съ трудомъ раз-

(1) Ни въ какомъ случаѣ они не могутъ доказаь, чтобы мѣстность руинъ, на землѣ русской, принадлежала имъ по праву; не могутъ даже доказать и того, чтобы самыя постройки произведены были на ихъ благопріо-обрѣтенныя, *собственныя* средства.

глядѣлъ полуистертый гербъ русской имперіи и немного успокоился, — особенно, когда вспомнилъ, что въ 30 и даже въ 40 годахъ подобные значки были въ ходу въ здѣшнемъ краѣ. Чтобы довершить побѣду надъ моимъ сомнѣніем, находчивый староста прибавилъ: „Не думайте, чтобъ эта монета ходила только на этой станціи: она разрѣшена правительствомъ.“ Ну хоть я и не читалъ подобнаго распоряженія, — отвѣтилъ я, — а все таки давайте; на нѣтъ и суда нѣтъ. Староста сказалъ правду: польскую мелочь у меня вездѣ принимали съ замѣтной радостью; послѣ я уже весьма рѣдко встрѣчалъ какую либо иную (1).

Понимаю причины, заставляющія насъ пачкать руки этою грязною полупольскою мелочью, на которой императорскій орелъ можетъ быть принятъ незнающимъ дѣла за орелъ, — хоть бы за австрійскій, знаю, что эта мелочь отчеканена когда-то въ Варшавѣ, не безъ согласія русскаго правительства; знаю, что настоящій недостатокъ въ звонкой монетѣ дѣлаетъ обращеніе этой мелочи въ Россіи какъ будто благовиднымъ и необходимымъ, — но при всемъ этомъ знаніи и пониманіи, я ни какъ не могу помириться съ этою мелочью, не могу смотрѣть на нее безъ отвращенія, взять въ руки безъ омерзѣнія. Я не пускаюсь въ политическую экономію, но я увѣренъ, что эту мелочь можно бы (и должно) замѣнить какой угодно другой, хотя бы такой же величины и значенія, изъ такого-же металла, лишь бы эта мелочь, или какіе либо иные знаки, были русскіе, безъ польскихъ надписей. Если польскую рѣчь и языкъ нашли нужнымъ изгнать изъ общежитія, даже изъ школы, гдѣ преподаваніе его какъ будто извинялось ученостью вообще и лингвистикой живаго языка входящей въ сос-

(1) Послѣ я познакомился и съ бумажными знаками польскаго изданія, но, признаюсь, и доселѣ необзаводился этимъ анахронизмомъ, не смотря на всѣ увѣщанія и урезониванья разныхъ господъ, хотѣвшихъ навязать мнѣ ихъ.

тамъ русской имперіи націи — въчастности: то тѣмъ болѣе не пріятно, не естественно видѣть этотъ языкъ на такихъ важныхъ и популярныхъ предметахъ народной жизни, какова монета. Польская монета въ Россіи, — это болѣе чѣмъ анахронизмъ, это дерзость пропаганды, нейзвиняемая ни какимъ финансовымъ кризисомъ, и съ злорадствомъ, быть можетъ, указывающая на эти деньги, какъ на признакъ, какъ на вывѣску этого кризиса, а что всего хуже, — какъ на примѣту польскости края. — Оттого польская мелочь въ ходу только тамъ, гдѣ польское населеніе гуще, гдѣ торговля исключительно въ рукахъ евреевъ; оттого на юго-западѣ Россіи этой мелочи никто не возметъ и въ руки, не дастъ за нее и ломанаго гвоздя. Явленіе это, должно быть, опирается на причины, стоящія внѣ финансовыхъ кризисовъ, внѣ недостатка мелочи, который долженъ бы чувствоваться равномѣрно во всѣхъ полосахъ Россіи, если не болѣе въ тѣхъ, которыя лишены желѣзныхъ путей сообщенія и удалены отъ источника мелочи больше — сѣверозапада Россіи. (1).

Какъ бы то ни было, только, по моему убѣжденію, было бы полезно и законно въ политическомъ и всякомъ другомъ отношеніи, изгнать изъ употребленія эти грязные, полуистертые отъ давности употребленія, польскіе жетоны, исчезнувшіе — было въ началѣ 40 годовъ изъ обращенія, а теперь опять выплывшіе изъ своего мутнаго резервуара и наводнившіе землю русскую, при болѣе даже сильныхъ побужденіяхъ къ изгнанію ихъ изъ обращенія. Само собою — можно предоставить владѣтелямъ этихъ грошей какой нибудь (двухмѣсячный, на прим.) срокъ, для сбыта ихъ, послѣ котораго (срока) они теряли бы въ Россіи всякій ходъ и значеніе.

---

(1) Если вы мѣняете рубль и на эту жалкую мелочь, если даже купите чего либо менѣе чѣмъ на 4 злотыхъ (60 к., — здѣсь и счетъ не русскій), то вы должны заплатить промѣну 2—4 %.

5. Когда вы проѣзжаете западнымъ краемъ Россіи, ваши глаза съ удовольствіемъ замѣчаютъ на стѣнахъ разныхъ публичныхъ помѣщеній краткій печатный (на кардонѣ, въ рамкахъ, за стекломъ, въ видѣ картинки, а иногда и безъ этой обстановки) приказъ: „говорить по польски не позволяется.“ Чудный приказъ, мудрый приказъ! Нельзя довольно имъ налюбоваться!..

Чтожъ достигаетъ онъ своей цѣли? Я не намѣренъ ни на кого доносить, я туристъ самый невинный, во все-неслужебный. Я не буду говорить о томъ, что, если вы заговорите по русски, въ иныхъ мѣстахъ (особенно не украшенныхъ этимъ приказомъ), васъ помѣряютъ съ ногъ до головы, словно хотятъ пройдтись по вашей особѣ, и въ безмолвіи, съ замѣтною досадой, исполнятъ ваше желаніе, или вовсе не исполнятъ; я только вправѣ подѣлиться съ читателями этой замѣтки моими наблюденіями надъ судьбой или точнѣе помѣщеніемъ самыхъ приказовъ. Въ иныхъ мѣстахъ (станціяхъ, трактирахъ) эти приказы висятъ на своемъ законномъ, самомъ видномъ мѣстѣ, — въ сборной залѣ, возлѣ порога, какъ разъ визави противъ усѣвшагося на диванѣ путника, гостя; въ другихъ эти приказы уже не пользуются такимъ почетомъ: ихъ съ трудомъ отыщете въ какомъ нибудь захолустьи помѣщенія, а въ иныхъ, наконецъ, и во все не отыщете. На вопросъ вашъ: гдѣ же приказаніе не говорить по польски? вамъ отвѣтятъ: въ канцеляріи, (на станціяхъ), или въ другой трущобѣ, куда вы, конечно, не захотите проникать для справокъ, хоть бы и потому, что для этого нужно пройдти весь грязный дворъ.

Отъ чегожъ такой приказъ испытываетъ такіе превратности судьбы, — не вездѣ встрѣчаетъ одинаковый пріютъ, почетъ и радушіе? Избѣгая снова частностей, личностей, я только подѣлюсь съ моими читателями моею личною догадкой: я думаю, что неравенство судьбы выше-означеннаго приказа происходитъ отъ неравенства симпатій къ нему, къ его обязательству, хозяевъ помѣщенія, которые распо-

ражаются помѣщеніемъ приказа, какъ предмета неодушевленнаго, по своему усмотрѣнію, — съ тою niepodległością, вслѣдствіе которой, во время оно, szlachcic na ogrodzie считалъ себя równym woiewodzie. — Я не думаю, чтобы шляхтичъ не получалъ точнаго указанія на счетъ помѣщенія приказа.

6. Когда вы проходите по улицамъ Вильны утромъ, въ праздникъ (иногда и не въ праздникъ), до вашего слуха издали долетаютъ сперва сильные звуки тенора (чаще чего то средняго между тоноромъ и баритономъ), потомъ невыразимый гулъ безчисленныхъ, добываемыхъ съ усиліемъ изъ груди двухъ-трехъ тысячъ молящихся, голосовъ, съ аккомпаниманомъ могучаго инструмента. Если вы не имѣете понятія о причинѣ этого явленія, оно на васъ такъ сильно подѣйствуетъ, что вы остановитесь на мѣстѣ, обратитесь въ олицетворенный знакъ вопроса и удивленія. Чтобы не держать и васъ, читатель, въ этомъ натужномъ состояніи, я тороплюсь сказать вамъ что это ксендзъ поетъ *литанію* (что-то въ родѣ нашей ектеніи), а потомъ весь народъ, изо всей мочи, повторяетъ тоже самое, вмѣстѣ съ органомъ. А что звуки эти слышатся на далекомъ разстояніи, это происходитъ отъ того, что описанный недавно концертъ распѣвается при открытыхъ дверяхъ костела? Какъ, завопите и вы, — при открытыхъ дверяхъ?! Хотя бы на дворѣ была вьюга, хотя бы было 25-о морозу?! Да, при открытыхъ дверяхъ, хотя бы на дворѣ замерзалъ воздухъ, а съ неба падало пламя. — Для чегожъ это, спросите вы? Какъ же вы просты, если не догадываетесь! Да хоть бы для того, чтобы сказать: „знай нашихъ!.. Вотъ какъ мы молимся,— не по вашему!... Наши молитвенные голоса разносятся по всему городу!.. Видно всякому, что „святое католичество тутъ религія господствующая.“ А можетъ быть при этомъ, въ душѣ исполнителей концерта, не послѣднее мѣсто занимаетъ желаніе привлечь къ нему и мимо — идущаго православнаго слушателя? Чужая душа потемки! Иначе бы,

кажется, не зачѣмъ и держать двери на распашку!... Но какъ бы то ни было, панове, не мѣшало бы вамъ запирать въ костелахъ двери во время богослуженія, хоть бы для того, что бы не простуживались ваши жены, дѣвицы, старушки, дѣти!......

Простите, снисходительный читатель, словохотливаго туриста, если замѣтки его вамъ наскучили. По крайней мѣрѣ я считаю долгомъ совѣсти передать вамъ мои наблюденія и вызванныя ими, противъ моей воли, мысли и ощущенія. Какъ патріотъ, я не могъ не замѣтить, не прочувствовать той розни русской жизни, какая поражала мое вниманіе на землѣ русской я не могъ отказать себѣ въ желаніи видѣть дорогую для меня Русь-вполнѣ русскою, безъ пятнышка, безъ родинки польской, безъ остатковъ ржавчины, которая такъ глубоко въѣлась въ цѣпи этого края, недавно лишь на немъ разбитыя. Если вы даже назовете меня патріотомъ немножко рьянымъ, я на васъ не разгнѣваюсь: потому, что тотъ — не патріотъ, кто не рьяный патріотъ. Я не осержусь на васъ даже и тогда, когда вы найдете въ моихъ замѣткахъ немножко увлеченія; по моему, лучше немножко увлекаться при видѣ зла, чѣмъ его не видѣть и, убаюкивая себя блаженнымъ оптимизмомъ и самомнѣніемъ, не видѣть, какъ маленькое зерно зла разростается въ дерево, какъ ничтожный червь падтачиваетъ корни столѣтняго дуба, маловажный, повидимому, просмотръ,— ведетъ къ безплодному сѣтованію о невозможности поправить допущенную оплошность. Если рвать плевелы, посѣянные врагомъ на землѣ русской, такъ рвать съ корнемъ, рвать всѣ до одного. А теперь время для этого — безпримѣрное въ исторіи: теперь или никогда!.....

Туристъ И.........

IV.

ПАНСКІЯ ФАЦЕЦІИ.

(Окончаніе).

2.

По части курьезовъ, или фацецій, князь Радзивиллъ, извѣстный подъ именемъ *Пане-коханку*, превосходилъ всѣхъ своихъ соперниковъ на столько, на сколько превосходилъ всѣхъ живописцевъ Рафаэль, виртуозовъ Паганини и пѣвчихъ птицъ соловей. Его фацеціи отличались такою громадностью размѣровъ, такою оригинальностью изобрѣтенія, такою неожиданностью и удачей выполненія, что молва о нихъ разносилась по всей Европѣ, въ теченіи цѣлыхъ мѣсяцовъ составляла любимый сюжетъ расказовъ, сужденій, удивленій, и въ салонахъ магнатства, и курныхъ избахъ полѣшука, и въ мазанкахъ застѣнковой шляхты. Постараюсь, на сколько съумѣю, передать молву объ извѣстныхъ въ слуцко-несвижской околицѣ фацеціяхъ Пане-коханку, — оговорившись предварительно, что въ этихъ фацеціяхъ было много не изобразимаго, что нужно-бы сочинить краснорѣчіе, составленное изъ словъ, красокъ и звуковъ, чтобъ обрисовать ихъ окончательно (1).

Начну, какъ и прежде, съ той фацеціи Карла Радзивилла (онъ же и Пане-коханку), которая авторомъ »Видѣнія въ нес-

---

(1) Не смѣю увѣрять, чтобы всѣ нижеслѣдующія фацеціи были выкинуты однимъ Пане-коханку. Родъ этотъ отличался многими чудаками, покрайней мѣрѣ молва народная усвояетъ эти фацеціи одному Пане-коханку.

вижскомъ Замкѣ« передана не совсѣмъ вѣрно. Въ этой статьѣ говорится, что путешествовавшій по Европѣ Радзивиллъ привелъ въ затрудненіе банкировъ Гамбурга, предложивъ имъ размѣнять червонецъ въ 200 пудовъ. Это происходило нѣсколько иначе. (1) Пане-коханку возвращался изъ Италіи чрезъ Германію. Путешествовалъ онъ, разумѣется, на широкую руку и ногу, какъ подобаетъ первому богачу и магнату во всей Рѣчи-посполитой, и въ какомъ то мелкомъ герцогствѣ пораженъ былъ донесеніемъ своего кассира, что въ шкатулкѣ Пане-коханку осталось только сто дукатовъ. Разсвирѣпѣлъ панъ Радзивиллъ по своему и въ заключеніе грозной рѣчи прикрикнулъ: »сей часъ добыть 3000 дукатовъ; авось станетъ до Варшавы, — а тамъ мы дома.« Метнулся кассиръ сюда — туда и чрезъ полчаса явился къ Пане-коханку съ повѣреннымъ одной изъ банкирскихъ конторъ третьей руки. Деньги отсчитаны, получена повѣреннымъ росписка, Радзивиллъ торопливо поспѣшилъ домой, соблюдалъ небывалую въ его жизни экономію; одолженныхъ денегъ хватило у него до самаго Несвижа.

Пріѣхавъ домой, Пане-коханку велѣлъ отлить большую золотую глыбу, отчеканить свой гербъ на одной ея сторонѣ, на другой сдѣлать надпись: Радзивилловскій червонецъ, отослать съ нарочными тому банкиру, у котораго сдѣлалъ заемъ и просить сдачи. Само собою разумѣется, въ банкѣ не оказалось сдачи съ радзивилловскаго червонца. Одинъ изъ посланныхъ отправился въ Несвижъ за рѣшеніемъ встрѣтившагося недоразумѣнія. Онъ возвратился съ такимъ отвѣтомъ, подарить банку сдачу, въ видѣ процента и на память сдѣланнаго Радзивиллу одолженія.« Жаль, что банкирской домъ, ссудившій Пане-коханку 3000 дукатовъ, потерпѣлъ банкротство и долженъ былъ размѣнять „радзивилловскій червонецъ« на мелкую монету!

Пане-коханку весьма любилъ ручныхъ медвѣдей. У него медвѣдь таскалъ дрова, тянулъ изъ колодца и носилъ огромными ушатами воду на кухню, разносилъ пуншъ гостямъ на такомъ, нарочно для него устроенномъ, подносѣ, на которомъ уста-

(2) Трудно предположить чтобы Пане-коханку возился по Европѣ съ 200 пудовою глыбой, въ ожиданіи будущей фацеціи и чтобы въ Гамбургѣ не нашлось денегъ на 200 пудовъ золота.

навливалось 100 старинныхъ стакановъ, — подноси, разумѣется, первому хозяину. Пара самыхъ гигантскихъ медвѣдей стояла у Пане-коханку на конюшнѣ. На этихъ медвѣдяхъ Радзивиллъ любилъ иногда, для фацецій, прокатиться къ сосѣду, на *одпустъ*. на *кермашъ* (ярмарку). Пріѣхавъ однажды на послѣдній, онъ пришелъ въ восторгъ отъ той кутермы, которую произвели его медвѣди на ярмарковой площади, и въ умѣ его созрѣла фацеція въ болѣе крупномъ размѣрѣ. Время близилось къ генеральному сейму въ Варшавѣ. Обозъ и 15 тысячный отрядъ радзивилловской кавалеріи уже съ недѣлю какъ отправленъ въ столицу; съ этимъ обозомъ пошла и пара медвѣдей. Но медвѣди не должны были входить въ Варшаву: они должны путешествовать инкогнито и, вмѣстѣ съ кучеромъ и устроеннымъ нарочно для нихъ экипажемъ, должны остановиться въ одномъ изъ заѣздныхъ домовъ Праги. Прислугѣ было приказано увѣрять любопытныхъ, что эти медвѣди будутъ забавлять сеймиковыхъ и варшавянъ разными штуками. Вотъ пріѣхалъ и Пане-коханку; на другой день открылся сеймъ. Площадь уже загромождена экипажами, залита сплошными массами праздношатающихся и любопытныхъ. Все панство уже въ сборѣ, недостаетъ только важнѣйшаго и опаснѣйшаго, — князя Карла Радзивилла. Но вотъ послышался вдали страшный ревъ медвѣдей, вотъ онъ становится ближе, явственнѣе, лошади насторожили уши; тамъ и здѣсь на площади слышенъ храпъ и топотъ коней болѣе робкихъ, или болѣе рьяныхъ и нетерпѣливыхъ. Вотъ изъ за угла катитъ на сеймъ Пане-коханку неуклюжимъ медвѣжьимъ галопомъ и останавливается у подъѣзда ратуши. Небеpусь описывать далѣе картину разрушенія, обязанную своимъ сюжетомъ медвѣжьей фацеціи Пане-коханку и бѣшенству испуганныхъ лошадей. Люди, лошади, осколки разныхъ экипажей, смѣсь разныхъ сильныхъ звуковъ, выражающихъ ужасъ и боль, все это составляло такой венигретъ, такую ужасную катастрофу, которыхъ не всилахъ передать никакое перо, никакая кисть. А Пане-коханку стоитъ — себѣ на крыльцѣ подъѣзда и хохочетъ во всю ширину своего горла и желудка. Плачу всѣ убытки, завопилъ онъ, когда первый гамъ нѣсколько утихъ и важно отправился на сеймъ.

Что жъ это, скажетъ кто либо, за страна, гдѣ какому нибудь самодуру позволяли фацеціи, сопровождавшіяся ломкою тысячъ экипажей, увѣчьемъ тысячи людей, и при томъ въ сей

мой столицѣ, въ присуствіи самаго короля? Не удивляйтесь этой фацеціи, простодушный читатель, мало, вѣроятно, знакомый съ исторіей Польши, буйствомъ и самодурствомъ польской аристократіи! Такія ли вещи дѣлались въ Рѣчи-посполитой, гдѣ царило самоволіе, безурядица и деспотія магнатовъ! Что могъ сдѣлать беззащитный законъ съ тысячами богатыхъ, независимыхъ, разнузданныхъ феодаловъ, которые *ломали* сеймы, писали полезные для своего самоволія законы, а въ случаѣ стѣсненія ихъ буйства закономъ, составляли коалицію и глумились надъ всякою легальностью! Что могъ сдѣлать король съ магнатомъ, у котораго стоитъ подъ Прагой лагеромъ 15 тысячная, отлично-устроенная армія, который, на самое легкое замѣчаніе короля, отвѣтитъ: «молчать!. (слѣдуетъ крупное слово, а то идвиженіе); ты король сегодня, а я завтра»!.. Во времена Пане-коханковъ, короли были радехоньки, когда ихъ не били, когда имъ отпускали сумму, достаточную для приличнаго содержанія; тогда какъ Пане-коханку имѣлъ 3,000,000 червонцевъ годоваго доходу и, слѣдовательно, на столько былъ могущественнѣе короля, во всѣхъ проявленіяхъ жизни частной и общественной, на сколько былъ богаче его. При реакціи короля, или точнѣе-его сторонниковъ (самъ по себѣ король былъ ничтожнѣйшій шляхтичъ во всей Рѣчи-посполитой), Пане-коханку могъ, кромѣ 25 тысячной арміи, собрать вокругъ себя сотни тысячъ пролетаріевъ, затѣять конфедерацію и взять короля въ плѣнъ, или посадить на тронѣ польскомъ другаго. Какъ бы то нибыло,-Пане-коханку сдержалъ слово: назначенная имъ коммисія привела въ извѣстность убытки, причиненные его фацеціей; лѣчили увѣчныхъ на его счетъ и чрезъ нѣсколько дней разнесли плату за изломанные взбѣсившимися лошадьми экипажи тѣмъ, чей гоноръ не запрещалъ принимать плату за эту *бездѣлицу*. Большіе паны были сами аматерами фацецій; они смотрѣли на дикій курьозъ Радзивилла, какъ на шалость, или какъ на геніально-выполненную фацецію и болтали объ немъ съ восторгомъ и увлеченіемъ. А страдало всего только, «подлое» холопство, «*быдло*:» кучера и лакеи, да нѣсколько любопытныхъ жидовъ и пролетаріевъ.. Они должны быть въ восторгѣ, что Пане-коханку лѣчитъ ихъ увѣчье на свой счетъ.

Когда впечатлѣніе, произведенное фацеціей Пане-коханку нѣсколько ослабѣло, онъ хлопочетъ за сюжетомъ новой фаце-

ціи; безъ фацеціи могъ онъ прожить не болѣе недѣли. Онъ даже толкается—бывало иногда пѣшкомъ по городу—въ томъ предположеніи, что случайно натолкнется на тему для фацеціи. И Пане-коханку былъ такъ счастливъ, что поиски его рѣдко были напрасны: такъ, большинство великихъ открытій обязано случайностямъ; такъ, по пословицѣ, на охотника и звѣрь бѣжитъ.—Отыскивая фацецію, забрелъ однажды Пане-коханку на базаръ. Во время сеймовъ, разумѣется, базаръ бывалъ и богаче, и шумнѣе, чѣмъ въ другое время. Изъ дальнихъ околицъ Рѣчи-посполитой, цѣлыми обозами, валитъ всякая живность, всякіе предметы потребленія въ столицу,—что ни привези, все будетъ продано по самой выгодной цѣнѣ. Подошедши къ базарной площади, Радзивиллъ остановился въ изумленіи: такой суетни не видалъ онъ отъ роду; продающими, покупающими залита вся площадь; возлѣ всякаго продавца тѣснится около десятка покупщиковъ; въ головѣ Пане-коханку блеснула идея фацеціи. Цотирая руки отъ удовольствія, чуть не крича: *еврика!*, чуть не бѣжкомъ, торопится Цане-коханку домой, призываетъ своего управляющаго обозомъ въ кабинетъ и по секрету отдаетъ ему приказаніе. Управляющій уходитъ, а Цане-коханку въ восторгѣ третъ снова руки и чуть не тацутетъ по комнатѣ.—На завтра—утромъ, онъ снова бѣжитъ на базарную площадь и, къ радости своей, видитъ, что на площади нѣтъ и сотой доли вчерашней кутермы и столпленія: фацеція идетъ, думаетъ онъ себѣ, и въ восторгѣ бѣжитъ домой. На третій день Цане-коханку снова на базарѣ и уже любуется страшными проклятіями покупающихъ. И было, въ самомъ дѣлѣ, за что проклинать: на одного продающаго приходилось чуть не тысяча покупающихъ, послѣдніе платили баспословныя цѣны за страшную гниль, соръ и падаль; тощая курица доставалась побѣдителю съ бою между двумя арміями покупающихъ: Цане-коханку хохочетъ до упаду; фацеція дивно развивается. На слѣдующій день слѣды фацеціи достигли ужасающихъ размѣровъ: Цане-коханку видитъ, что продающихъ почти нѣтъ, варшавскіе только спекулянты сбываютъ разную заваль по неслыханнымъ цѣнамъ; на площади бунтъ въ полномъ разгарѣ, голодный народъ, замѣчая полное отсутствіе подвоза со стороны разныхъ потребностей жизни, начинаетъ роптать на правительство, грозить за воображаемую стачку и монополію торговцамъ,-Пане-коханку чувствуетъ, что если бы народъ узналъ

виновниковъ своего несчастья, онъ растерзалъ бы ихъ въ клочки. Сказавъ: «довольно!», Радзивилъ уходитъ домой, призываетъ своего управляющаго и отдаетъ ему новое—секретное приказаніе. Къ вечеру на всѣхъ угловыхъ зданіяхъ, заборахъ, воротахъ общественныхъ зданій, а особенно на базарной площади, являются прибитыми объявленія, глясящія, что завтра, отъ 8 часовъ утра до 2 по полудни, бѣднымъ и небоготымъ людямъ будетъ раздаваться *безплатно* на базарной площади всякая живность, дрова, сѣно и проч. Къ 8 часамъ домъ, нанятый Цане-коханку возлѣ самой площади, наполненъ зрителями, его—родными и знакомыми. Ровно въ 8 часовъ потянулся изъ всѣхъ заставъ безконечный караванъ разныхъ возовъ, наполненныхъ всевозможными предметами и сцентрировался на площади.. Площадь, само собою разумѣется, наполнена десятками тысячъ народа; явились не только за дѣломъ, но и безъ дѣла. Вотъ герольдъ взошелъ на возвышенное мѣсто и прокричалъ во все горло: „панство обыватели! берите безъ денегъ все, что кому нужно, что вы видите на этихъ подводахъ; за все это уже заплачено паномъ, все это ваше.“ Съ минуту народъ стоитъ въ недоумѣніи, думая, что тутъ есть какая то мистификація, а то, пожалуй, и ловушка. „Ктожъ это все могъ купить,“ слышатся вопросы тамъ и здѣсь „и кто все это можетъ отдать безъ денегъ?“ Мой панъ, яснеосвецоны ксіонже Кароль Радзивиллъ все это купилъ и все это даритъ вамъ, отвѣчаетъ герольдъ. „Такъ естъ панове—кохапки“ оретъ на всю площадь съ балкона Цане-коханку,—„то вшыстко ваше!“ Толпа вѣритъ, толпа знаетъ Цане-коханку и, съ крикомъ: „нехъ жіе ксіонже Радзивиллъ, сто лятъ Радзивиллови,“ бросается на привезенное... Я снова отказываюсь копировать детали картины, какую представляла въ теченіи 6 часовъ базарная площадь,—картина эта неизобразима; пусть читатель дополнитъ своимъ соображеніемъ мои пробѣлы: пусть догадается, что цѣнная живность могла сдѣлаться собственностью счастливцевъ только съ бою, что кулачное право было главнымъ правомъ на овладѣніе крупнымъ предметомъ, что смѣсь звуковъ, толкотня движеній, обиліе комическихъ эпизодовъ доходили до небывалыхъ размѣровъ. Все это, конечно, доставляло неописанное блаженство Цане-коханку, всѣ его мысли и чувства поглощены были восхитительнымъ развитіемъ фацеціи. И точно, фацеція развивалась восхитительно!. Но вотъ

она близится къ своему финалу; Цане-коханку посмотрѣлъ на часы, уже пробило два часа, и онъ закричалъ: „*Basta*!" Послѣ минутнаго колебанія, послѣ напрасныхъ домогательствъ нѣкоторыхъ господъ овладѣть какимъ-либо предметомъ по истеченіи назначеннаго срока,-навьюченная разными мѣшками, кульками и корзинами публика тянется по всѣмъ направленіямъ Варшавы; небольшіе остатки нерозданной провизіи и всего прочаго возвращаются въ свои кладовыя. Всѣхъ избранныхъ зрителей, раздѣлявшихъ съ Пане-коханку восторгъ, доставляемый фацеціей, онъ приглашаетъ къ себѣ на обѣдъ... Главнымъ сюжетомъ веселой застольной бесѣды, была, конечно, недавная фацеція, столь богатая трагикомическими эпизодами.

Я считаю нелишнимъ устранить здѣсь небольшія темноты на счетъ инниціативы фацеціи. Посѣтивъ базарную площадь, Пане-коханку подумалъ: Боже мой! сколько здѣсь разной живности, какъ прожорлива сеймовая Варшава!.. Хорошо еще, что сюда подвозятъ все необходимое въ такомъ обиліи!. А что было бы, еслибъ не подвозили!.. Лишь только мозгъ Пане-коханку дошелъ до этой посылки, какъ въ немъ уже зародилась идея фацеціи. „*Jak Boga kocham, to cudownie*" (чудесно), подумалъ онъ и, возвратившись домой, потребовалъ,—какъ я уже сказалъ,—управляющаго, снабдилъ его квитомъ къ кассиру и приказалъ, въ трехъ—четырехъ верстахъ за городомъ, закупать все, что будетъ везено или несено на продажу въ Варшаву, складывать секретно въ занятыхъ для того мѣстахъ и ожидать дальнѣйшихъ приказаній: чрезъ четыре дня послѣдовалъ приказъ Пане-коханку, опубликованный съ вечера въ безчисленныхъ объявленіяхъ.. Остальное извѣстно читателю.—Но можетъ быть ему не извѣстно то, что эта фацеція обошлась Пане-коханку около 100,000 р., что при такой безконтрольной покупкѣ, какова мелочная закупка всевозможныхъ потребностей жизни, за городомъ, и безмездная раздача ихъ, безъ росписокъ,—панъ управляющій тоже погрѣлъ руки/ порядкомъ!..

Нѣсколько ясне-вельможныхъ, раздосадованныхъ на Пане коханку за то, что онъ четыре дня стѣснялъ ихъ разными лишеніями въ обыденной жизни, а быть можетъ, и мучимыхъ завистью къ счастливому изобрѣтателю *cudownej facecyj*,—составили противъ него коалицію съ тѣмъ, чтобъ отплатить Па-

не-коханку за его фацецію своею контръ—фацеціею. Они знали, что въ концѣ сейма Радзивиллъ будетъ дѣлать два пира: балъ для панства и угощенье для шляхты. Они знали и то, что для этихъ угощеній, для зажариванья огромной массы цѣлыхъ быковъ и другихъ животныхъ, ему нужно огромное количество дровъ, и задумали слѣдующую фацецію: отправили своихъ повѣренныхъ за городъ и велѣли имъ закупать всѣ дрова, какіе только будутъ привозимы въ Варшаву по всѣмъ трактамъ и складывать ихъ въ указанныхъ мѣстахъ и въ тоже время приказали закупить всѣ дрова, какіе были на мѣстѣ. Паны, составившіе заговоръ, были магнаты, да они же и рисковали немногимъ, такъ какъ могли продать свой товаръ по окончаніи сейма не только безъ убытка, но, быть можетъ, съ барышами.—Вотъ приближается время радзивилловскихъ баловъ; Пане—коханку дѣлаетъ на счетъ ихъ свою *диспозицію* (разпораженіе), пересыпавъ, конечно, проэктъ грядущихъ увеселеній нѣсколькими фацеціями, сюрпризами. Чрезъ нѣсколько дней управляющій докладываетъ Пане-коханку, что въ Варшаву нѣтъ ровно никакого подвоза дровъ, а тѣ, какія можно добыть на мѣстѣ, продаются чуть не на вѣсъ серебра и принадлежатъ одной компаніи. Пане—коханку смекнулъ, что противъ него составлена стачка, заговоръ, что съ нимъ хотятъ поквитаться контръ—фацеціей. Но не такой руки былъ этотъ панъ, чтобъ его можно—было озадачить, поставить въ безвыходное положеніе! онъ приказалъ закупить въ лавкахъ сандалъ, красное и другое мебельное дерево, корицу, велѣлъ обратить въ дрова около сотни возовъ изъ своего обоза и выдалъ балъ на славу, а никому не поклонился,—словомъ паны, составившіе стачку противъ Пане—коханку, остались съ носомъ, а онъ самъ не только не тужилъ отъ лишняго расхода тысячъ въ 30, но еще былъ въ восторгѣ, что ему случайно былъ поданъ сюжетъ для новой фацеціи. Пане—коханку скоро, разумѣется, узналъ имена пановъ, составившихъ противъ него стачку; они были въ числѣ гостей его на балѣ и поминутно должны были краснѣть отъ каламбуровъ и остротъ Пане—коханку, съ неистощимою изобрѣтательностью сыпавшихся на нихъ отъ безпощаднаго хозяина. Къ одному обратится онъ и спроситъ: „какая теперь, пане N, стоитъ цѣна на дрова? я слыхалъ, что они теперь ни почемъ;“ упрашивая другаго, онъ прибавитъ: „кушайте, панъ N; ручаюсь вамъ, что вы никогда не лакомились та-

кимъ дорогимъ фазаномъ, вѣдь онъ зажаренъ на сандалѣ", третьему предложить вопросъ: „неправда ли, панъ N, что этотъ каплунъ пахнетъ корицей? Только Пане—коханку да его жертвы понимали смыслъ подобнымъ остротъ и замѣчаній: они считали для себя неловкимъ посвящать въ ихъ тайны своихъ сосѣдей и только краснѣли, хвалили кушанье, откланивались и кушали и кляли въ душѣ остроумнаго хозяина.

Но мотовство и самодурство Пане-коханку проявлялись иногда въ болѣе еще крупныхъ размѣрахъ. Два или три раза въ жизни Пане-коханку розыгривалъ у себя въ Несвижѣ, на новый годъ, „радзивилловскую лоттерею". Лоттерея состояла изъ 200 (или около этого) билетовъ, и всѣ они были выигришные, и всѣ они получались кѣмъ угодно (кромѣ хлоповъ и жидовъ) даромъ. Казалось бы, отчего не взять дароваго, безпроигришнаго билета и притомъ на радзивилловскую лотеррею!.. Между тѣмъ билеты разбирались не скоро, охотниковъ на нихъ между панствомъ являлось не много. Это обьясняется тѣмъ, что около $^1/_{10}$ билетовъ были съ непріятными выигришами: такъ, на одномъ изъ нихъ огромными буквами было написано: *dula* (кукишъ), на другомъ: *jazda konno* (ѣзда верхомъ), на третьемъ: *zaszczekać jak pies* (залаять по собачьи); на четвертомъ *zakrzyczać jak kogut* (запѣть пѣтухомъ), и тому надобныя фацеціи. Но пять билетовъ были еще непріятнѣе: на одномъ изъ нихъ было написано: 5 *batogów* (плетей), на другомъ 10, и такъ до 25. Вотъ эти-то особенно роковые билеты и отбивали охоту у родовитой шляхты абонироваться на радзивилловскую лоттерею, или заставляли брать билеты на авось,—въ надеждѣ, что вѣжливая фортуна пощадитъ панскую шкуру и вынетъ изъ урны билеты противоположнаго значенія. А такихъ пріятныхъ выигришей было огромное большинство и нѣкоторые изъ нихъ стоили того, чтобы рискнуть немножко и панскимъ гоноромъ, и отчасти кожею. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, не соблазниться взять билетъ, когда извѣстно, что можно выиграть 10—1000 червонцевъ, пару *stajennych* (заводскихъ) лошадей, фольварокъ домъ, село!..

Наконецъ билеты разобраны, лоттерея открывается; Пане-коханку сидитъ на тронѣ, возлѣ него избраннѣйшіе изъ приглашенныхъ гостей; мелкая шляхта и другой людъ—возлѣ

порога, жидъ и хлопъ (какъ уже замѣчено мимоходомъ) не допускались къ участію въ лоттереѣ. На столѣ стоятъ двѣ урны; возлѣ каждой по одному *козачку* (¹), а за ними панъ писарь. Когда все готово къ открытію фацеціи, Пане-коханку ударитъ въ ладоши и закомандуетъ: „*zaczynajcie*!" Одинъ козачокъ запускаетъ руку въ урну, вынимаетъ N билета, другой-упавшій на этотъ N выигрышъ и передаютъ обѣ бумажки писарю; послѣдній провозглашаетъ: N такойто, *dula!* Хозяинъ билета волей-неволей долженъ выйдти на сцену, а оберъ-шутъ Пане-коханку, съ неописаннымъ комизмомъ и важностію, подноситъ подъ самый носъ выигравшему кукишъ; Пане-коханку и его ассистенты хохочутъ до слезъ. Водъ одинъ панъ пролаялъ по собачьи, другой пропѣлъ пѣтухомъ; третій провезъ на своихъ плечахъ шута чрезъ всю залу (это: *jazda konno*) и проч., и проч.; паны помираютъ со смѣху, на брюхахъ нѣкоторыхъ лопаются золотые *pasy* (поясы) слуцкіе отъ натужнаго хохота. Но въ промежуткѣ между этими и болѣе пріятными билетами вынимаются и такіе, на которыхъ красуется надпись: 5 (и болѣе) плетей? Если этотъ злосчастный выигрышъ достанется на долю пана, его кладутъ на персидскій коверъ и слегка стегаютъ плетью по одеждѣ,-такъ-себѣ, для фацеціи, церемоніи, изъ необходимости вручить всякому выигрышъ по принадлежности (²). Но если этотъ выигрышъ достанется разночинцу, бѣдному шляхтурѣ, то коверъ и защита тѣла одеждой не входятъ въ составъ церемоніи, а шутъ дѣлаетъ свое дѣло, во все не-шутя... Пріятные выгриши, конечно, предствляютъ менѣе комизма: Пане-коханку и допустилъ ихъ только какъ приманку къ своей лоттереѣ, безъ которой не состоялась бы фацеція и небыло бы никакого удовольствія. Когда писарь

---

1) Козачки были у польскихъ пановъ что-то въ родѣ пажей. Они большею частію были незаконорожденныя дѣти дворской челяди; ихъ учили играть на торбанѣ и, съ безконечными варіяціями, танцавать козачекъ отчего, вѣроятно, они и получили свое названіе. Это были существа красивыя, какъ ангелы, ловкія и испорченныя, какъ демоны.

(2) Говорятъ, что въ лотереѣ Пане-коханку было не безъ фокусовъ. По какому то маханизму, родовитый шляхтичъ рѣдко получалъ непріятный выигрышъ, особенно батоги; такой билетъ вынимался развѣ тому пану, противъ которою имѣлъ что либо на сердцѣ Пане-коханку; равно и пріятные билеты большею частію доставались его фаворитамъ.

прокричитъ: 10, 20 (и до 1000) червонцевъ, выигравшій подходитъ къ столу кассира, получаетъ дукаты и кланяется Панекоханку. Кто выигралъ фольварокъ, домъ, село, тотъ получаетъ тутъ же составленный прежде документъ на владѣніе своимъ призомъ: въ документѣ оставленъ только, для приписки имени и фамиліи новаго владѣльца имѣнія, пробѣлъ, который тутъ же и пополняется. Послѣ всякаго выигрыша, Пане-коханку, а за нимъ и нѣкоторые другіе магнаты, кричатъ, съ различной интонаціей, смотря потому будетъ ли выигрышъ положительный или отрицательный: *winszuję* (поздравляю), а при болѣе крупныхъ выигришахъ, пьютъ тость за здоровое выигравшаго: Пане коханку радъ былъ придраться ко всякому случаю-выпить.

Лоттерея оканчивалась поздо-вечеромъ. Низшаго разряда очастливцы и несчастливцы выходили изъ дому, а магнатство оставалось пировать у черезъ-чуръ ужъ хлѣбосольнаго хозяина. Кто послѣ ужина не свалился со стула, могъ еще владѣть ногами и руками, тѣхъ Пане-коханку уводилъ въ темную комнату, нарочно устроенную для попоекъ. Эта комната была безъ мебели, только у порога стоялъ простой, большой дубовый столъ, для установки на немъ разныхъ посудинъ съ разными питьями и для перелитія ихъ оттуда въ бездонные панскіе желудки. Полъ, на цѣлый аршинъ, былъ устланъ ароматнымъ сѣномъ, закрытымъ пушистымъ ковромъ; по окраинамъ комнаты валялись кожаныя подушки. Все было приспособлено къ тому, чтобъ пьяный панъ не могъ ушибиться и удобно проспатъ спьяна до 12 часовъ—на завтра.

Въ 7 верстахъ отъ Слуцка было мѣстечко (теперь небольшое село) Ивань и въ немъ мужескій православный монастырь. Православные предки Пане-коханку, путемъ брачныхъ узъ присоединившіе къ своимъ огромнымъ имѣніямъ слуцкое удѣльное княженіе Оленьковичей,—были учредителями, покровителями этого монастыря и надали ему богатые фундуши. Совратившіеся въ папизмъ потомки этихъ благочестивыхъ Радзивилловъ понемногу общипывали угодія иваньскаго монастыря; Пане-коханку привелъ ихъ почти къ нулю. Скоро послѣ его смерти монастырь уничтоженъ, горсть братіи разбрелась

по сосѣднимъ монастырямъ (¹). Тягаться монастырю за свои угодія съ Радзивиллами, значило не только терять напрасно время и деньги, но и накликать на свою голову тяжкія и неминуемыя бѣдствія. Если въ настоящее время какой нибудь Бр.., могъ оттягать у нищаго Бог...—монастыря сотни десятинъ земли, съ разными оброчными и доходными статьями; если, при послѣднемъ отобраніи имѣній у монастырей, вліяніемъ польскаго чиновничества, Сл... православной монастырь, знаменитый древностью и стойкостію въ православіи, ощипанъ какъ курица; то что могъ сдѣлать крошечный монастырь, заброшенный судьбою, словно песчинка, въ океанъ папизма, съ всемогущимъ Пане-коханку?! Современный этому деспоту-самодуру настоятель иваньскаго монастыря не хотѣлъ понять этихъ практическихъ истинъ, жаловался на Пане-коханку королю, на сеймахъ и сеймикахъ, въ судахъ гродскихъ и трибунальныхъ, и нетолько потерялъ послѣднее; но и поминутно рисковалъ жизнію. Пане-коханку не боялся *короля*, тѣмъ болѣе какого нибудь игумена. Ему не страшенъ былъ иваньскій антагонистъ, но его бѣсило то, что этотъ антагонистъ смѣлъ жаловаться, когда его грабили, что какой нибудь *krolik* вступался за схизматика и позволялъ себѣ писать въ пользу его декреты и даже *совѣтовалъ* ему-ясне освецоному князю Радзивиллу-перемѣнить свои отношенія къ иваньской обители. Хватитъ бывало Пане-коханку черезъ-край разнаго питомаго, раздосадуетъ его кто либо или что либо, получитъ онъ декретъ короля, или рѣшеніе сейма на счетъ иваньскаго монастыря, не на комъ разразиться грозѣ его бѣшенства,—и онъ крикнетъ: »закладывать лошадей! ѣду вѣшать бородача иваньскаго схизматика.» Лошади поданы; свирѣпый панъ ѣдетъ вѣшать иваньскаго настоятеля. Проѣхали версты четыре, кучеръ поворотилъ на лѣво, остановилъ лошадей и, обратившись къ Радзивиллу, съ удивленіемъ спрашиваетъ: «что тутъ дѣлать, ясне-освецоны ксіоже? Это просто чудо,—предъ нами рѣка.» Выглянетъ ксіонже изъ кареты, видитъ довольно широкую рѣку разразится громомъ проклятій на «бородача — схизматика» и приказываетъ поворачивать назадъ. Такъ, говорятъ, раза три избѣгалъ опасности настоятель иваньскаго монастыря. А ми-

(1) Слуцкому, грозовскому идругимъ.

ситуація эта объясняется очень просто: проселочная дорога изъ Слуцка въ Ивань идетъ полемъ прямо. Проѣхавъ версты три, открывается совершенно такая же дорога, такою же мѣстностью, въ Сторобинъ. Эту послѣднюю дорогу пересѣкаетъ рѣчонка Локнѣя, разлившаяся на мѣстѣ переправы саженей на 20, и переѣзжаемая обыкновенно вбродъ, воды въ ней неболѣе $^3/_4$ аршина. Слуцкій кучеръ Пане-коханку былъ православный. Онъ ходилъ иногда на богомолье въ Ивань и заходилъ къ настоятелю, съ которымъ былъ почти на дружеской ногѣ. Само собой-ему не хотѣлось видѣть своего друга повѣшеннымъ; онъ возметъ нѣсколько лѣвѣй, привезетъ пана къ Локнѣи, розыграетъ удачно роль изумленнаго; панъ, быть можетъ, не ѣздилъ этою дорогой, или не замѣчалъ прежде съпьяна этой рѣчонки и приказывалъ поворачивать назадъ.

Жилъ-былъ въ Слуцкѣ славный цирюльникъ—Мошко. Брѣетъ онъ-бывало-словно бархатомъ гладитъ по подбородку. Услыхалъ объ этомъ Пане-коханку, велѣлъ позвать Мошку, обрился, понравилось ему бритье Мошки, и онъ велѣлъ, ему приходить чрезъ день, для примѣненія своего искуства къ ясне-освецоному подбородку. Мошко былъ тоже острякъ въ своемъ родѣ и непрочь отъ маленькой фацеціи. Все-тогда болѣло фацеціей—отъ Мошка до Радзивилла. Пока обрѣетъ Пане-коханку Мошко, онъ переболтаетъ о всѣхъ городскихъ сплетняхъ, пересыпая свою болтовню каламбурами, остротами, лестью и прибаутками: не даромъ вѣдь онъ приготовляется къ своей ролѣ двое сутокъ! Пане-коханку такъ привыкаетъ къ Мошкѣ, что готовъ бриться по два раза въ день, что ждетъ съ нетерпѣніемъ дитяти прихода Мошки. Мошко брѣетъ Пане-коханку въ его кабинетѣ; первый заслужилъ такую довѣренность послѣдняго, что во время бритья Пане-коханку перестали присутствовать ассистенты; да Мошко и говорилъ иногда кое что такое, что не допускаетъ третьей пары ушей. Вотъ брѣетъ однажды Мошко Пане-коханку, возится возлѣ его горловаго яблока, держитъ крѣпко въ лѣвой рукѣ бороду, останавливается на нѣсколько секундъ, и спрашиваетъ: „чей Слуцкъ?« а держитъ въ лѣвой рукѣ бороду крѣпко; а въ правой бритву наготовѣ? Пане-коханку, подумавъ двѣ-три секунды, отвѣчаетъ: твой. Мошко добываетъ изъ кармана приготовленный дома

документъ и проситъ Пане-коханку подписать. Въ уже последняго созрѣла фацеція, онъ подписываетъ. Мошко прячетъ бумагу въ карманъ, цѣлуетъ полу Пане-коханку, низко ему кланяется и свободно выходитъ изъ кабинета. Уже Мошко взошелъ на подъемный мостъ, онъ не слышитъ подъ собою досокъ отъ восторга, фацеція розыграна такъ удачно; какъ вдругъ летитъ контръ—фацеція,—раздался выстрѣлъ, пуля, вылетѣвшая изъ любимаго карабина Пане-коханку, прошила Мошку навылетъ, на подъемный мостъ рухнулъ трупъ обладателя Слуцка. Пане-коханку хлопнулъ въ ладоши, вбѣжалъ камердинеръ. «Тамъ на мосту лежитъ трупъ Мошки», сказалъ онъ; „выпь изъ его кармана всѣ бумаги и принеси ко мнѣ, а самаго брось въ ровъ на пищу такимъ же, какъ онъ, собакамъ. Принесены бумаги; пуля Пане-коханку задѣла порядкомъ дарственную; онъ перечеркнулъ ее густымъ слоемъ черпилъ и спряталъ въ свое бюро на память. Пересолилъ немножко бѣдный Мошко! Составь онъ запись на домъ, даже фольварокъ, фацеція, быть можетъ, и удалась бы, но цѣлый Слуцкъ,-это ужъ было—слишкомъ. Пересолилъ бѣдный Мошко!..

Въ Слуцкѣ, какъ извѣстно, выдѣлывались когда то великолѣпные золотые и серебряные тканые и литые поясы, которые расходись на всю Рѣчь-посполитую. Животъ родовитаго шляхтича, поверхъ кунтуша, непремѣнно стягивалъ поясъ слуцкій. Производители этихъ поясовъ наживали значительное состояніе. Особенно славился одинъ фабрикантъ поясовъ и вмѣстѣ съ славою, нажилъ и большія деньги. У этого обывателя Слуцка былъ одинъ сынъ,-баловень фортуны и родителей, которые ничего не щадили для любимаго дѣтища. Стась (Станиславъ) былъ красавецъ, волокита, умница и щеголь первой мѣщанской руки. Мотовство и фацеціи, въ среднемъ слоѣ общества, папа Стася доходили окольными путями до Пане-коханку; послѣдній даже желалъ, какъ нибудь случайно, поглядѣть на перваго. Пане-коханку былъ такъ счастливъ, что ему стоило только захотѣть чего либо, чтобы желаемое само шло къ нему въ руки. Паничъ-Стась тоже сильно желалъ сдѣлаться извѣстнымъ Пане-коханку,-и вотъ фортуна услужила имъ обоимъ, какъ будто случайнымъ образомъ. Стась терся между дворнею Радзивилла и какъ то узналъ однажды, что

Радзивилъ, со всѣмъ дворомъ, отправляется пѣшкомъ на *шпацер* (прогулку) въ Божентарню, прекрасную рощу возлѣ предмѣстья Тройчанъ. Одѣтый самымъ дорогимъ и изысканнымъ образомъ, Стась сторожилъ шествіе Пане-коханку и лишь только завидѣлъ его *orszak* (свита и общество-вмѣстѣ), пошелъ дорогою, которою долженъ былъ идти Пане-коханку. Чтобы сократить разстояніе между собою и Радзивилломъ, Стась началъ сокращать свои шаги и чрезъ нѣсколько минутъ очутился на такомъ разстояніи, что могъ явственно слышать разговоръ общества Пане-коханку.—Одинъ изъ его свиты, знавшій и узнавшій Стася, проговорилъ: „а вотъ и первый щеголь слуцкій Стась отправляется на *шпацеръ* въ Божентарню! Дай-посмотрю, что это за птица, думаетъ про себя Пане-коханку. Весеннее солнце свѣтило ярко. Всякой разъ, какъ только откинетъ ногу Стась, глаза людей, шедшихъ близко позади его, поражаемы были какимъ-то блескомъ. Замѣтивъ, что этотъ блескъ выходитъ изъ—подъ ногъ Стася,—присматриваются и, наконецъ, замѣчаютъ и то, что у Стася подъ сапогами-ни больше ни меньше—какъ огромныя, массивныя, золотыя подковки. Доносятъ объ этомъ открытіи Пане-коханку. Онъ знатокъ на золотѣ, онъ убѣждается собственными глазами, что сапоги Стася точно подбиты золотыми подковками. Это изумило и вмѣстѣ взорвало капризнаго магната.

— Стой, пане-коханку, закричалъ Радзивилъ Стасю.

Стась остановился и, нисколько не сконфузясь, склонился обществу и спокойно спросилъ:

— Что прикажетъ ясне-освецоны ксіонже?

— Я приказываю, пане-коханку, чтобы ты сбросилъ сапоги.

— А я нахожу отвѣтилъ Стась, съ достоинствомъ, это приказаніе не совсѣмъ удобнымъ къ выполненію предъ этимъ обществомъ; Стась указалъ на дамъ. Если мы останемся нѣсколько позади, я исполню, продолжалъ онъ, желаніе князя, не смотря на маленькую его странность. Пане-коханку сдѣлалъ гримасу; разночинецъ давалъ ему урокъ приличія; но возразить было не чего, упорствовать не приходилось, онъ отсталъ съ Стасемъ отъ своей компаніи; Стась сбросилъ сапоги, и Пане-коханку еще болѣе, чѣмъ золотыми подковками Стася, былъ пораженъ неукоризненной бѣлизны и изумительной тонины и плотности шелковыми, французскими чулками на его крошечныхъ ногахъ. „*Brawissimo*! пане-коханку“, сказалъ онъ Стасю.

Пойдемъ-то вмѣстѣ; я приглашаю пана въ свою компанію, а завтра утромъ пусть панъ пожалуетъ ко мнѣ. Обозъ съ кухней и буфетомъ-Пане-коханку еще съ утра отправился въ Боженртарню. Тамъ, на окраинѣ прекрасной, среди рощи, долины (*) разбиты и частію устроены изъ вѣтвей древесныхъ, палатки разной величины, для различнаго назначенія. Пане коханку отправлялъ свою *маіовку* (майское гулянье) чуть не до утра. Стась умѣлъ примѣниться къ новому для него обществу; онъ былъ такъ натураленъ безъ угловатости, такъ граціозенъ безъ манерности, такъ вѣжливъ безъ лести и заискиванья, такъ находчивъ безъ усилій и утрировки, что очаровалъ всѣхъ вообще, а Пане-коханку всобенности: князь Радзивиллъ и его дворъ возвратились домой въ экипажахъ. Пане-коханку пригласилъ Стася ѣхать въ одномъ съ нимъ экипажѣ и при разлукѣ сказалъ: „пусть не забудетъ панъ моего приглашенія."

Часовъ въ одинадцать доложили Радзивиллу, что панъ Стась явился въ палацъ, по его приказанію. „Пусть войдетъ," сказалъ Радзивиллъ; чрезъ минуту Стась былъ въ его кабинетѣ. *Jak się masz* (какъ вы поживаете) пане-коханку? спросилъ онъ; я очень радъ, что вижу у себя пана и еще болѣе радъ, что знакомство наше устроилось безъ фацеціи, которую я—было задумалъ, и которая была бы для пана не совсѣмъ пріятна. Прошу пана Стася садиться, прибавилъ онъ; Стась, нисколько не ломаясь, сѣлъ. Теперь продолжалъ хозяинъ, когда все кончилось благополучно, я могу открыть пану планъ задуманной мого фацеціи. Лишь только я убѣдился, что у пана подъ сапогами подковки изъ чистаго, червоннаго золота, я подумалъ: если у этого пана внутри сапоговъ такое же богатство, какъ снаружи, я ему дамъ сто дукатовъ, если же въ сапогахъ его окажутся портянки, или грязные нитяные чулки, я прикажу дать ему сто батоговъ-за то, чтобъ онъ не шарлатанилъ, не желалъ только казаться, а не быть. У пана внутренность сапоговъ оказалась достойною ихъ наружности, и панъ получитъ отъ моего кассира сто дукатовъ,-по обѣщанію, а другихъ сто за то, что панъ мнѣ понравился.

—Ясне освецоны ксіонже не такъ суровъ, чтобъ исполнилъ послѣднюю часть своего проэкта, а я не такъ бѣденъ, что-

---

(*) Въ этой рощѣ, во времена язычества славянъ, стояло капище какого то идола а послѣ введенія христіанства, построенъ былъ монастырь, отъ чего и самая роща получила названіе Боженртарни.

бы воспользоватся первою. Сами согласитесь, ваше сіятельство, что человѣка, у котораго сто дукатовъ подъ сапогами, а въ сапогахъ ліонскіе чулки, ваша великодушная и незаслуженная мною премія не сдѣлаетъ счастливѣе: я награжденъ сверхъ моихъ ожиданій тѣмъ уже однимъ, что имѣлъ счастіе заслужить нѣкоторое вниманіе вашего сіятельства.

— Но эти деньги уже не мои, а панскіе; пусть панъ ихъ беретъ и дѣлаетъ съ ними, что угодно-настаивалъ Пане-коханку.

— Чтобы князь со мною ни дѣлалъ, я рѣшительно не возму его денегъ; это послѣднее мое слово,-отвѣтилъ серьозно Стась.

— Панъ упрямъ, сказалъ сердито Радзивиллъ. Ну такъ и быть! Сойдемся на срединѣ: двѣстѣ дукатовъ-не мои, а пане-коханку ихъ не беретъ; такъ вотъ что мы сдѣлаемъ: пусть панъ прикажетъ сдѣлать для меня поясъ въ 200 дукатовъ: онъ будетъ напоминать мнѣ Стася съ золотыми подковками, и мы будетъ почти въ расчетѣ.

— Такое вниманіе дороже для меня миліона дукатовъ, сказалъ Стась и граціозно поклонился Радзивиллу.

— Заказъ мой я передамъ съ нарочнымъ панскому отцу, а пана прошу бывать у меня запросто, сказалъ Пане-коханку Стасю и кивнулъ ему слегка на прощаньи головой,—что означало у него великую *ласку* (снисхожденіе).

Но панъ Стась обладалъ такимъ тактомъ, что не навязывался своими визитами князю Радзивиллу когда попало: онъ зналъ, что короткость, какъ и равенство, между ними не мыслимы, что частое посѣщеніе породилобы къ нему въ гордомъ и капризномъ вельможѣ равнодушіе и наконецъ опатію; онъ являлся только къ князю съ привѣтомъ по какому либо торжественному случаю, или по требованію, и такъ залѣзъ въ душу Пане-коханку, что онъ выхлопоталъ ему шляхетство, женилъ на прекрасной дочери одного изъ сосѣднихъ обывателей и записалъ ему, въ родѣ подвѣнечнаго подарка, порядочное село возлѣ Копыля.

Живя фацеціями и для фацецій, Пане-коханку долженъ былъ и умереть отъ фацеціи и для фацеціи. Не думалъ, конечно, Радзивиллъ, что описываемая ниже фацеція будетъ для него послѣднею, но она сдѣлалась такою, помимо его желанія и пречудвствія.

Известно, что изъ всѣхъ пановъ польскихъ вообще и Радзивилловъ вчастности, любившихъ напиваться допьяна, Пане-коханку отличался этою страстью попреимуществу. Самая популярная изъ его фацецій была—напоить гостей до невозможности подняться со стула, повернуть языкомъ-и восторгаться ихъ пассивнымъ положеніемъ. Кого не могъ уложить Пане-коханку подъ столъ во время стола, того доводилъ онъ до безчувствія въ своей *темной* комнатѣ. Пусть, впрочемъ, не подумаетъ кто либо, что хозяинъ лукавилъ,-пилъ меньше гостей; не таковъ былъ Пане-коханку, что бы въ какомъ угодно конкурсѣ уступилъ первенство кому бы — то ни было: своимъ кубкомъ и стаканомъ онъ подавалъ примѣръ прочимъ, а прочіе для сбереженія своего гонору, должны были подражать хозяину—тѣмъ болѣе, что, въ противномъ случаѣ, ихъ поднимали на смѣхъ, обзывали бабами, дѣтьми, а то и окачивали невыпитымъ или недопитымъ напиткомъ. (¹) Оставаясь одинъ на ногахъ послѣ всякой попойки, Пане-коханку впалъ въ самомнѣніе и возмечталъ, что перепить его никто не можетъ. Чтобъ убѣдиться въ этомъ окончательно, онъ разослалъ приглашеніе на единоборство бутылками по всей Бѣлоруси, Литвѣ и Украинѣ. Голіаѳъ недолго искалъ и не далеко нашелъ своего Давида. Бернардинъ копыльскаго монастыря (тоже въ имѣніи Радзивилловъ), поднялъ перчатку, брошенную Пане-коханкомъ. Въ одинъ прескверный осенній вечеръ, когда на душѣ у Пане-коханку было также пасмурно, какъ и въ воздухѣ, ему докладываютъ, что бернардинъ изъ Копыля хочетъ ему представиться. Пане-коханку радъ былъ случаю покоротать съ кѣмъ нибудь скучный вечеръ и велѣлъ просить гостя. Входитъ приземистый, шарообразный, лысый ксендзъ. Послѣ обычнаго привѣтствія, хозяинъ спросилъ бернардина:

— А что добраго скажетъ ксендзъ?

— Ясне-освецоны ксіонже приглашалъ охотника помѣраться съ нимъ стаканами. Нижайшій слуга Божій и панскій о-

(¹) Для поощренія къ охотнѣйшему осушенію посудинъ съ напитками, составленъ и куплетъ, пѣтый всѣми кутилами— хоромъ тому пану (поочередно). который опрекивалъ верхъ дномъ посудину надъ своею разинутою пастью; вотъ этотъ куплетъ:

Wypil, wypil, nic nie zostawil,
Bodaj (пусть) jego, bodaj jego Pan-Bóg blogoslawil-na wieki.
A kto nie wypije, tego we dwa kije.
Cupu-lupu, lupu cupu (звукоподражательныя), tego we dwa kije.

смѣливается принять этотъ вызовъ, отвѣтилъ ксендзъ и низко поклонился.

— *Bardzo dobrze*, сказалъ Пане-коханку, захлопалъ въ ладоши и, чтобы начать, какъ говорятъ, прямо набѣло, велѣлъ приготовить все нужное для единоборства въ темной комнатѣ. Пришедши туда, бойцы увидѣли на столѣ большой графинъ и длинную батарею бутылокъ: въ первомъ была столѣтняя водка, въ послѣднихъ продѣдовское венгерское. Закуска состояла изъ пары голландскихъ сельдей и чернаго хлѣба. Прежде чѣмъ началась битва, ксендзъ выговорилъ для себя позволеніе-утирать платкомъ потъ, который можетъ выступить во время единоборства на лицѣ его и лысинѣ. Пане-коханку, не предвидя въ этомъ условіи какого нибудь шанса побѣды въ пользу своего противника, охотно согласился на предложеніе ксендза-и даже прибавилъ съ усмѣшкой:

— Ксендзъ хорошо сдѣлалъ, если запасся *тузиномъ* (дюжиной) платковъ: пане-коханку вступаешь въ бой съ такимъ силачемъ, которому нѣтъ равнаго во всей Рѣчи-посполитой и который заставитъ ксендза потѣть порядкомъ.

Началась небывалая въ мірѣ дуель. Единоборцы выпили по стакану *старки*, закусили селедкой; побесѣдовали о разныхъ—разностяхъ и разсчитались съ графиномъ и селедками окончательно. Пошла въ ходъ артилерія бутылокъ. Хозяинъ поставилъ предъ гостемъ и собою по кубку, въ которыхъ помѣщалось ровно по бутылкѣ, и изъ которыхъ и каплей не былъ одинъ больше другаго. Едино-борцы осушили по одному кубку-по другому; лице и лысина гостя покрылись крупнымъ потомъ, хозяинъ покраснѣлъ нѣсколько, бернардинъ отеръ потъ и очутился въ такомъ же состояніи, въ какомъ находился до знакомства со старкой. Бой длился далеко за полночь, батарея оставалась почти безъ зарядовъ; ксендзъ то—и дѣло отираетъ крупный потъ на лицѣ и лысинѣ и съ новыми силами устремляется на противника, а Пане-коханку, красный какъ ракъ по смерти, облокотился на руку и какъ будто задумался Ксендзъ осушилъ свой кубокъ, предъ хозяиномъ стоитъ онъ непочатымъ. Ксендзъ думалъ, что его хозяинъ вздремнулъ, не посмѣлъ его безпокоить, погасилъ свѣчу, заперъ комнату и отдалъ ключъ камердинеру,—прибавивъ, что ксіонже *Karol* изволитъ почивать.

На-завтра ожидаютъ пробужденія Пане-коханку, сторо-

жать подъ дверями, думая, что вотъ-вотъ сейчасъ онъ захлопаетъ въ ладоши и крикнетъ: эй! кто тамъ? Но ксіонже не кричитъ, не хлопаетъ въ ладоши. Было уже за полдень; вѣжливый ксендзъ уѣхалъ въ свой кляшторъ, чтобы не видѣть стыда, а быть можетъ и гнѣва побѣжденнаго соперника; Пане-коханку все еще не просыпается.—Наконецъ отворили дверь, начали звать пана, онъ не просыпается, подошли ближе, камердинеръ тронулъ пана за руку и отскочилъ съ ужасомъ: рука была холодна какъ ледъ; посинѣвшій Радзивиллъ сидѣлъ въ тотъ же положеніи, въ какомъ оставилъ его ксендзъ,—предъ нимъ стоялъ непочатый кубокъ; Пане-коханку плохо розыгралъ послѣднюю фацецію, съ нимъ, должно быть, случился ударъ. Быстро разнеслась вѣсть по замку, въ городѣ, околицѣ о рокономъ событіи. За ксендзомъ, котораго спасло отъ пораженія во время дуели исключительное устройство черепа, никто и не думалъ дѣлать погоню; причина смерти Пане-коханку была такъ очевидна!

Много выкинулъ Пане-коханку и другихъ фацецій, много ихъ выкинули и разные другіе паны, но довольно съ насъ и тѣхъ, которыя бѣгло схвачены выше, чтобы невольно повторить стихъ: „преданіе свѣжо, а вѣрится съ трудомъ!" Да, теперь трудно повѣрить дѣйствительности этихъ самодурствъ животнаго произвала, траты на затѣйливый, хоть и непотребный, курьозъ огромной массы денегъ; между тѣмъ эти самодурства, это буйство, эти пьяныя оргіи составляли любимую дѣятельность старопольскаго магнатства, въ нихъ отражается обычный строй жизни Рѣчи—посполитой и характеръ ея исторіи. Еслибы огромные мильоны, потраченные панствомъ и дома и заграніцей на разныя безпутства, были употреблены на дѣла честныя и полезныя, исторія Польши явилась бы совсѣмъ въ иномъ видѣ: на эти мильоны можно былобы поднять науку, искуства, ремесла, торговлю, можно было бы провести хотъ кое какіе пути сообщенія, избавить отъ безпримѣрнаго рабства, пролетаріата и идіотства несчастнѣйшій изъ народовъ. Но панству ни дочего этого не было никакой нужды; оно требовало всего отъ Рѣчи-посполитой и ничего ей недавало; всякій магнатъ жилъ себѣ особнякомъ, царькомъ, сочинялъ фацеціи, кутилъ на—пропалую, по мѣрѣ своихъ средствъ и силъ

губилъ свою *отчизну* и въ тоже время страшно сердился на какихъ то другихъ за то, что она гибнетъ.

Быть можетъ во всѣхъ этихъ фацеціяхъ была гомеопатическая доля поэзіи,—но поэзіи дикой, если можно такъ выразиться, животной,—поэзіи разрушенія, лишенной духа, жизни, эстетики, гармоніи, ума,—слѣдовательно, лишенной того, что составляетъ существо поэзіи, что возвышаетъ, облагороживаетъ человѣка, гражданина, христіанина, что крѣпитъ и живитъ общество. Между тѣмъ, нельзя не видѣть, не сознавать того грустнаго факта, что большинство іеремілдъ современной намъ шляхты польской объ утраченной самобытности былаго ихъ отечества, относится къ сѣтованію объ эпохѣ фацецій, къ невозможности повторенія давнихъ самоправствъ, буйствъ и безурядицъ, къ невозможности давить хлопа, выжимать изъ его потоваго и неустаннаго труда огромныя богатства и прокучивать ихъ, подъ диктовку необузданной и досужей фантазіи, на подвиги животнаго произвола, на пресыщенія грубѣйшей половины существа человѣческаго, на курьозныя проявленія мелочнаго эгоизма, тщеславія. Это шляхетство, занесшись въ міръ мечтаній, и незамѣтило того, что мыльный пузырь, за полетомъ котораго оно слѣдило съ увлеченіемъ дитяти, радужные цвѣты котораго доводили его до восторга—самозабвенія,—давнымъ—давно лопнулъ, оставивъ на страницахъ польской исторіи нѣсколько лишь пятенъ, отъ упавщихъ на нее капель вонючей жидкости. Это праздное шляхетство не хочетъ вдуматься въ мысль, понять идею современнаго трудолюбиваго, практичнаго человѣчества, грезитъ несбыточными миражами давно отжившей свой вѣкъ средневѣковой Рѣчи посполитой, борется съ ходомъ всеміpной исторіи, опредѣленіемъ судебъ и не замѣчаетъ, какъ все вокругъ него, вмѣстѣ съ Словомъ Божіимъ, твердитъ: „*праздный хлѣба да неястъ,—древняя мимо идоша.*“

И . . . . ъ

Замѣчаніе о м. Гайпѣ, какъ православномъ приходѣ.

„Въ 40 верстахъ отъ Минска, минуя м. Городокъ, неправильно называемый *Грудокъ*, по глухой проселочной дорогѣ, вы

въѣжаете въ м. Гайну, борисовского уѣзда. Лишь только выѣдете изъ лѣса, въ ваши глаза бросается каменное зданіе, въ немъ легко вы узнаете римскій костелъ, выдвинутый, по обыкновенію, на самое видное, возвышенное мѣсто и поражающій васъ своею высотою и величественнымъ фронтономъ. Но напрасно, завидѣвъ костелъ, будете искать глазами правосл. церкви. Подъѣхавъ только къ самому мѣстечку, — на взгорье вы увидите бѣдное, деревянное зданіе, привершенное страннаго устройства куполомъ, украшеннымъ деревяннымъ крестомъ. Захотите ли увидѣть колокольню? желаніе ваше будетъ напрасно, — вы ее замѣтите тогда только, когда приблизитесь къ самому храму. Видъ колокольни поразитъ васъ еще болѣе, нежели видъ церкви: это-два столба съ перекладиною на верху, на которой утверждены самого малого размѣра колокола, слишкомъ невнятно призывающіе православныхъ къ молитвѣ. Заколоколятъ разомъ въ прав. церкви и костелѣ, и вамъ неволно припомнится прошедшее, — вы почувствуете болѣзненный стонъ, угнетавшагося здѣсь православія, въ свое время заглумленнаго силою и ухищреніями пановъ и папизма. Прошедшее Гайны— посмотримъ.

Прошедшее, какъ забытый, и съ трудомъ приводимый на память, сонъ слишкомъ смутно припоминается здѣсь православными. Нѣтъ ни одного предмета завѣщаннаго стариной ни одной иконы, ни одного памятника, кромѣ памятниковъ письменности, недоступныхъ неграмотному поселянину, которые бы воспоминами ему прошедшее. Все умѣла истребить злость, и хитрость папской пропаганды и панской деспотіи. Поговорите съ крестьяниномъ о прошедшемъ, спросите его, какъ давно стоятъ въ Гайнѣ прав. церковь, римской костелъ — онъ вамъ отвѣтитъ: и Богъ его знаетъ; введите его въ дальнѣйшій разговоръ, онъ вамъ скажетъ: »тутъ была впередъ церковь уніатская«, а костелъ вы его спросите? »Костелъ этотъ позднѣе, говорятъ, построенъ, а тамъ на томъ мѣстѣ была *шкапа* (шкафъ). Наименованіе это объясняется тѣмъ, что первоначально на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь костелъ, построена была четвероугольная деревянная постройка (надгробный памятникъ) надъ какимъ то раненымъ и умершимъ здѣсь польскимъ войномъ. Этотъ случай далъ поводъ пріютиться здѣсь римскому патеру, а пропагандизмъ, распространяясь далѣе и захватывая на около себя все православное, успѣлъ скоро выстроить каменный

костелъ, гордо возвышавшийся и возвышающійся надъ убогою прав. церковію. »Была у насъ и братчина,« скажутъ вамъ старожилы, »да вывелся обычай.« Только смутная память отъ этого вѣковаго православія и прав. обычаевъ сохранилась въ народѣ. Но обратимся къ памятникамъ письменности, и мы увидимъ, что приходъ Гайна, какъ и всѣ бѣлорусскіе пребенды, былъ издревле православнымъ, что фундушъ на землю гаинской церкви надѣленъ очень давно и, между прочимъ, часть земли — Шумлянскимъ, архіепископомъ смоленскимъ, что священники гаинскіе искони были православные.

Первый священникъ православный, какъ это видно изъ актовъ въ Гайнѣ былъ Димитрій. Объ утвержденіи его въ Гайнѣ и предоставленіи ему права пользоваться цер. землею ходатайствовалъ у короля Сигизмунда — Августа (въ 1542 г.) князь Иванъ Соломерецкій. Доселѣ сохранилось за печатью письмо этого правосл. князя. Послѣ сего до 1604 года тоже былъ въ Гайнѣ преемственный рядъ православныхъ священниковъ; предъ 1604 годомъ приходъ гаинскій былъ нѣсколько лѣтъ безъ священника. Въ церковномъ архивѣ есть прошеніе гаинскихъ прихожанъ, которымъ они просятъ кіевскаго митрополита рукоположить для нихъ во священника Михаила Сидоровича, человѣка имъ извѣстнаго, родственника прежнихъ гаинскихъ священниковъ. (1) Въ прошеніи, между прочимъ, они излагаютъ, что за небытностію священника, они блуждаютъ, какъ овцы безъ пастыря, что имущество церковное и земля расхищены. На прошеніи приложено 20 гербовыхъ печатей окрестной шляхты — прихожанъ этой церкви, — бывшей тогда православною, но послѣ олатинившейся. Просьба гаинскихъ прихожанъ была удовлетворена; Сидоровичъ рукоположенъ во священника и прибылъ къ своей паствѣ. Сохранилъ ли Сидоровичъ православіе или нѣтъ, на это нѣтъ никакихъ данныхъ, но съ достовѣрностью можно предположить, что къ митрополиту онъ отправлялся православнымъ и держался вѣры православной также какъ и предшественникаи его извѣстные намъ Димитрій и упоминаемый въ актахъ Иванъ Данилевичъ. Какъ гаинскій священникъ Сидоровичъ обратилъ дѣятельность свою на отысканіе забранной церковной земли и церковного имущества, то по его ходатайству гаинскій староста Николай Сапѣга (1604 г.) пишетъ къ свое-

(1) Прошеніе это смотри въ 1 Отдѣлѣ 7 книжка.

му управляющему въ Гайнѣ Матвею Завишѣ возвратить забранныя церковныя вещи и земли. Въ 1605 г. король Сигизмундъ III. грамотого своего утверждаетъ за Сидоровичемъ церковныя угодія и имущество. Но, какъ письмо старосты, такъ привилегія короля остались безъ послѣдствій. Священникъ Сидоровичъ другой разъ обращался съ просьбою къ Сапѣгѣ о захватѣ церковнаго имущества, церковныхъ угодій и о запрещеніи устроивать *капушь* на свѣчу церковную въ 1606 году. По этому ходатайству староста, напоминая Завишѣ слово Божіе »воздавать кесарево кесареви, а Божіе Богови, приказываетъ ему возвратить все отнятое у гаинской церкви и не обижать священника.« Кажется, Завиша не обратилъ вниманія и на послѣднее приказаніе, вѣроятно не боялся онъ ни Бога ни кесаря. Скоро положеніе гаинской церкви измѣнилось еще къ худшему: она поступаетъ въ зависимость отъ минского базиліанского монастыря, который пользуется ея угодіями и отъ себя назначаетъ священниковъ. Это обстоятельство было причиною того, что гаинскіе прихожане не разъ оставались безъ священника и при введенной уніи, обращались въ дух. нуждахъ къ мѣстному римскому ксендзу, отъ чего многіе изъ нихъ совращались въ папизмъ. Казалось бы, что съ уніятами и при томъ базиліанцами лучше должны были обходиться гаинскіе старосты, но дѣло выходитъ на оборотъ. Въ 1737 настоятель монастыря жалуется на гаинского старосту Михаила Володковича, Цедровского и Свинека, сосѣднихъ пановъ, въ минскій судъ за захватъ земли и притѣсненія, дѣлаемыя назначенному имъ священнику. Особенно безцеремонно поступалъ самъ староста; вотъ, напр. образчикъ его старопольскаго самоправства. Выѣзжая въ Вильну староста приказалъ огородить заборомъ усадьбу священника и церкви, и поставить караулъ, чтобы нельзя было выйдти, и такимъ образомъ жителей усадьбы лишилъ воды, которая приносилась изъ близко текущей рѣчки. Томимые жаждою нѣсколько дней, видя гибнувшій безъ воды скотъ и сами близкіе къ гибели, священникъ и одинъ крестьянинъ старосты переодѣтые, чрезъ посѣвы и лѣса, насилу спаслись изъ заключенія въ собственныхъ домахъ. Въ подобномъ же почти смыслѣ повторена жалоба на Володковича настоятелемъ монастыря и въ 1733 году; но для безправія польского пана никакія жалобы не имѣли значенія. Церковь гаинская, ограбленная въ движимомъ имуществѣ еще чрезъ Завишу, годъ съ годомь теряла и свои угодія, за-

хватываемыя то гаинскимъ старостаго, то соседними панами, — такъ что изъ 12 уволокъ земли при ней осталось только пять. (1) Мало того, изъ документовъ видно, что и самой церкви въ Гайнѣ около 1790 года уже не было. Тогда было обширное поле для латинской пропаганды и обращенія униатовъ въ латинство, и ксендзъ пользовался этимъ случаемъ, — совратилъ въ папизмъ сперва шляхту б. прав. прихожанъ, а потомъ и многихъ крестьянъ.

Много думъ наводитъ прошедшее православной Гайны; многое хотѣлось бы еще уяснить изъ былаго ея! любопытно было бы прослѣдить исторію и гаинского костела заявившаго свои убѣжденія и намѣренія агитаціями и въ послѣднихъ польскихъ смутахъ; равно какъ и совращеніемъ сперва православныхъ, потомъ уніятовъ въ папизмъ. Послѣдняя его миссія была совращеніе въ 30-хъ годахъ одной изъ деревень гаинского прихода Заѣльнякъ, впослѣдствіи снова обратившейся въ православіе. Для удобнѣйшого совращенія устроена каплица въ Заѣльнякѣ, которая теперь стоитъ уже среди православныхъ.

Гаинскій священникъ Романъ Москалевичъ.

1865 г. генваря 26 дня.

Изъ минской губерніи. Въ новогрудскомъ у. въ селѣ Колпеницѣ 22 декабря, въ память усмиренія мятежа въ сѣверо-западномъ краѣ, совершена была божественная литургія стволовицкимъ благочиннымъ и кавалеромъ священникомъ Николаемъ Савичемъ соборно съ шестью священниками и двумя діаконами, а по литургіи отслуженъ былъ о здравіи г. начальника края М. Н. Муравьева молебенъ, на которомъ присутствовали: духовенство 19 церквей стволовицнаго благочинія, мировые посредники 2-го участка маіоръ Прибытковъ и 3-го Алмазовъ, становые пристава Еремичь и Рыхлицкій, всѣ старшины и сельскія власти изъ 16 оркестныхъ во-

(1) Замѣчательно, что и за эти 5 уволокъ, за вычетомъ изъ нихъ 33 д. древняго фундуша, благодѣтельная люстрація положила причту платить въ пользу казны 77 р. ср., считая каждую уволоку 22 р. 22 к. ср., тогда какъ для крестьянъ стоитъ уволока 14 р. 90. к. ср. и причтъ до сей поры не можетъ выйдти изъ подъ этого вычета.

лостей и множество крестьянъ. Предъ молебномъ луцкой церкви священникъ и депутатъ Іаннуарій Наркевичъ въ краткой, но ясной рѣчи изъяснилъ причину торжества. Послѣ литургіи и молебна духовенство и чиновники приглашены были отцемъ благочиннымъ на закуску, послѣ которой гостепріимный хозяинъ предложилъ за здравіе начальника края тостъ, сопровождаемый присутствующими громкимъ и радостнымъ ура!!...

С....

НѢЧТО ОБЪ УНИТСКОМЪ ДУХОВЕНСТВѢ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

Въ 1850 году ѣздилъ я въ Кіевъ для поклоненія святымъ угодникамъ кіево-печерскимъ. Преосвященный, блаженныя памяти, митрополитъ Филаретъ, къ которому явился я за благословеніемъ, спросивъ меня о мѣстѣ тогдашнемъ моего священнослуженія, и получивъ въ отвѣтъ, — что я служу ключаремъ при варшавскомъ каѳедральномъ соборѣ, между прочимъ, любопытствовалъ знать, — отчего уніаты Царства Польскаго не возсоединяются съ православною церковію, подобно какъ въ 1839 году соединились въ западныхъ губерніяхъ? На этотъ вопросъ архипастыря я отвѣчалъ, что этому главная причина — въ духѣ польскаго римско-католическаго фанатизма, употребляющаго всѣ усилія если не совратить уніатовъ совершенно въ латинство, то по крайней мѣрѣ удержать ихъ въ уніатствѣ. Слѣдующая замѣтка можетъ служить доказательствомъ этого. Въ продолжетіи 17-ти лѣтняго моего священнослуженія въ варшавской епархіи, имѣлъ я знакомство съ унитскимъ протоіереемъ Іоанномъ Поцѣемъ, бывшимъ прежде ассесоромъ, по грекоунитскимъ дѣламъ, въ правительственной коммисіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, а потомъ ректоромъ унитской хелмской семинаріи. Этотъ духовный сановникъ, одаренный отъ природы здравымъ смысломъ, и по образованію сперва въ духовной греко-унитской семинаріи, а послѣ въ университетѣ, пріобрѣвшій достаточный запасъ ученыхъ познаній, особенно богословскихъ, посвящалъ часы досуга отъ служебныхъ занятій литературѣ, преимущественно духовной. Онъ издалъ на польскомъ языкѣ книгу: *O dziesięcinach na Rusi* (о десятинѣ въ Россіи), перевелъ царскія и патріаршія грамоты — объ учреж-

деніи святѣйшаго сунода, и написалъ обширное сочиненіе подъ заглавіемъ: *Jezus Zbawiciel*, или *о первоначальномъ христіанствѣ.* Послѣдняя книга его излагаетъ обрядность православной церкви съ апостольскихъ временъ до позднѣйшихъ вѣковъ.

Протоіерей Іоаннъ Поцѣй, какъ священнослужитель унитской церкви безъ фанатизма, былъ извѣстенъ нашимъ архипастырямъ—приснопамятнымъ архіепископамъ сперва Антонію, потомъ Никанору и наконецъ высокопреосвященнѣйшему Арсенію, нынѣшнему кіевскому митрополиту. Отъ перваго онъ получилъ въ даръ даже нѣкоторыя книги, чтеніе коихъ могло расположить его къ возсоединенію съ православіемъ, какъ то: *Правду вселенской церкви, Пространный катихизисъ преосвящ. Филарета, книгу о возникшей въ Польшѣ Уніи* и другія. Онъ читалъ дѣйствительно и перечитывалъ эти книги, — и едва ли это не послужило для него поводомъ къ написанію послѣдняго сочиненія «*О первоначальномъ христіанствѣ*». Казалось, все содѣйствовало къ возсоединенію и забужскихъ уніатовъ съ православною церковію. Протоіерей Поцѣй, какъ ректоръ семинаріи, стоящій въ главѣ унитскаго духовенства, не только не имѣлъ убѣжденія въ истинѣ предметовъ, навязанныхъ Римомъ унитской церкви, но и самое ученіе о главенствѣ папы считалъ пустымъ вымысломъ, а не догматомъ. Кромѣ того онъ открыто говорилъ, что до замостьскаго собора унитская церковь соблюдала и вѣроученіе и обрядность восточной церкви цѣло и невредимо: но съ того времени, какъ, вслѣдствіе сего собора, по распоряженію митрополита Аѳанасія Шептицкаго, перепорчены церковно-служебныя книги для унитовъ, унитская церковь много измѣнилась. Для показанія протоіерей Поцѣй и написалъ упомянутую книгу о первоначальномъ христіанствѣ. Трудъ его оцѣнило само правительство. По распоряженію коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, подъ главнымъ директорствомъ генералъ-лейтенанта Ивана Михайловича Викинскаго, это сочиненіе разослано по всѣмъ унитскимъ церквамъ Царства Польскаго и ко всѣмъ священникамъ хелмской епархіи. Но что было слѣдствіемъ всего этого? — О выходѣ въ свѣтъ сказанной книги скоро узналъ Римъ. Съ Ватикина посыпались громы проклятія на автора. Сочиненіе его запрещено, а самъ онъ подвергся папою отлученію отъ церкви и величайшему гоненію отъ

латинянъ и отъ своихъ же уніатовъ. Для тѣхъ и другихъ особенно не нравились въ сочиненіи мѣста, въ которыхъ слова евангелія объ апостолѣ Петрѣ авторъ объяснилъ въ смыслѣ понимания вселенскою церковію. Не менѣе показалось для нихъ противнымъ сказаніе о обрядности церкви вселенской. Поцѣя стали считать отступникомъ, орудіемъ русской пропаганды, истребителемъ уніи забужскаго края. Въ самомъ Хелмѣ — мѣстѣ пребыванія его, по званію ректора семинаріи, къ дверямъ комнаты его остряками—духовными воспитанниками прибита слѣдующая эпиграмма: «*Mieliśmy dwóch Pociejów—Hypacysza i Jana,—pierwszego od Jezusa, a drugiego od szatana.*» Нѣсколько разъ бросали ему въ окно листки заграничныхъ газетъ, въ которыхъ напечатано было отлученіе его папою отъ церкви. Между тѣмъ агенты фанатиковъ дѣйствоаали столь успѣшно, что книга Поцѣя была истребляема повсемѣстно, и въ настоящее время едва ли можно отыскать ее; — а сынъ его, обучавшійся въ гимназіи, по проискамъ враговъ его, взятъ въ рекруты.

Гоненія р. католиковъ на протоіерея Поцѣя продолжались до самой его смерти. Услышавъ о своемъ отлученіи, онъ заболѣлъ и случайно узналъ, что капитула, вслѣдствіе папскаго повелѣнія, опредѣлила не погребать его по христіански, какъ отлученнаго отъ церкви. Это сильно безпокоило его и ускорило его кончину. Изъ Хелма онъ выѣхалъ грубешевскаго уѣзда въ село Черніевъ къ своему зятю—унитскому священнику. Здѣсь онъ и скончался въ іюнѣ мѣсяцѣ 1858 года. Усердіемъ и любовію родныхъ погребенъ честно, — но капитула, получивъ объ этомъ свѣдѣніе, запретила служить по немъ панихиды. По близкому со мною знакомству, протоіерей Поцѣй, по временамъ посѣщая мой домъ, иногда со слезами разсказывалъ о преслѣдованіяхъ его со стороны латинянъ и самыхъ уніатовъ. «Что же вы медлите возсоединиться съ православною нашею церковію?» спросилъ я однажды о. Поцѣя. »Для чего вы держитесь той стороны, которую сами сознаете неправою»? «Боюсь большей бѣды, обыкновенно отвѣчалъ онъ: у меня много родныхъ въ Царствѣ Польскомъ. И ихъ и меня поляки задавятъ, въ случаѣ какого либо возмущенія въ краѣ,» присовокуплялъ онъ, какъ бы предвидя и предсказывая тѣ смуты, которыми въ послѣднее время наполнили Польшу сумазбродные инсургенты. «Но неужели для васъ и для вашего семейства и род-

нихъ лучше оставаться внѣ православной церкви, которую вы примѣтно считаете истинною, уважаете и любите? Скажите мнѣ откровенно, снова спросилъ я его, какую пользу получили ваши священники отъ уніи съ мнимою главою церкви? Улучшилось ли состояніе вашего духовенства отъ этого соединенія»?—На эти вопросы онъ вздохнувши сказалъ: «никогда уніатская церковь въ Польшѣ не была счастлива. Никакой пользы она не получила отъ своей уніи. Она всегда была унижаема и презираема польскимъ правительствомъ. Она не менѣе терпѣла въ здѣшнемъ краѣ, какъ и православіе со времени брестскаго собора. Ваши страданія, по крайней мѣрѣ, не оставались безгласными—и исторія и гражданскіе акты передаютъ о нихъ. Но мы—уніаты—терпѣли,—и принуждены были молчать. Если вамъ желательно выслушать, присовокупилъ онъ однажды, я разскажу подробно о судьбѣ несчастной нашей уніи,»—и послѣ того, сталъ мысли свои доказывать фактами, ссылками на письменные документы и приводимыми отрывками изъ книги *Ruthenische Frage*, только что вышедшей тогда на нѣмецкомъ языкѣ.

Уже болѣе десяти лѣтъ прошло, какъ протоіерей Поцѣй сообщилъ мнѣ эти свѣдѣнія о судьбѣ унитскаго духовенства. Припоминая разсказъ его, и имѣя подъ рукою помянутую книгу:« *Ruthenische Frage*», вотъ что считаю нужнымъ сказать по этому предмету:

Улучшила ли унія состояніе самаго унитскаго духовенства? — Нѣтъ. Ни епископы, ни священники, оставивъ православіе и преклонившись къ папѣ, ничего не выиграли. Унія не защитила ихъ отъ преслѣдованій польскаго латинскаго изувѣрнаго духовенства, которымъ они подвергались будучи еще православными. Она не освободила ихъ отъ поносительнаго названія схизматиковъ. Римскіе фанатики продолжали считать ихъ такими наравнѣ съ православными. Въ сказанной книгѣ, на стр. 49, говорится: «Union mit der Römischen Kirche hat die eingewurzelten Vorurtheile gegen die Russine als schismatiker nicht beseitiget». Ихъ, какъ и епископовъ оставшихся православными, по прежнему не допускали засѣдать въ сенатѣ, и не позволяли имъ давать голосъ на сеймахъ. Чрезъ унію они даже приведены въ гораздо большее униженіе, нежели въ какомъ прежде были. На нихъ, послѣ соединенія съ Римомъ, стали смотрѣть, какъ на подвластныхъ арціепископамъ латинскимъ,

и считать ихъ только епископами суфраганами сихъ послѣднихъ. Самый титулъ: *Vestra Eminentia — ваше преосвященство,* (?) *Illustrissimus — преосвященнѣйшій,* (?) отъ нихъ отнять, и дозволено титуловать ихъ только словомъ: *Vestra Reverentia — ваше превелебіе.* (?) Древнія, принадлежавшія каѳедрамъ ихъ имѣнія, постепенно, подъ разными предлогами, отбирали и ими надѣляли каѳедры епископовъ латинскихъ. На сеймахъ вмѣнено имъ въ обязанность, чтобы они не смѣли равняться въ привилегіяхъ съ епископами латинскими, носить, кромѣ богослуженія, крестъ на золотой цѣпи и надѣвать другую одежду, кромѣ той, которая прилична монахамъ—базиліанамъ. (См. Zbiór wiadomości histor. i aktów o dziesięcinach kościelnych na Rusi). Права ихъ до того стѣсняли, что владѣльцы, подстрекаемые іезуитами, запрещали приходскимъ унитскимъ священникамъ имѣть съ ними, какъ съ своими пастырями, всякое общеніе, стараясь чрезъ это сихъ послѣднихъ (приходскихъ священниковъ) сдѣлать безгласными и держать ихъ только въ своей подчиненности и рабствѣ. Вотъ голосъ двухъ унитскихъ епископовъ, изъ которыхъ одинъ—митрополитъ Веляминъ Рутскій жалуется самому папѣ, а другой—хелмскій епископъ Іаковъ Суша предъ польскимъ правительствомъ изображаетъ тогдашнія бѣдствія унитской церкви: «*Expoliati omnibus ornamentis,* говоритъ Рутскій, *caepimus advertere, omni humano auxilio nos destituti, unde oculti e somno expergefacti, sentimus, unde excidimus et praeteritum statum cum praesenti conditione comparando recordatione ipsa affligimur*» (см. Chodkiewicz dissertationes historico-criticae Leopoli 1770), «*Conqueruntur episcopi uniti,* говоритъ Суша, *coram Deo, coram s. s. Domino et s. Romano Ecclesia, conqueruntur inquam admirabundi, passim spargi in nostra patria, non-nullos dominos spirituales latinos procurare apud s. sedem, ut nos uniti episcopi tollamur, bona nostra episcopatibus latinis incorporentur; maneant religiosi et presbyteri seculares, sed subsint eorum jurisdictioni; imo non-nullorum vox est (ut auscultamur), ut penitus tollamur ex eo, quod nihil in promotione unionis laboremus.* (См. Congregat. de propaganda fide 1864)».

Если же такъ поступали съ унитскими епископами, то чего могли надѣяться подвластные имъ священники? — Трудно описать то презрѣніе, какому подвергла ихъ унія. Самое названіе *sacerdos ruthenus* (такъ прежде называли въ Польшѣ

православныхъ священниковъ) стали измѣнять въ названіе *sacerdos rusticus*,—и это потому, что въ составъ ихъ приходовъ, за поступленіемъ высшихъ сословій изъ православія въ латинство, вошли одинъ низшій классъ народа—мужики *rustici*. Для сей самой причины самую унитскую вѣру начали называть мужицкою вѣрою — *chłopska wiara*. Дабы не дать никому изъ нихъ отличительнаго значенія въ іерархическомъ порядкѣ, на варшавскомъ сеймѣ издана была инструкція, которою строго воспрещалось, чтобы никто изъ высшихъ унитскихъ священно-служителей, имѣющихъ другихъ подъ своимъ начальствомъ, не смѣлъ называться *officiałem* (протоіеремъ), или *dziekanem* (благочиннымъ), или другимъ какимъ почтительнымъ именемъ: для нихъ — унитскихъ священниковъ — довольно, говорили, *popowstwa simpliciter, aby majores titulos nie uzurpowali* (см. Zbiór wiadomości historycznych na Rusi stron. 65). Дабы не дать имъ средствъ къ безбѣдному существованію, и заставить ихъ пріобрѣтать для себя и своего семейства насущный хлѣбъ грубыми, неприличными званію ихъ работами, отнимали у нихъ такъ называемую десятину, предназначенную для нихъ еще благочестіемъ равноапостольнаго князя Владиміра, и отдавали ее въ пользу священниковъ латинскихъ (см. Zbiór wiadomości histor. stron. 45, 50).

Въ отношеніи къ владѣльцамъ унитскіе священники были самыми жалкими жертвами своеволія и наглости. Подчинивъ ихъ всѣмъ обязанностямъ состоянія податнаго, эти изувѣры требовали отъ нихъ наравнѣ съ крестьянами отработыванія барщины, употребляли ихъ въ разныя посылки, заставляли ночью сторожить свой дворъ и житницы, дѣтей ихъ брали къ себѣ въ лакеи, изъ сыновъ одному только — болѣе способному дозволяли приготовляться къ священному сану, а прочихъ всѣхъ или держали въ подданствѣ и рабствѣ, или отдавали въ рекруты (Ruthenische Frage, стр. 51).

Присовокупимъ еще и то, что находясь въ такомъ бѣдственномъ состояніи, унитское духовенство, и по своей несостоятельности, и по интригамъ іезуитовъ, не имѣло никакой возможности образовывать и пріуготовлять дѣтей въ достойныхъ служителей алтаря. Поэтому въ унитскіе священники поступали совершенные невѣжи, ничѣмъ не отличавшіеся отъ простаго народа. Воспитаніе унитскаго духовнаго юношества встрѣчало со стороны латинскаго духовенства сильнѣйшее со-

противленіе. Іезуиты были повсемѣстными исключительными въ Польшѣ наставниками. Сначала они вовсе не допускали, чтобы существовали отдѣльныя унитскія училища. Въ 1694 г. въ Львовѣ «ученики латинской школы напали на русскую школу, били бѣдныхъ студентовъ, а книги ихъ забрали и изорвали». (Kronika Żubryckiego str. 448). Впослѣдствіи хотя въ базиліанскихъ монастыряхъ и заведены училища, — но, по интригамъ тѣхъ же іезуитовъ, они сами большею частію были и наставниками въ нихъ. Оттого богословское ученіе преподавалось въ духѣ римской церкви: заставляли юношей—унитовъ забыть ученіе церкви восточной, охлаждали въ нихъ уваженіе къ древнимъ священнымъ ея обрядамъ, и мало по малу пріучали ихъ къ обрядамъ римскимъ. Не удивительно послѣ того, что униженное, ограбленное и постепенно болѣе угнетаемое унитское духовенство, видя благоденствующимъ и торжествующимъ духовенство латинское, стало приближаться къ нему и принимать въ ученіе и обряды нѣкоторые предметы отъ церкви римской. Оно думало этимъ ослабить свои узы и порабощеніемъ своимъ, въ духовномъ отношеніи, купить для себя нѣкоторое значеніе и свободу въ мірѣ политическомъ. Несчастная купля! Церковь унитская ею сама себѣ измѣнила, сама себя обезобразила—приняла много такого, что не согласно ни съ духомъ восточной церкви, ни съ условіями первоначальнаго, на основаніи брестскаго собора, подчиненія Риму, ни съ данными обѣщаніями и обязательствами самаго папы—сохранить для унитовъ цѣлымъ и неизмѣннымъ залогъ древней ихъ вѣры и обрядовой внѣшности. Ученіе о исхожденіи святаго Духа съ прибавленіемъ Filioque, принятое на замостьскомъ соборѣ, въ 120 лѣтъ послѣ собора брестскаго, введеніе литургіи, совершаемой безгласно (mszy cichéj), отступленіе отъ формы, какъ при священнодѣйствіи литургіи въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ пунктахъ (касательно освященія даровъ, вливанія теплоты въ чашу и употребленія губы), такъ и при совершеніи таинствъ крещенія, исповѣди и браковѣнчанія,—примѣненіе къ латинизму въ строеніи храмовъ, упраздненіе царскихъ вратъ и иконостаса, устроеніе боковыхъ престоловъ въ одномъ и томъ же храмѣ (ołtarzyków), измѣненіе священническихъ облаченій и священныхъ сосудовъ, самое охлажденіе къ строгому соблюденію постовъ,—вотъ что было плодомъ вышепомянутой купли, а ничуть не возвышеніе унитскаго духовенства: судьба унитскаго

духовенства долго оставалась одна и таже. Кровавыя событія на Волыни и Подоли въ 1789 году были направлены къ совершенному истребленію уніатовъ. Историческія записки уніатскаго архипресвитера Өеодосія Бродовича, изданныя въ Львовѣ въ 1861 году, представляютъ страшную картину этихъ событій.

Знаютъ ли все это коснѣющіе доселѣ въ своемъ унитствѣ священники хелмской епархіи, составляющей еще болѣе двухсотъ приходовъ въ Царствѣ Польскомъ? Чувствуютъ ли они свое рабство и униженіе предъ латинскимъ духовенствомъ и предъ фанатическою польскою шляхтою, всегда ненавидящею исповѣданіе восточной церкви? Ужели они такъ уже привыкли къ своему гнету, что если бы теперь новый Мойсей захотѣлъ вывести ихъ, своимъ чудодѣйственнымъ жезломъ, изъ этаго египетскаго рабства въ благодатную землю православія,—они могли бы сказать ему: *остави насъ, да работаемъ египтяномъ*,—всегдашнимъ нашимъ врагамъ—полякамъ? (Исх. XIV, 12).

Архимандритъ Амвросій

23 Іюля, 1864 г.
м. Почаевъ.

Преданіе каневское и дѣйствительная исторія.

Въ N. 15-мъ Кіевлянина, за 1865 годъ, помѣщено слѣдующее извѣстіе: »Жители города Канева заявили желаніе, въ память возвращенія нашего края къ великой Россіи, устроить часовню на томъ мѣстѣ въ своемъ городѣ, гдѣ, по указанію старожиловъ, во время свиданія короля польскаго съ императрицею Екатериною II-ю, былъ разбитъ шатеръ для русскихъ и польскихъ дипломатовъ, рѣшавшихъ судьбу края. Мѣсто это находится вблизи Преображенской церкви, на юговостокъ отъ нея, и составляетъ одинъ изъ отроговъ горы на которой расположенъ городъ. У мѣстныхъ жителей гора эта называется *московскою* еще съ прошлаго столѣтія.

»Преданіе говоритъ, что на горѣ Московкѣ, въ память возвращенія нашего края къ великой России, какъ древне-русскаго достоянія, былъ поставленъ св. крестъ, напоминавшій, что край этотъ православный, русскій. Крестъ этотъ, съ теченіемъ времени, разрушился, и преданіе о немъ начало изглаживаться въ нынѣшнемъ поколеніи. Желая возобновить въ памяти, въ настоящее время, великое событіе это, близкое сердцу каждаго

русскаго, жители Канева решились общими силами устроить на том же самом месте часовню, как памятник, сколько нибудь соответствующий величию события. С этою целию они собрали добровольныя взаимныя пожертвования и ходатайствуют теперь о назначении им небольшаго вспоможения от казны и о разрешении приступить к делу.«

На это заявление жителей г. Канева считаем необходимым сообщить следующее: История говорит, что последнее возсоединение югозападнаго края России с русской империей последовало в 1793 году, а императрица Екатерина II-я имела свидание с польским королем Станиславом Понятовским в 1787 году, но при том не в самом Каневе, а против Канева, на реке Днепре на галере, на которой она плыла из Киева в Крым. Свидание это продолжалось три часа, хотя польский король ожидал в Каневе русскую царицу 1½ месяца. О разделе Польши или присоединении югозападнаго края к России тогда не могло быть и речи; а были переговоры русских дипломатов с польскими о заключении торговаго союза с Польшею и переговоры эти ведены были в м. Фастове и только окончены в Каневе, но не в это время и не на пустой горе. Одна из каневских гор могла получить название московской (1) от стоянки на ней московских войск в 17-м столетии, при отнятии Канева Брюховецким от Дорошенки, а во время свидания короля Станислава с Екатериной второй, на этой горе, как ближайшей к Днепру и притом отвесной к нему, могла быть раскинута палатка для польской знати, любопытствовавшей видеть роскошную флотилию императорскую, но не имевшей доступа на самыя галеры.

Желанию однакож каневцев возобновить в памяти народа великое дело окончательнаго возсоединения этого края с Россией мы весьма сочувствуем и признаем его достойным всякой похвалы; но советуем сделать память эту в местности напоминающей более православную Русь делом и более существенным, например, возобновить иконостас каневской соборной Успенской церкви, сооруженной великим князем киевским Всеволодом в 12-м веке, так недавно (в 1835 году) освобожденной из рук р. католицизма, и при сей же церкви устроить братство с целию содействовать ум-

(1) Гора Московка находится вне города.

ноженію русскаго просвѣщенія въ каневскомъ уѣздѣ, пригласивъ къ участію въ немъ всѣхъ православныхъ помѣщиковъ каневскаго уѣзда, православныхъ священниковъ и русскихъ чиновниковъ. Это будетъ долговѣчный, живой памятникъ и онъ болѣе будетъ напоминать каневцамъ объ общемъ православномъ отечествѣ, чѣмъ часовня въ пустой, ненаселенной мѣстности, хотя бы она была построена и при пособіи казны, какъ о томъ ходатайствуютъ теперь жители города Канева. Вспомнимъ, — что и Богданъ Хмѣльницкій, въ память возсоединенія Кіева съ Россіей, только *поставилъ двуглавый орелъ на крестѣ* главнаго купола *въ кіево-Михайловскомъ монастырѣ* и нынѣ красующійся въ виду кіевлянъ, а занялся исправленіемъ церквей и преимущественно возстановленіемъ кіево-Богоявленскаго братства; церквамъ и монастырямъ отдавалъ »лядскія маетности и млины«, а Богоявленскому училищному братству далъ доминиканскія имѣнія, дозволивъ особою грамотою на праздники сытить медъ и продавать его въ пользу коллегіи.

Въ дополненіе къ нашей замѣткѣ считаемъ не лишнимъ для читателей сообщить слѣдующее свѣдѣніе о пребываніи императрицы Екатерины 2-й подъ Каневомъ, помѣщенное въ Бубновской сотнѣ М. А. Максимовича. »Утромъ 25-го апрѣля; завидѣли съ каневскихъ горъ царственную флотилію на Днѣпрѣ. Она состояла изъ двадцати-двухмачтовыхъ галеръ, за которыми тянулось еще множество провожавшихъ шлюбокъ, дубовъ и челновъ. На пяти передовыхъ галерахъ, называвшихся »*Самара*«, »*Кубань*« и т. д., помѣщалось дорожнее хозяйство царицы. Шестая галера »*Сожъ*«, была для гофмаршала князя Барятинскаго и другихъ придворныхъ особъ. Седьмая галера, одна изъ самыхъ большихъ, называвшаяся »*Десною*«, служила столовою залою. Осьмая галера »*Сновъ*«, была для графа Безбородка и другихъ сановниковъ. На девятой, самой блистательной, подъ краснымъ павильономъ галерѣ, называвшейся »*Днѣпромъ*«, находилась императрица. На десятой галерѣ »*Бугъ*, находился князь Потемкинъ, съ графинями Браницкою и Скавронскою и ихъ мужьями. На одинадцатой галерѣ »*Ингулъ*«, помѣщались Левъ Нарышкинъ, графъ Шуваловъ и другіе русскіе вельможи. На двѣнадцатой галерѣ »*Сеймъ*«, были иностранные послы и министры, въ томъ числѣ и принцъ де-Линь съ двумя сыновьями. На тринадцатой галерѣ, называвшейся »*Орелъ*«, находился графъ Чернышевъ съ дочерью.

На четырнадцатой галерѣ »*Остеръ*« плыли камергеры Валуевъ и Салтыковъ съ камеръ-юнкерами; на пятнадцатой »*Трубезъ*»— Кохъ и разные медики, съ аптекаремъ Гревсомъ; на шестнадцатой »*Либедь*« — камеръ-пажи и т. д. Въ 10-мъ часу когда передовая половина флотиліи, тянувшейся по Днѣпру версты на три, поровнялась съ Каневомъ, всѣ галеры стали на якорь, по обычному пушечному сигналу съ галеры царицыной. Тогда въ Каневѣ привѣствовали ихъ 101 выстрѣломъ изъ пушекъ, съ высокой горы, прозванной *Московкою*, съ галеръ же отвѣчали 9-ью выстрѣлами. На этой горѣ, нѣкогда называвшейся *Греческимъ-Городомъ*, бѣлѣлась огромная колонна (устроенная изъ досокъ архитекторомъ Кубицкимъ), въ видѣ четырехсторонной пирамиды, украшенной съ каждой стороны крупнымъ вензелемъ Екатерины II-й, а на верху императорскою короною и надписью изъ Виргилія: «Imperium oceano, famamque terminat astris.» Каневскія горы и удолья полны были народомъ, который, вмѣстѣ съ послѣднимъ королемъ своимъ, любовался невиданною на Днѣпрѣ флотиліей, пестрѣвшею великолѣпнымъ убранствомъ и звенѣвшею войсковою музыкою. Немедленно отплыла отъ ней къ каневскому берегу лодка съ принцами де-Линемъ и Нассаускимъ, для привѣтствія Станислава-Августа. По тогдашнему обычаю, онъ хотѣлъ явиться къ императрицѣ въ качествѣ *князя Понятовскаго;* но Екатерина предувѣдомила его, что онъ будетъ принятъ какъ король и другъ ея. И вскорѣ прибыли за нимъ двѣ раззолоченныя шлюбки, съ графомъ Безбородкомъ и княземъ Барятинскимъ, которыхъ встрѣтилъ и проводилъ къ королю коронный маршалекъ Мнишекъ. Переговоры о дѣлахъ государственныхъ, начатые еще Потемкинымъ въ Хвастовѣ, гдѣ онъ съѣхался съ королемъ 9-го марта, докончены 17-го марта въ Каневѣ, пріѣзжавшими сюда русскимъ посланникомъ графомъ Штакельбергомъ и графомъ Безбородкомъ (*). Нынѣшній день Екатерина хотѣла посвятить беззаботному, дружелюбному веселью.

---

*) Переговоры шли тогда о неприкосновенности православнаго русскаго народа подъ короною польскою и о торговыхъ отношеніяхъ Польши

Въ пышныхъ рыдванахъ спустились къ Днѣпру король и всѣ званные на обѣдъ къ царицѣ. На первую шлюбку принялъ короля сынъ русскаго адмирала, съ двѣнадцатью матросами, украшенными чесменскими медалями. Тамъ помѣстился король съ графинею Мнишковою, съ Безбородкомъ и Барятинскимъ съ тремя польскими министрами: Мнишкомъ, Понятовскимъ и Браницкимъ, съ англійскимъ министромъ Витвортомъ и двумя помянутыми принцами. На другой шлюбкѣ усѣлись: смоленскій бискупъ, коадьюторъ Нарушевичъ, Плятеръ, Шидловскій, Дзѣдушинскій, Деболи, Комаржевскій, Моравскій, мальтійскій повѣренный Мезоневръ и королевскіе адъютанты: Бышевскій и Киркоръ. Цѣлый часъ плыли они; ибо надо било спуститься сперва внизъ по Днѣпру и потомъ плыть противъ воды. Музыкою и пальбою съ галеръ привѣтствованы были гости. Короля, одѣтаго въ мундиръ конной коронной гвардіи, встрѣтилъ на императорской галерѣ фельдмаршалъ Потемкинъ, тоже въ военномъ мундирѣ и шарфѣ. Послѣ краткой бытности въ кабинетѣ, Станиславъ-Августъ вышелъ опять въ пріемную залу, полную блестящимъ собраніемъ, въ челѣ котораго былъ тотъ же Потемкинъ. Черезъ нѣсколько минутъ вышла Екатерина: на ней было одѣяніе славянскаго кроя, въ родѣ кунтуша, изъ шелковой затканной золотомъ матеріи лиловаго цвѣта, съ золотымъ шитьемъ вокругъ, съ длинными, закинутыми назадъ рукавами; голова убрана была искусно нѣсколькими булавками и эгреткою, съ бриллiантами необыкновенно крупными; на груди блестѣла бриллiантовая Андресевская звѣда, надъ звѣздами Георгіевскою и Владимірскою. Чрезъ полчаса привѣтствій и разговоровъ, царица подала руку королю; за ними Потемкинъ, и госпожи Мнишкова, Браницкая и Скавронская, сошли на императорскую шлюбку, осѣненную краснобархатнымъ, съ золотымъ шитьемъ, балдахиномъ. Въ другихъ шлюбкахъ, слѣдовали за ними прочіе гости на галеру „*Десну*,“

къ новороссійскому-краю. При отъѣздѣ въ Кіевъ, на другой день, король подарилъ графу Безбородку свой портретъ, богато украшенный бриллiантами.

въ столовую залу. За столомъ, королю, сидѣвшему возлѣ царицы съ правой руки, прислуживалъ камергеръ Валуевъ. По возвращеніи отъ обѣда, Станиславъ-Августъ немедленно отправился на галеру «*Бугъ*», съ визитомъ къ Потемкину, гдѣ вскорѣ генералъ-маіоръ Мамоновъ вручилъ ему пакетъ отъ императрицы съ брилліантовою звѣздою св. Георгія; говорили всѣ, что это была звѣзда, которую носила сама Императрица; новый георгіевскій кавалеръ принялъ поздравленіе въ пріемной залѣ потемкинской, наполненной знаменитыми гостями, и тамъ оставался до шести часовъ.

Между-тѣмъ, на царицыну галеру приплылъ съ новорожденнымъ сыномъ своимъ графъ Тарновскій, старостичъ сулеевскій, котораго домъ во все это время гостепріимно служилъ всѣмъ, проѣзжавшимъ изъ Кіева въ Каневъ и обратно. Императрица милостиво приняла желаніе Тарновскаго довершить обрядъ крещенія надъ его сыномъ. Бискупъ Нарушевичъ, съ двумя кіевскими прелатами: Палуцкммъ и Островскимъ, дожидался уже въ пріемной залѣ. По прибытіи туда короля, вышла и Екатерина, и крестила съ нимъ младенца, названнаго Владиславомъ *Станиславомъ-Павломъ*.

Такъ какъ Императрица намѣрена была рано утромъ пуститься въ дальнѣйшій путь, то король, около осьми часовъ вечера, вошелъ съ Потемкинымъ въ ея кабинетъ и откланялся. Пригласивъ къ себѣ на ужинъ русскихъ вельможъ и иноземныхъ министровъ, онъ отплылъ въ Каневъ прежнимъ порядкомъ, въ сопровожденіи Безбородка и Барятинскаго. Музыкою и пальбою провожали его отъ галеръ. Весь Каневъ между-тѣмъ засвѣтился иллюминаціею. Великолѣпный видъ представляла свѣтозарная колонна на горѣ Московкѣ, сверкая своими яркими вензелями Екатерины II-й. А когда званые гости собрались къ королю, началась пальба изъ пушекъ и зазженъ былъ на тойже горѣ богатый фейерверкъ, представлявщій изверженіе вулкана. Тысячи ракетъ снопами летѣли въ темную вышину и съ сосѣдней горы; а другой подобный-же призракъ вулкана уходилъ въ глубину днѣпровскую. (Кіев. Еп. Вѣд.).

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Циркуляръ г. подольскаго губернатора волостнымъ правленіямъ.

Бывши, въ маѣ мѣсяцѣ настоящаго года, на ревизіи присутственныхъ мѣстъ и волостныхъ правленій крестьянъ собственниковъ ввѣренной мнѣ губерніи, я осмотрѣлъ также находящіяся при обревизованныхъ мною волостяхъ народныя и сельскія школы, а именно: въ г. Хмѣльникѣ (народная школа); летичевскаго уѣзда: въ м. Даражнѣ (народная школа), въ с. Волосскія Корычинцы и м. Снитовкѣ сельскія школы; могилевскаго уѣзда: въ селеніяхъ Сказинцахъ, Воеводчинцахъ, Сербахъ, Кукавкѣ, Жеребиловкѣ и м. Ярышевѣ (народная школа); ямпольскаго уѣзда, въ сс. Березовкѣ, Политанкахъ и м. Джуринѣ; брацлавскаго уѣзда: въ сс. Верховкѣ, Стратіевкѣ, Кирнасовкѣ; ольгопольскаго уѣзда: въ м. Чечельникѣ (народная школа), сс. Демовкѣ, Любомиркѣ, Ободовкѣ (двѣ сельскія школы); балтскаго уѣзда: сс. Переймѣ и Саражинкѣ; ушицкаго уѣзда: въ м. Кривчикѣ, с. Рахновкѣ Михаловкѣ, Кучкѣ, Мурованыхъ Куриловцахъ.

Всѣ поименованныя школы я нашелъ въ весьма удовлетворительномъ состояніи; при осмотрѣ оныхъ особенное вниманіе мое обращено было на твердое знаніе молитвъ; и въ этомъ отношеніи нельзя не поблагодарить приходскихъ священниковъ за ихъ добросовѣстное наблюденіе надъ школами, а учителей за усердіе и ревностное исполненіе своихъ обязанностей,— не было ни одного случая, чтобы ученикъ или ученица не знали спрошенной у нихъ молитвы. Чтеніе русскихъ и славянскихъ книгъ удовлетворительно; недостатокъ учебниковъ и прописей много препятствуетъ къ болѣе успѣшному обученію какъ гражданской печати, такъ и чистописанію. Дѣти большею частію учатся по славянскимъ азбукамъ и многіе кромѣ Псалтыря не имѣютъ ни какой другой книги.

Нельзя не пожалѣть, что въ школахъ очень замѣтна малочисленность учащихся дѣвочекъ; на это я обратилъ особенное вниманіе приходскихъ священниковъ и крестьянъ-родителей, убѣждая ихъ, чтобы по возможности болѣе посылали дѣвочекъ въ школы учиться, такъ какъ обученіе ихъ есть лучшее и вѣрнѣйшее средство къ скорѣйшему распространенію грамотности и объясняя,

что грамотная мать всѣхъ своихъ дѣтей научитъ молитвамъ и чтенію. Желанія же учиться я замѣтилъ у дѣтей весьма много; въ доказательство этого приведу слѣдующіе довольно замѣчательные факты. Могилевскаго уѣзда Ярышевской школы ученики: Семенъ Дмитрукъ и Яковъ Гончаръ въ одинъ годъ выучились читать сами и научили своихъ отцевъ; по дорогѣ изъ Ярышева въ с. Кукавку я встрѣтилъ въ полѣ крестьянскаго мальчика Ивана Бойко, пасущаго овецъ, съ азбукою въ рукахъ; въ Ярышевской школѣ дѣти не проэкзаменованныя мною расплакались и я, чтобы утѣшить ихъ, возвратился и каждаго по очереди спросилъ молитву или заставилъ что нибудь прочитать; не смотря на то, что съ мая мѣсяца на все время полевыхъ работъ ученіе прекращается, дѣти добровольно явились къ пріѣзду моему въ школу въ большомъ числѣ.

Изъ этихъ отрадныхъ явленій вытекаетъ заключеніе, что при усиленіи матеріальныхъ средствъ школъ, успѣхи народнаго образованія подольской губерніи были бы весьма значительны,— но къ сожалѣнію въ настоящее время многія школы такъ скудны средствами, что не въ состояніи платить учителямъ жалованье,- да и часто самое помѣщеніе школы очень тѣсно и неудобно для ученія. На эти обстоятельства я обратилъ вниманіе крестьянскихъ обществъ и предложилъ имъ изыскать средства къ улучшенію школъ, убѣждая ихъ, какъ въ необходимости распространенія русской грамотности, такъ и въ огромной ея для обществъ пользѣ. Убѣжденія мои не остались безъ успѣха; пять волостей тутъ же представили мнѣ общественные приговоры, въ которыхъ опредѣлили изъ денегъ, получаемыхъ ими изъ отданныхъ въ арендное содержаніе общественныхъ шинковъ, пожертвовать на устройство школъ, жалованье учителей и покупку книгъ слѣдующія суммы: ольгопольскаго уѣзда демовской волости с. Демовки учителю жалованье 80 р. и на покупку учебниковъ 40 р., всего 120 р.; любомирецкой волости с. Любомирки на содержаніе школы 80 р. и на покупку книгъ 40 р., всего 120 р.; мѣстечка Чечельника 200 р., на постройку дома для народнаго училища; ободовской волости старо и новоободовское общество на содержаніе обѣихъ школъ 200 р.; Брацлавскаго уѣзда Кирнасовской волости с. Кирнасовки на содержаніе школы 80 р. и на покупку книгъ 40 р., всего 120 р.

Въ каждой осмотрѣнной мною школѣ лучшіе ученики и учизаницы прилежаніе и успѣхи награждены книгами и похвальны-

ми листами, выданными за подписомъ его преосвященства епископа подольскаго и брацлавскаго Леонтія, моимъ и директора училищъ подольской губерніи Коленко.

Желательно, чтобы во всѣхъ школахъ крестьянъ собственниковъ были заведены, по примѣру народныхъ школъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, визитаціонныя книги, съ тою цѣлію, чтобы каждый просвѣщенный посѣтитель могъ вписать въ нихъ свое мнѣніе, какъ объ успѣхахъ учениковъ, такъ и о состояніи школы.

Въ нѣкоторыхъ школахъ я замѣтилъ отсутствіе портрета виновника настоящаго благосостоянія крестьянъ собственниковъ, Отца—Освободителя, ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, а потому надѣюсь, что священники и учителя озаботятся, что портретъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА будетъ непремѣннымъ украшеніемъ каждой школы.

Настоящій циркуляръ предписываю прочесть во всѣхъ волостяхъ и школахъ ввѣренной мнѣ губерніи, а имена учениковъ и ученицъ, награжденныхъ его преосвященствомъ епископомъ Леонтіемъ и мною похвальными листами и книгами, выставить въ школахъ на видномъ мѣстѣ. (*Под. Г. В.*)

Циркулярное предложеніе г. волынскаго губернатора, данное гг. уѣзднымъ исправникамъ волынской губерніи, отъ 29 апрѣля 1865 г.

Въ волынской губерніи, при раскопкѣ старыхъ зданій, пещеръ, кургановъ и даже обыкновенныхъ мѣстностей, нерѣдко находятъ монеты, оружіе, медали, скелеты и т. п. Въ 13 № Современной Лѣтописи, издаваемой редакціею московскихъ вѣдомостей, въ статьѣ Н. К-ва, помѣщено, что при раскопкѣ находящагося въ Луцкѣ стараго замка найдены гробъ православнаго епископа и остатки истлѣвшаго епископскаго посоха. Такіе памятники старины, по историческому значенію Волыни, ея минувшимъ и настоящимъ обстоятельствамъ, имѣютъ особенную цѣну и могутъ быть полезны для разъясненія разныхъ сторонъ минувшей политической, религіозной или общественной жизни жителей этого края.

Не смотря, однако, на очевидное значеніе древностей и существующія въ отношеніи ихъ распоряженія правительства, мѣстныя полицейскія начальства совершенно не обращаютъ на

этотъ предметъ должнаго вниманія, и свѣдѣнія о сдѣланныхъ открытіяхъ получаются или случайно или изъ газетныхъ статей.

Въ отстраненіе этого на будущее время, прошу гг. уѣздныхъ исправниковъ и полиціймейстеровъ о всякомъ найденномъ предметѣ, имѣющемъ почему либо особенное значеніе, доводить до моего свѣденія безотлагательно, съ возможною точностію и полнотою, и, независимо отъ сего, доставить теперь же обстоятельныя свѣденія о всѣхъ найденныхъ въ прежнее время памятникахъ старины, заслуживающихъ вниманія.

Поздравительныя телеграммы и письма начальниковъ учебныхъ дирекцій виленскаго учебнаго округа къ графу М. Н. Муравьеву.

По случаю всемилостивѣйшаго пожалованія г. бывшаго главнаго начальника края, генерала отъ инфантеріи Муравьева въ графское достоинство, начальники учебныхъ дирекцій виленскаго учебнаго округа, отъ имени ввѣренныхъ имъ дирекцій, и другія лица учебнаго вѣдомства препроводили къ его сіятельству графу Михаилу Николаевичу поздравительныя телеграммы и письма съ изъявленіемъ сочувствія къ его дѣятельности въ Сѣверо-западномъ краѣ и съ выраженіями благихъ для его сіятельства пожеланій.

Въ отвѣтъ на означенныя заявленія, графъ М. Н. Муравьевъ препроводилъ на имя г. попечителя виленскаго учебнаго округа, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Корнилова, отъ 30 апрѣля и 29 мая, два письма слѣдующаго содержааія.

I.

Милостивый Государь
Иванъ Петровичъ!

Изъ разныхъ городовъ и отъ разныхъ лицъ, служащихъ по виленскому учебному округу, получены мною депеши, въ которыхъ, поздравляя меня съ полученною монаршею милостію, они заявляютъ теплое сочувствіе къ тому направленію, которое дано учебному вѣдомству въ краѣ, утверждающему въ немъ православіе и русскую народность.

Желая выразить душевную мою признательность за теплоту ихъ чувствъ, я имѣю честь просить ваше превосходительство

принять на себя трудъ благодарить ихъ за таковыя и за благія ихъ ко мнѣ пожеланія.

Вполнѣ надѣюсь, что подъ благотворнымъ вліяніемъ русскихъ дѣятелей, трудящихся во славу нашего дорогаго отечества,—Западный край, бывшій столько лѣтъ подъ гнетомъ польской пропаганды, вполнѣ обрусѣетъ и принесетъ полезные плоды на алтарь отечества.

Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы увѣрить ваше превосходительство въ моемъ истинномъ почтеніи и совершенной преданности.

Подлинное подписалъ: *Михаилъ Муравьевъ.*

II.

Милостивый государь

Иванъ Петровичъ!

Витебскій директоръ Красноумовъ отъ 20 мая за № 668, отъ лица витебской дирекціи, заявляя теплое сочувствіе къ посильнымъ трудамъ моимъ по возстановленію православія и русской народности въ Сѣверо-западномъ краѣ, выразилъ вмѣстѣ съ тѣмъ благія ко мнѣ пожеланія всѣхъ дѣятелей на поприщѣ науки въ сказанной губерніи.

Вслѣдствіе сего обращаюсь къ вашему превосходительству съ покорнѣйшею просьбою передать вышеозначеннымъ лицамъ за память обо мнѣ и за ихъ искреннія чувства мою душевную благодарность. Вполнѣ надѣюсь, что ревностные труды и просвѣщенное усердіе русскихъ людей, посвятившихъ себя народному образованію въ Западномъ краѣ, поборютъ враждебную намъ римско-польскую пропаганду и водворятъ въ нашей западной украинѣ, какъ древнемъ достояніи Россіи, на твердыхъ началахъ, православіе и русскую народность.

Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы увѣрить ваше превосходительство въ моемъ почтеніи и совершенной преданности.

Подлинное подписалъ: Графъ *Михаилъ Муравьевъ.*

Корреспонденція изъ Минска въ С.-Петерб. Вѣдомости.

Минскъ (*Корреспонденція „Спб. Вѣдомостей).“* Въ полдень 9-го мая въ Минскѣ происходила закладка православной церкви Вознесенія Господня. Мѣстный архіепископъ Михаилъ совершалъ литургію въ Екатериненской церкви, а отсюда, по окончаніи обѣдни и молебствія, процессія съ образами, хоругвями, пѣвчими и духовенствомъ отправилась на Троицкую гору, къ мѣсту закладки церкви, гдѣ уже ожидалъ коломенской пѣхотный полкъ и отрядъ казаковъ. Когда процессія приблизилась къ мѣсту закладки, военная музыка начала играть гимнъ: „Коль славенъ нашъ Господь.“ Предъ началомъ службы одинъ изъ священниковъ сказалъ слово о мѣстѣ, избранномъ для закладки церкви, и мы узнали, что на этомъ самомъ мѣстѣ, въ IX вѣкѣ, былъ минскій Вознесенскій мужской монастырь, о чемъ свидѣтельствуютъ двѣ каменныя плиты съ надгробною надписью, 1000 года. Одна изъ нихъ находилась въ стѣнѣ монастырской Вознесенской церкви, а другая существуетъ и нынѣ въ стѣнѣ минскаго каѳедральнаго собора. Благотворителями монастыря были бургомистръ Масленко съ женою и польская королева Елена Іоанновна, которая въ 1492 г. пожертвовала монастырю имѣніе Тростинецъ. Изъ инвентаря 1579 года видно, что зданія монастырскія: церковь Вознесенія съ двумя придѣлами, одинъ Благовѣщенскій, а другой св. Іоанна, трапеза съ церковію Покрова Богородицы, кельи и другія строенія были ветхія, но потомъ Антоніемъ Масленко была построена каменная Вознесенская церковь, которая вмѣстѣ съ монастыремъ и его имѣніями была отнята уніятами. Въ 1681 года всѣми помянутыми зданіями пользовались минскіе базиліане, которые привели ихъ въ совершенное запустѣніе. По окончаніи закладки, высокопреосвященный окропилъ святою водой начатое сооруженіе церкви, и потомъ отправился окропить тутъ же, возлѣ церкви, мѣсто, назначенное для постройки дома подъ училище, въ которомъ будутъ воспитываться дочери священно-служителей православнаго исповѣданія. По окончаніи службы, архіепископъ Михаилъ съ чинами военными и гражданскими были приглашены городскимъ головою Свѣшниковымъ на закуску, устроенную здѣсь же возлѣ заложенной церкви. На постройку церкви, по распоряженію графа Муравьева, было отпущено 15,000 руб. и

на иконостасъ 3,000 руб. сер. Училище же будетъ построено на счетъ суммъ, отпущенныхъ по распоряженію Св. Сунода.

Изъ Минска.

Г. Минскъ. 12 іюня минскія учебныя заведенія удостоились посѣщенія г. попечителя виленскаго учебнаго округа, д. с. с. Ивана Петровича Корнилова. Въ мужской гимназіи его превосходительство обратилъ особенное вниманіе на успѣхи учениковъ въ русскомъ языкѣ и спрашивалъ по этому предмету учениковъ 2-го и 7-го классовъ. Въ этомъ послѣднемъ классѣ г. попечитель, по случаю окончанія воспитанниками учебнаго курса, между прочимъ замѣтилъ, что въ университетъ слѣдуетъ отправляться изъ гимназіи только тѣмъ молодымъ людямъ, которые, при достаточной подготовкѣ, имѣютъ искреннюю любовь къ наукѣ, и что слабо приготовленнымъ, малоспособнымъ, нерасположеннымъ къ усердному труду и только думающимъ о свободѣ университетской жизни и кутежахъ—лучше остаться на мѣстѣ. Затѣмъ его превосходительство осматривалъ гимназическую библіотеку и кабинеты, минскія народныя училища, женскую гимназію и пансіоны Г-жъ Шнейдеръ и Стефановичъ. Ночью съ 12 на 13 число г. попечитель отправился по дорогѣ въ Мозырь.

14 Іюня, въ присутствіи высокопреосвященнѣйшаго архіепископа минскаго Михаила и нѣсколькихъ дамъ, происходили экзамены ученицъ Минской женской гимназіи. Если принять во вниманіе, что это заведеніе открыто только 25 марта настоящаго года и что преподаватели, учителя мужской гимназіи, слѣдуя росписанію уроковъ, составленному для нея въ началѣ учебнаго года, которое трудно было измѣнить въ концѣ курса, по необходимости должны были иногда пропускать уроки въ женской гимназіи, то вообще нужно признать, что успѣхи воспитанницъ оказались удовлетворительными сверхъ ожиданія. На вопросы по закону Божію, русскому, французскому и нѣмецкому языкамъ, по ариѳметикѣ, географіи и естественной исторіи ученицы отвѣчали толково. Въ отвѣтахъ видны были слѣды занятій. Этому быстрому успѣху много содѣйствовало усердіе классныхъ дамъ. Такъ старшая надзирательница г-жа Рейхенау много занималась съ самыми малолѣтними дѣвочками, г-жа Лекторская повторяла съ воспитанницами разные предметы, въ

особенности французскій языкъ, г-жа Воханъ учила нѣмецкому языку (въ нашей мужской гимназіи мѣсто учителя нѣмецкаго языка не занято). Въ заключеніе экзамена ученицы хоромъ, довольно стройно, пропѣли русскій народный гимнъ „Боже Царя храни."

Изъ Вильны въ „Московскія Вѣдомости."

3-го іюня 1865 года.

Я знаю, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ у васъ за всѣмъ, что совершается въ здѣшнемъ краѣ; знаю, что въ настоящее время, съ увольненіемъ графа М. Н. Муравьева, каждаго пріѣзжаго отсюда разспрашиваютъ у васъ о нынѣшнемъ положеніи дѣлъ въ Вильнѣ, Гроднѣ, Минскѣ, съ тою же почти заботливостью какъ года два назадъ; при всемъ томъ я сильно затруднился бы, еслибы вы попросили меня съ точностью опредѣлить, въ чемъ именно заключается отличіе нынѣшняго порядка вещей въ здѣшнемъ краѣ отъ недавняго прошлаго. Причина понятна: новый главный начальникъ только что вступаетъ въ управленіе; онъ пробылъ здѣсь около недѣли; ждемъ возврата его на дняхъ. По наружности, въ Вильнѣ все состоитъ въ томъ же положеніи, какъ мѣсяца два-три тому назадъ: тѣ же лица, та же обстановка, та же дѣятельность. Здѣшніе поляки, сдержанные желѣзною волей графа Муравьева въ должныхъ границахъ, на первое время по полученіи извѣстія объ увольненіи главнаго начальника края, будто повеселѣли; они слегка покушались, съ крайнею, конечно, осторожностью, измѣнить прежній тонъ свой; но рѣшиться на открытое заявленіе своихъ тенденцій еще не осмѣливаются, видя, что и новый генералъ-губернаторъ не только не выказалъ намѣренія играть съ ними въ гуманность, но, напротивъ, отдалъ приказаніе строго руководиться въ крестьянскомъ дѣлѣ распоряженіями своего предмѣстника. А потому, если вы потребуете, чтобъ я подтвердилъ вамъ данными, въ чемъ именно заключается перемѣна тона у поляковъ, задача будетъ для меня не легкая: тонъ—вещь до такой степени неуловимая, что оттѣнковъ ея не очертишь перомъ. Мнѣ пришлось, дня два тому назадъ, слышать бесѣду одного здѣшняго поляка, состоящаго на службѣ и заявлявшаго еще очень недавно свою полнѣйшую преданность Россіи и благоговѣйное сочувствіе графу Муравьеву; онъ ввелъ въ свою рѣчь слѣдующую тонкую фра-

зу: „намъ*) нечего жалѣть объ увольненіи графа Муравьева.„ Скажи эту фразу кто-нибудь другой, и притомъ скажи онъ это не въ разговорѣ съ кореннымъ русскимъ, на это не стоило бы обращать и вниманія; но въ устахъ этого господина, на котораго многіе смотрятъ здѣсь какъ на барометръ для опредѣленія настроенія умовъ въ польскомъ обществѣ, фраза эта звучитъ не совсѣмъ красиво. Это обращикъ изъ верхняго слоя, изъ бѣлыхъ, а вотъ другой обращикъ изъ слоя краснаго. Въ Ковнѣ, верстахъ въ трехъ отъ города, найденъ, говорятъ, трупъ неизвѣстнаго человѣка съ отрубленною головой; деньги, часы, перстень—цѣлы. Чей это трупъ—неизвѣстно, потому что головы отыскать не могли.

Понятно, что симптомы эти пока ничтожны; они, очевидно необходимое явленіе нынѣшняго, все еще неопредѣленнаго порядка вещей и, нѣтъ сомнѣнія, не повторятся болѣе, когда поляки *фактически* убѣдятся въ томъ, что *замѣна одного лица другимъ не предполагаетъ измѣненія системы правленія краемъ.* Но намъ не слѣдуетъ баловать себя мечтами, будто здѣшній край ужь умиротворенъ и устроенъ окончательно. Мятежъ подавленъ, но зародыши его еще цѣлы; для окончательнаго искореневія и зародышей возстанія двухъ лѣтъ очевидно недостаточно; шляхта смирена, но съ завѣтными мечтами своими пока не разсталась: подольскій и минскій адресы кажутся ей не нелѣпыми, а только несвоевременными.

Въ двухлѣтнее управленіе графа Михаила Николаевича положено столько основъ для поддержанія въ краѣ русской народности, что съ развитіемъ ихъ польскій вопросъ въ западныхъ губерніяхъ долженъ упраздниться самъ собою; но если бы, паче чаянія, мы снова впали въ прежнюю апатію, еслибъ опять открыли, напримѣръ, во имя гуманности, широкое поприще для дѣятельности шляхетско-клерикальной пропаганды, а русскаго дѣла, какъ здѣсь, такъ и повсюду, не подкрѣпили серіозными и положительными (не только отрицательными) мѣрами, словомъ, если бы минувшій опытъ прошелъ для насъ безъ слѣда, то польскій вопросъ сталъ бы теперь для насъ бременемъ, болѣе тяжелымъ чѣмъ въ 1863 г. Теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, необходимъ намъ запасъ энергіи, терпѣнія, самообладанія и патріо-

---

*) т. е. полякамъ.

тизма для поддержанія и развитія русскаго національнаго чувства. Не даромъ повторяли недавно еще понимающіе дѣло поляки: „Муравьевъ страшенъ былъ нашему дѣлу не въ 1863 году; онъ страшенъ намъ теперь.“ И дѣйствительно страшенъ онъ былъ для польской интеллигенціи въ нашемъ сѣверо-западномъ краѣ. Зная наизусть поляковъ съ ихъ шляхетскими мечтами, съ ихъ іезуитскою пропагандой, съ ихъ системой дѣйствій, основанною на клеветѣ и интригѣ, онъ искусною и смѣлою рукой принялся за дѣло съ цѣлью *вырвать съ корнемъ* плевелы, которыя съ такимъ усердіемъ и постоянствомъ враги Россіи садили на нашей почвѣ. Развивъ и доказавъ практически единственную теорію, которой слѣдуетъ намъ держаться въ здѣшнемъ краѣ, онъ не имѣлъ возможности довершить въ столь короткій срокъ свое дѣло, отчасти по его громадности, отчасти по трудности набрать сотрудниковъ, которыхъ требуется сотнями, отчасти потому, что мѣры, которыя онъ принималъ въ состоящемъ на военномъ положеніи краѣ, должны были казаться и дѣйствительно были временными. Онъ пользовался тѣми средствами, которыя давало ему государство, и тѣми людьми, которыхъ находилъ онъ въ обществѣ, а эти государственныя средства не отличались разнообразіемъ; что же касается до людей, то внутреннія губерніи, снабдивъ его множествомъ полезныхъ дѣятелей, присылали сюда нерѣдко и такихъ, которыхъ приходилось возвращать назадъ. Какъ ни грустны эти явленія, но они пока въ порядкѣ вещей. Будемъ надѣяться, что при заявленномъ новымъ начальникомъ края уваженіи къ системѣ его предмѣстника, устранятся тѣ слабыя стороны, которыми пользовались поляки для того, чтобы компрометтировать основную идею графа Муравьева.

Тайна успѣха графа Михаила Николаевича (кромѣ глубокаго изученія имъ края) заключается въ томъ, что онъ отнёсся къ польскому вопросу какъ честный и коренной русскій человѣкъ, имѣя въ виду, какъ русскому государственному человѣку и слѣдуетъ, *исключительно русскіе интересы* и отвѣчая презрѣніемъ на нападки внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ Россіи. Здѣшнее русское общество, находившееся передъ возстаніемъ подъ гнетомъ полонизма, съ прибытіемъ его въ Вильну, ожило и принялось за работу. Но дѣятельная работа возможна была при томъ только *непремѣнномъ условіи*, чтобъ имя русское стояло здѣсь высоко, чтобъ оно окружено было уваженіемъ и почетомъ, что-

бы каждый русскій гордился тѣмъ, что онъ русскій; такъ и было поставлено здѣсь наше общество. Каждый изъ насъ сразу почувствовалъ здѣсь себя крѣпкимъ и сильнымъ, будучи твердо убѣжденъ, что малѣйшее посягательство къ униженію нашей народности принято будетъ какъ оскорбленіе достоинства законной власти въ русскомъ краѣ. Припоминая въ какомъ положеніи были русскіе въ отношеніи мѣстныхъ жителей до открытія вооруженнаго возстанія, невольно придешь къ заключенію, что если бы мы поставлены были иначе, то и дѣла пошли бы не такъ, какъ въ 1862—63 годахъ. На самомъ дѣлѣ съ какою цѣлью старались здѣсь унижать русскихъ? Не для того ли, чтобы демонстрировать противъ господства Россіи? Неужели кому-нибудь могло придти въ голову, что русскіе, снося въ былое время всякаго рода оскорбленія отъ поляковъ, дѣлали это въ силу евангельскаго ученія, требующаго подставить правую щеку, когда врагъ ударитъ въ лѣвую? Нѣтъ,—они сносили это вслѣдствіе крайности, они понимали, что подставляютъ подъ ударъ не свою щеку, а щеку русскаго народа. Они *по неволѣ* учились польскому языку, *по неволѣ* или *по слабости*, а отнюдь не изъ христіанскаго чувства любви, хлопотали о популярности между поляками, и тѣмъ, разумѣется, роняли русское дѣло.

Не претендуйте, что вмѣсто корреспонденціи, ограничивающейся перечнемъ голыхъ фактовъ, я вдаюсь въ умозрѣнія: нашъ вопросъ въ здѣшнемъ краѣ таковъ, что онъ требуетъ самаго серіознаго и всесторонняго обсужденія. Безспорно, факты важны сами по себѣ; но важны они потому, что служатъ матеріяломъ для выводовъ.

Сегодня здѣсь два большіе праздника: одинъ русскій—воспоминаніе возвращенія уніятовъ въ нѣдра православной церкви, другой р. католическій—праздникъ Тѣла Христова; въ праздники эти совершены были крестные ходы и нашими и р. католиками. Наша процессія скромно прошла изъ Духова монастыря въ Троицкій; это, въ отношеніи пространства, то же, что напримѣръ, у васъ изъ Архангельскаго собора въ Благовѣщенскій. р. католическая процессія—дѣло иное. Еще вчера весь путь шествія процессіи уставленъ былъ березками; въ четырехъ пунктахъ города (и между прочимъ на зданіи театра) устроены были богатые алтари; процессія, съ образами, съ огромнымъ числомъ хоругвей и флаговъ, *въ сопровожденіи всего р. католическаго населенія*, обошла главнѣйшія улицы города. Весь городъ съ утра былъ на ногахъ; евреи заперли свои лавки (иначе имъ выбили бы

окна) и не смѣли показываться, во время шествія процессіи на улицахъ, дабы не быть побитыми (по обычаю евреи не смѣютъ показываться на улицѣ во время шествія р. католической процессіи). Передаю вамъ фактъ безъ комментаріевъ; я не вымолвилъ бы о немъ ни слова, если бы религіозный вопросъ въ здѣшнемъ краѣ не шелъ рука объ руку съ вопросомъ политическимъ.

Зданіе для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ въ Вильнѣ.

25-го іюня, въ часъ по полудни въ Вильнѣ, на Замковой площади, происходили освященіе и закладка зданія присутственныхъ мѣстъ, въ присутствіи главнаго начальника края, начальника губерніи, начальствующихъ и должностныхъ лицъ, членовъ и чиновниковъ разныхъ присутственныхъ и судебныхъ мѣстъ, дворянства и представителей городскихъ сословій. По окончаніи молебствія и освященія, совершенныхъ соборнымъ духовенствомъ, главный начальникъ края, начальникъ губерніи, губернскій предводитель дворянства и другія почтнѣйшія лица положили основные камни новаго зданія. Причемъ его высокопревосходительствомъ положены мѣдная доска съ вырѣзанною на ней соотвѣтственною надписью, а также нѣсколько монетъ современнаго чекана. Мѣсто закладки окружали городскіе цехи съ своими знаменами. Затѣмъ главный начальникъ края осматривалъ въ подробности произведенныя уже работы. Въ бесѣдкѣ, устроенной на фундаментахъ, выведенныхъ въ уровень, съ поверхностью земли, и украшенной зеленью, флагами и цвѣтами, приготовленъ былъ для всѣхъ присутствующихъ завтракъ, во время котораго провозглашенъ былъ тостъ за здравіе **ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА**, сопровождаемый радостными кликами ура! Потомъ были предложены тосты за здоровье главнаго начальника края, виленскаго губернатора и всѣхъ присутствующихъ.

Зданіе присутственныхъ мѣстъ, перестраиваемое изъ старинкаго дома съ достройкою $^5/_6$ совершенно вновь, находится на Замковыхъ улицѣ и площади. Мѣсто это называлось долиною *Свенторога*, отъ имени князя Свенторога, основавшаго здѣсь храмъ Перкунаса и сожженнаго по смерти на этой долинѣ сыномъ его Гермундомъ (1270 г.). Вокругъ храма, гдѣ горѣлъ неугасаемый *зничъ*, на значительномъ пространствѣ были разбросаны жилища жрецовъ, вайделотовъ и вайделотокъ. Въ 1322 г. в. к. Гедиминъ основалъ здѣсь великокняжескій замокъ, получившій названіе съ окружающими его строеніями *Криваго града*,

окруженнаго стѣною и имѣвшаго особыя ворота, называвшіяся *Замковыми*. Замокъ былъ много разъ истребляемъ пожаромъ и войною; полуразрушенныя стѣны его были разобраны въ 1797 г., а ворота въ 1837 г. Къ этимъ воротамъ примыкало зданіе трибунала, позади же ихъ находилось нынѣ перестраиваемое зданіе, гдѣ тоже нѣкоторое время помѣщался трибуналъ, а потомъ разныя присутственныя мѣста и казначейство. Когда именно оно основано, нѣтъ положительныхъ свѣдѣній. Оно находилось за чертою *Криваго града*; но извѣстно, что королева Елена Іоанновна, супруга Александра, въ началѣ XVI ст. пріобрѣла плацъ, присоединенный къ составу замковой территоріи и построила на немъ домъ для своихъ бояръ и пословъ, пріѣзжавшихъ отъ отца изъ Москвы. Очень можетъ быть, что это именно и есть то самое зданіе.

Въ Вильнѣ всѣ присутственныя и судебныя учрежденія помѣщаются по настоящее время въ отдѣльныхъ домахъ, нанимаемыхъ у частныхъ владѣльцевъ за ежегодную плату, въ итогѣ составляющую значительную сумму. Губернское начальство еще въ 1835 году, сознавая неудобства подобнаго размѣщенія казенныхъ учрежденій, разбросанныхъ по всему городу, составило предположеніе объ устройствѣ одного зданія, въ которомъ бы могли помѣститься всѣ учрежденія, и съ этою цѣлію былъ избранъ вышеозначенный ветхій домъ.

Въ продолженіе послѣдующихъ 30 лѣтъ представляемо было много проектовъ и предположеній, и наконецъ, послѣ столь продолжительной, самой усиленной переписки, едва въ 1864 году послѣдовало окончательное утвержденіе постройки дома. Кромѣ губернскаго правленія, приказа общественнаго призрѣнія, помѣщающихся въ казенныхъ домахъ, а также кромѣ дворянскаго депутатскаго собранія, городской думы и магистрата, всѣ остальныя учрежденія будутъ размѣщены въ воздвигаемомъ нынѣ трех-этажномъ зданіи, коего длина, по главному фасаду отъ площади 38¼, а по боковому фасаду отъ Замковой улицы 19 саженъ. Вся постройка присутственныхъ мѣстъ обойдется въ 114,945 рублей. Сумма эта равна десятилѣтнему расходу, употребляемому нынѣ казною на наемъ помѣщеній.

Работы начались въ минувшемъ маѣ. При раскопкѣ земли отрываемо было множество человѣческихъ костей, на глубинѣ отъ 5 до 8 аршинъ, безъ признаковъ гробовыхъ досокъ, но встрѣчались на той же глубинѣ и выше каменныя стѣны въ весьма близкомъ разстояніи одна отъ другой. Работы вообще представляютъ много интереснаго для мѣстной археологіи; такъ, напримѣръ:

низменное и болотистое съ родниками, подъ насыпною землею мѣсто, съ видимымъ, какъ-бы засыпаннымъ каналомъ по направленію къ р. Виліи, заставляетъ полагать, что здѣсь когда-то былъ прудъ и ручей; существованіе пруда или болотной глубокой лощины подтверждается также найденными небольшими обломками мрамора, вѣроятно оставшагося отъ построекъ одного изъ зданій, находившихся на этой площади и потомъ брошеннаго въ болотную лощину. Находимыя человѣческія кости и безпрестанныя, небольшія, въ разныхъ направленіяхъ каменныя стѣны наводятъ на мысль, что здѣсь существовало языческое кладбище, тѣмъ болѣе, что на 6-арш. глубинѣ найдены были двѣ слезницы (?); одна изъ нихъ разбита во время работъ, другая же вполнѣ сохранлась. Это стеклянный пузырекъ, герметически задѣланный, съ уцѣлѣвшею жидкостью внутри.

Кромѣ помянутыхъ стеклянныхъ пузырьковъ, на той же 6 аршинной глубинѣ, равной фундаментамъ стараго зданія, при разломкѣ частей фундамента, найдены два червонца, одинъ 1509, а другой 1514 годовъ, извѣстнаго венгерскаго чекана.

Изъ Слонима и Бреста въ „Вилен. Вѣстн.“

Намъ пишутъ *изъ Слонима,* что 31 мая прибылъ въ слонимское народное училище г. начальникъ, гродненской губерніи. Мальчики радостно привѣтствовали его превосходительство, въ первый разъ въ жизни видя высшаго сановника, не выказавъ при этомъ вовсе робости или того низкопоклоннаго униженія, которое прежде такъ было сродно здѣшнему запуганному люду.

Когда г-нъ начальникъ губерніи взошелъ въ залу, учащіеся стройно пропѣли молитву „Царю Небесный.“ Здѣсь были ученики: православнаго, римско-католическаго, іудейскаго и магометанскаго исповѣданій. На сдѣланные вопросы мальчики весьма хорошо отвѣчали по Закону Божію и Русскому языку. Пожелавъ учащимся дальнѣйшихъ успѣховъ, г-нъ начальникъ губерніи, высказалъ при этомъ мысль о необходимости всеобщаго образованія въ духѣ русской народности, безъ различія званія и состоянія и оставилъ училище, произведя на учащихся самое пріятное и радостное впечатлѣніе.

Посѣщеніе это имѣло еще одно благодѣтельное послѣдствіе: г-нъ начальникъ губерніи сдѣлалъ распоряженіе объ отводѣ

подъ слонимское народное училище болѣе удобнаго и безплатнаго помѣщенія въ упраздненномъ слонимскомъ бернардинскомъ монастырѣ, съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій учебный годъ оно соединено было въ одно съ другимъ слонимскимъ народнымъ училищемъ, поддерживаемымъ средствами бывшаго военнаго начальника г. Слонима и оставшимся теперь безъ всякихъ средствъ къ существованію, и составило двуклассное народное училище, а сумма, отпускаемая на наемъ дома опредѣлена была на жалованье второму учителю.

Изъ Бреста. 19-го іюня въ здѣшнемъ дворянскомъ уѣзномъ училищѣ было торжественное собраніе, по случаю окончанія годичныхъ экзаменовъ. Давно г. Брестъ не видѣлъ подобнаго торжества, въ которомъ наука и жизнь, ученое сословіе и городское общество соединились въ одно цѣлое и проникнуты были однимъ духомъ. Штатный смотритель этого училища, Петръ Александровичъ Бецкій, присланный недавно къ намъ, въ короткое время, съумѣлъ преобразоватъ училище въ истинно русское заведеніе; всѣ ученики прекрасно говорятъ по русски, учители, тоже русскіе, свято и строго исполняютъ свои обязанности, и мы, родители, гордимся тѣмъ, что наши дѣти имѣютъ такихъ добрыхъ и преданныхъ своему дѣлу наставниковъ. Разскажу вкратцѣ о происходившемъ на этомъ торжествѣ. Въ 11 часовъ утра собрались въ училище ученики, родители, городское общество и уважаемый цѣлымъ городомъ военный начальникъ, полковникъ Леоновъ; здѣсь штатный смотритель обратился къ посѣтителямъ съ привѣтственною рѣчью, въ которой выразылъ удоволствіе въ сочувствіи общества къ этому маленькому торжеству, прочелъ краткій отчетъ о состояніи ввѣреннаго ему училища, потомъ военнымъ начальникомъ розданы были награды особенно отличившимся, и прочитанъ былъ переводный списокъ, послѣ чего тотъ же смотритель благодарилъ посѣтителей за оказываемое вниманіе къ дѣлу народнаго образованія. Тутъ же розданы были награды присутствовавшимъ ученикамъ народнаго училища, особенно отличившимся на экзаменѣ, произведенномъ 17 іюня.

Потомъ благочиннымъ г. Бреста, протоіереемъ Василіемъ Серно-Соловьевичемъ, отслуженъ былъ благодарственный молебенъ съ многолѣтіемъ всему Царствующему Дому, учащимъ и учащимся. Во время молебна меня крайне удивило стройное и пріятное пѣніе учениковъ. Я прежде ничего не слыхалъ

объ этомъ и съ удивленіемъ обратился съ вопросомъ къ смотрителю училища: откуда взялся этотъ импровизированный хоръ и почему прежде его не было? На это онъ отвѣчалъ, что отъ казны на наемъ учителя церковнаго пѣнія ничего но отпускается, потому и неудивительно, что прежде этого хора не существовало при училищѣ, но теперь, онъ самъ и всѣ православные преподаватели положили: впредь до послѣдующаго распоряженія начальства и отпуска на это суммы, нанять отъ себя учителя пѣнія и каждомѣсячно удовлетворять его изъ собственнаго жалованья. Послѣ молебствія этими же учениками пропѣтъ былъ гимнъ: „Боже Царя храни!“ чрез вычайно отчетливо. Въ заключеніе, безъ лести скажу, что проведенные мною нѣсколько часовъ въ училищѣ доставили мнѣ неизъяснимое удовольствіе, которое надолго останется въ моей памяти, и вмѣстѣ побудили меня заявить благодарность, которую, вѣроятно, раздѣляютъ со мною и всѣ сограждане, за благородные труды усердныхъ дѣятелей въ дѣлѣ воспитанія нашего юношества. *Отецъ.*

Вѣсти изъ Забужья.

Велика и обильна земля наша. Но сколько горя терпѣли и терпятъ еще ея *вѣрные* сыны, не смѣющіе и донынѣ считатъ себя ничѣмъ инымъ, какъ жалкими пришельцами-кочевниками на своей, отъ начала вѣковъ русской землѣ, трудовымъ потомъ орошенной и обагренной кровью мучениковъ за свою народность, русскую-мужицкую.

Державная воля Освободителя-Царя повелительно призываетъ насъ къ новой жизни, къ работѣ благородной въ пользу того смиреннаго и безропотнаго народа, который, въ великой простотѣ своей и въ незлобіи, бѣдствуя, былъ и любящъ, и преданъ. Нынѣ мы обязаны послужить народу нашему изученіемъ его болей, горя и нуждъ, не забывая, что время не ждетъ.

Какъ, повидимому, ни малозначащи извѣстія изъ Забужья, мною предлагаемыя, я счелъ себя не въ правѣ утаить ихъ отъ общаго вниманія, тѣмъ болѣе что, повидимому не важныя, они, однако, наводятъ на истину, освѣщаютъ многое темное и старательно отъ насъ скрываемое въ нашей жизни.

Вотъ эти печальныя вѣсти:

„Съ 1861 года, при училищѣ бывшаго замостьскаго гарнизоннаго батальйона (что нынѣ крѣпостной полкъ) обучались

грамотѣ нѣсколько мальчиковъ и дѣвочекъ. Законоучитель, священникъ замостьской православной церкви, отецъ Николай Страшкевичъ, обращая особенное вниманіе на нравственное и умственное развитіе дѣтей, не могъ не видѣть невыгоды общаго обученія дѣтей со взрослыми, и постоянно старался объ учрежденіи отдѣльнаго для дѣтей училища. Почтенныя его усилія увѣнчались успѣхомъ. Въ іюнѣ 1864 года, по просьбѣ отца Николая, православные военнослужащіе въ крѣпости сдѣлали подписку для учрежденія училища, по коей собрано было 142 руб. на первое обзаведеніе. На эти деньги были куплены скамьи, книги для начальнаго обученія, аспидныя доски, бумага и прочіе необходимѣйшіе припасы. 4-го октября училище было открыто въ отведенномъ для него казенномъ помѣщеніи, и въ настоящее время, въ немъ обучаются уже 28 мальчиковъ и 12 дѣвочекъ, дѣти офицеровъ и нижнихъ чиновъ и сироты; въ томъ числѣ 8 католиковъ *), которые, какъ всѣ коренные жители здѣшняго края, русскаао происхожденія. Дѣти, по познаніямъ, раздѣлены на два отдѣленія. Учителями приглашены одобрительной нравственности и болѣе способные писаря замостьскаго крѣпостнаго полка, за умѣренную плату, на которую отпускается ежемѣсячно 12 р. замостьскимъ благороднымъ собраніемъ и 3 р. состоящимъ по крестьянскимъ дѣламъ замостьскаго участка, г-мъ Дометти.

„Средства эти совершенно случайныя, зависящія отъ существованія замостьскаго собранія, при томъ весьма недостаточны, такъ что не на что, и нынѣ, пріобрѣсть краткіе учебники русской исторіи и географіи, а также ариѳметики и грамматики. Нѣтъ глобусовъ, картъ и книгъ для чтенія. Пособіями при преподаваніи служатъ два экземпляра ариѳметики Ѳедорова и три экземпляра грамматики Греча. Географія и краткая исторія совсѣмъ не преподаются, по неимѣнію руководствъ, хотя есть мальчики, на столько подготовленные, что могли бы заниматься этими предметами. Но, при всей его убогости, этому полезному пріюту русской грамоты и развитія въ духѣ русскомъ грозитъ будущее. Упраздненіе замостьской крѣпости высочайше уже утверждено; послѣдствіями его будутъ: несомнѣнное распаденіе благороднаго собранія, а слѣдовательно окончательное изсякновеніе источниковъ содержанія училища. Прискорбно

*) Нужно читать: *папистовъ*. Развѣ мы—не *католики?* *Ред.*

думатъ, что въ недалекомъ будущемъ училище закроется и дѣти, лишась возможности образованія въ духѣ русской народности, начатаго съ такимъ успѣхомъ, обречены будутъ ополяченію въ какомъ-нибудь, на деньги здѣшняго русскаго народа устроенномъ, *польскомъ* училищѣ."

Вѣрно, всѣ, неложно любящіе Русь русскіе люди поймутъ, какъ горько будетъ русскимъ отцамъ сознать, что ихъ дѣти *обречены*, воспитываясь въ древне-русской землѣ, стать поляками... Къ счастію, у насъ не отнято право надѣяться, что заботливое училищное начальство люблинской губерніи не дастъ оправдаться мрачнымъ опасеніямъ, и упрочитъ существованіе замостьскаго училища.

Николай Виноградовъ.

9-го мая 1865 г. Вильно.

Панихида, по просьбѣ крестьянъ мошевской волости и учрежденіе въ Лукомлѣ с. школы.

8-го іюня, по просьбѣ крестьянъ мошевской волости, климовическаго уѣзда, приходскіе священники совершили заупокойную литургію и панихиду по въ Бозѣ почившемъ Государѣ Цесаревичѣ, Великомъ Князѣ Николаѣ Александровичѣ; послѣ литургіи священники были приглашены въ волостное правленіе и здѣсь въ другой разъ отслужили панихиду. Рѣдко въ воскресные и праздничные дни бывало въ мошевскомъ храмѣ такое стеченіе народа, рѣдко русскій крестьянинъ такъ пламенно, съ такимъ усердіемъ молится о своихъ нуждахъ, какъ молился онъ о упокоеніи души наслѣдника русскаго престола: вездѣ была видна глубокая скорбь, у многихъ на глазахъ блестѣли слезы.

Крестьяне собственники сѣннинскаго уѣзда, лукомльской волости въ память освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости, пріобрѣли образъ св. Благовѣрнаго Вел. Кн. Александра Невскаго и портретъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. 19 февраля 1864 года они освятили домъ волостнаго правленія, поставили въ немъ образъ и портретъ и предположили праздновать 19-е февраля ежегодно. Въ текущемъ 1865 г. празднованіе ознаменовано учрежденіемъ въ Лукомлѣ сельскаго училища. Крестьяне обязались выстроить нынѣшнимъ же лѣтомъ особый домъ для училища на свой счетъ. Священникъ Дашкевичъ изъявилъ готовность давать два раза въ недѣлю уроки по закону Божію, а волостной писарь Андрей Малишевскій взялся быть учителемъ

безплатно. На первый разъ въ тотъ же день представлено 15 мальчиковъ, изъ которыхъ нѣкоторые умѣли уже читать и писать, такъ какъ и до того времени они учились въ домѣ священника, хотя формально и не было еще открыто училище.

(Мог. Губ. Вѣд. № 25).

Обзоръ сельскихъ училищъ въ могилевской губерніи:

Подъ этимъ заглавіемъ въ „Мог. Губ. Вѣд." между прочимъ пишутъ:

„Училищъ получающихъ денежное пособіе на учителей отъ министерства государственныхъ имуществъ—22; отъ министерства народнаго просвѣщенія, штатныхъ—72; отъ обществъ—72; отъ родителей и родственниковъ учащихся—37. А всѣхъ училищъ, въ которыхъ учителя получаютъ плату отъ 15 до 150 рублей въ годъ,— 273. За тѣмъ въ 96 училищахъ обученіе совершенно безплатное."

„Съ самыми лучшими задатками для успѣшнаго и вполнѣ удовлетворительнаго веденія учебнаго дѣла, стоятъ тѣ не многія училища, въ которыхъ преподаваніемъ занимаются священно и церковно-служители, посвятившіе себя этому дѣлу по чувству призванія и по расположенію къ учительству, задолго до общаго епархіальнаго распоряженія о повсемѣстномъ открытіи училищъ при церквахъ, и училища съ отдѣльными учителями, которые ничѣмъ другимъ кромѣ обязанностей по званію учительскому, не обременены. Къ нимъ относятся училища въ Пропойскѣ, Кричевѣ, Чечерскѣ, Таймоновѣ, Запольѣ, Чигиринкѣ, Сѣннѣ, Ряснѣ сѣннинскаго уѣзда и немногія другія. Училища, въ которыхъ наставничество поручено волостнымъ писарямъ и рапредѣлено между священно-и церковно-служителями, которые сначала принялись за это дѣло по заказу, а теперь продолжаютъ его вести въ надеждѣ на вознагражденіе отъ дирекціи, менѣе успѣшны. За весьма немногими исключеніями, волостные писаря или не въ силахъ, или не умѣютъ справиться съ двумя обязанностями по двумъ должностямъ. Несовмѣстимость обѣихъ ни по духу, ни по роду занятій, чувствуются повсюду, не говоря уже о томъ, что большинство волостныхъ писарей не имѣетъ надлежащаго образованія и лишено способности приспособиться къ преподавательскимъ пріемамъ и къ усвоенію себѣ надле-

жащаго педагогическаго такта. Менѣе всѣхъ удовлетворяютъ, сравнительно, учебнымъ требованіямъ волостные писаря въ могилевской губерніи, потому что мировые посредники и старшини не рѣдко берутъ ихъ съ собою въ отъѣздъ, и чрезъ это обнаруживаются вредные для дѣла пропуски уроковъ и нарушается учебный порядокъ, вліятельная сила котораго на воспитывающееся юношество неоспорима, потому что незамѣтно посѣваетъ въ воспріимчивой душѣ ребенка уваженіе къ святости долга и любовь къ исполнительности.“

„Что касается до выполненія обязанностей наставниковъ священно-и церковнослужителями, то священники часто отвлекаются требоисполненіями по приходу, а между церковнымъ причтомъ, состоящимъ большею частію изъ лицъ, прервавшихъ ученіе чуть-ли не на первыхъ порахъ школьнаго своего образованія, появленіе людей способныхъ и развитыхъ, относится къ исключеніямъ, и потому-то нерѣдко приходится встрѣчать между ними дѣятелей, совершенно непривычныхъ къ разумному обученію дѣтей. Къ этому недостатку примѣшивается еще невѣрный взглядъ на поддержку учебныхъ занятій въ училищѣ, по которому послѣднія предоставляются не лучшему и способнѣйшему, но распредѣляются между всѣми членами причта. Руководящее начало тутъ не прямая польза училища, а желаніе доставить трудящимся небольшое матеріальное пособіе въ видахъ полученія извѣстнаго вознагражденія за уроки отъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.“

„Къ лучшимъ и благонадежнѣйшимъ училищамъ, въ которыхъ допущены къ обученію волостные писаря и члены церковныхъ причтовъ, какъ то: дьяконы и причетники, принадлежатъ въ могилевской губерніи *высоковское, микулинское и любавицкое;* въ оршанскомъ уѣздѣ *полыковицкое;* въ могилевскомъ уѣздѣ, *любанское, тихиницкое и добоснянское;* въ рогачевскомъ, *прибитовское и старо-юрковицкое;* въ гомельскомъ уѣздѣ и *черейское* въ сѣннинскомъ уѣздѣ.“

„Относительно успѣховъ учащихся дирекція опасается предаваться самообольщенію, что на первыхъ уже порахъ, послѣ установленія, можно сказать, нѣкотораго порядка въ учебномъ дѣлѣ и послѣ первыхъ ея, по крайнему разумѣнію, руководствованій учащихъ видимо проявились удовлетворительные результаты въ самое короткое время. Успѣхи просвѣщенія зрѣютъ и обнаруживаются медленно, не такъ, какъ успѣхи промышлен-

ности, или какой либо технической дѣятельности. Безспорно, что въ большей части училищъ, при настоящемъ усердіи трудящихся надъ обученіемъ крестьянскихъ дѣтей, возбужденномъ, говоря по совѣсти, больше всего вниманіемъ грамотности и матеріальною поддержкою со стороны министерства народнаго просвѣщенія, можно встрѣтить по крайней мѣрѣ треть учениковъ, которые уже довольно хорошо читаютъ, порядочно пишутъ, ознакомлены кое гдѣ даже съ четырмя ариѳметическими дѣйствіями, обыкновенно же только съ двумя, достаточно свѣдущи въ знаніи основныхъ правилъ катихизиса, порядочно понимаютъ содержаніе молитвъ и въ состояніи отвѣчать на вопросы о первыхъ событіяхъ изъ священной исторіи; въ нѣкоторыхъ училищахъ порядочно обучены церковному пѣнію и народнымъ гимнамъ, которые особенно хорошо поютъ мальчики кричевскаго училища; но все это не болѣе, какъ начатки и зародыши, отъ которыхъ преуспѣянія и полнаго удовлетворенія можно ожидать впереди, въ не продолжительномъ впрочемъ времени.“

„Посѣщеніе училищъ учащимися, вообще весьма удовлетворительно, и есть надежда, что въ будущую зиму въ училища явятся почти всѣ теперешніе ученики; ходятъ въ училища не только десяти - и пятнадцати-лѣтніе мальчики, но даже взрослые парни—лѣтъ 20-ти. Вообще родители только въ меньшинствѣ сочувствуютъ учрежденію училищъ; большинство не можетъ и не хочетъ уразумѣть пользу грамотности.“

(Мог. Губ. В. №25).

О воложинскомъ св. Параскевьевскомъ братствѣ.

Въ ста пяти верстахъ отъ г. Вильны, а въ 56—отъ г. Ошмянъ, на военно-коммуникаціонной дорогѣ въ г. Минскъ, находится довольно многолюдное мѣстечко Воложинъ въ гористой и живописной мѣстности. Въ этомъ мѣстечкѣ есть ветхая, убогая, построенная еще въ 1740 году, деревянная, православная церковь св. Параскевіи. Вотъ она, заслоненная съ южной стороны огромнымъ каменнымъ р. католическимъ костеломъ, а съ западной — отъ торговой площади, старымъ безобразнымъ еврейскимъ домомъ, изъ котораго слышны дикіе крики подпившихъ мужиковъ! Но ни ветхость, ни убожество, ни уединенность,

которыми католичество старалось уничтожить православную церковь, — не могли истребить въ здѣшнемъ простомъ народѣ сердечной привязанности и религіознаго уваженія къ его древней святынѣ-церкви св. Параскевіи. Она каждый воскресный и праздничный день переполнена усердными богомольцами — своими прихожанами, бѣдными и убогими, какъ и она, крестьянами. Всѣхъ прихожанъ при ней считается слишкомъ 5307 душъ. При этой-то церкви существуетъ братство, о которомъ мы желаемъ поговорить.

Когда и для чего образовалось церковное воложинское братство? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы можемъ найти лишь только въ мѣстныхъ устныхъ преданіяхъ. Письменныхъ документовъ объ этомъ намъ не удалось найти ни въ архивѣ церковномъ, ни у братчиковъ. Не нашли мы также ни привилегій, ни грамотъ, принадлежавшихъ когда либо этому братству. Остается намъ по этому обратиться къ памяти народной — этому богатому источнику, изъ котораго первоначально почерпались почти всѣ историческія свѣдѣнія. Впрочемъ, мало преданій о воложинскомъ братствѣ сохранилось и въ памяти народной, а что сохранилось и удалось намъ узнать, разскажемъ съ аккуратною точностію.

Воложинское церковное братство основалось около 1683 года. По крайней мѣрѣ, въ этомъ году явилась неотразимая потребность въ существованіи подобнаго братства въ м. Воложинѣ. Это былъ роковой годъ для Воложина. Въ этомъ году владѣлецъ этого мѣстечка, богатый помѣщикъ Служко, строитель здѣшней православной церкви, измѣнилъ вѣрѣ отцовъ своихъ, оставилъ православіе и перешелъ въ латинство. Находясь въ городѣ Минскѣ на сеймикахъ, онъ былъ увлеченъ ксендзами—бернардинами въ религіозный споръ, вышелъ изъ терпѣнія и, въ припадкѣ гнѣва, убилъ одного бернардина. Страшась казни за убійство, принялъ римско-католическое исповѣданіе, обязался построить латинскую каплицу въ м. Воложинѣ и содержать при ней, на свой счетъ, нѣсколько ксендзовъ бернардиновъ. Такимъ образомъ—нечаянно, негаданно, явилась въ Воложинѣ, среди православнаго народонаселенія, латинская каплица и латинскіе ксендзы бернардины, пустившіеся всячески уловлять православныхъ въ латинскія сѣти. Прежде всего совращены были ими люди дворовые, а отъ нихъ папизмомъ начали заражаться и деревенскіе жители. Люди православные встревожи-

лись, сомкнулись въ тѣсный кружокъ, чтобы успѣшнѣе отстаивать свои отечеекія преданія. Такимъ образомъ возникло при церкви св. Параскевіи братство.

Церковь эта, лишившись своего богатаго строителя и попечителя, въ лицѣ отпавшаго въ латинство Служки, осталась на попеченіи одного братства. А бернардины продолжали свое дѣло: они то соблазнительными приманками, то насиліемъ совращали православныхъ въ р. католицизмъ, такъ что къ началу 1723 года успѣли образовать изъ совращенныхъ новый приходъ въ м. Воложинѣ и построили новый деревянный костелъ, истребленный пожаромъ въ 1815 году. На мѣсто сгорѣвшаго костела деревяннаго, графъ Тышкевичъ соорудилъ большой каменный костелъ, на землѣ, захваченной отъ воложинской церкви. Братство этой церкви, подавленное латинствомъ и деморализованное уродливой упіей, не смѣло протестовать противъ захвата церковной собственности. Оно даже боялось предъ всепоглощающимъ р. католицизмомъ отстаивать права своей церкви. Воложинскіе братчики рады были и тому, что владѣлецъ Воложина пока не отнималъ у нихъ права варить ко дню Успенія Божіей Матери медъ и пиво и продавать ихъ въ этотъ праздникъ богомольцамъ; впрочемъ, около 1825 года, они лишились и этого права. Единственнымъ источникомъ доходовъ братскихъ осталась такъ называемая „осенина.“ По окончаніи полевыхъ работъ, въ началѣ каждой зимы братство посылало избранныхъ изъ среды своей братчиковъ собирать по приходу пожертвованія зерновымъ хлѣбомъ на украшеніе святой Божіей церкви—что и называлось осениной. Но въ послѣдствіи времени прекратилась и осенина. Братство состояло исключительно изъ крестьянъ, а крестьяне съ 1831 года, вѣроятно, въ отмщеніе за то, что не хотѣли участвовать въ бывшемъ въ то время польскомъ мятежѣ, подверглись отъ пановъ страшному угнетенію. Съ ранняго утра и до поздней ночи они должны были работать „на пана.“ Тутъ имъ не было уже времени когда подумать о благолѣпіи храма Божія, и потому само собой прекратилось ихъ собираніе пожертвованій на церковь святую *).

*) Тяжелое было то время, особенно для православныхъ крестьянъ- Экономы, писаря и разная дворовая челядь, пропитанная до костей латинскимъ фанатизмомъ,—только и думали о томъ, какъ бы посильнѣй по прижать „русака,“ какъ обыкновенно называютъ здѣсь православнаго рестьянина. Паны особенно любили собирать съ крестьянъ обработоч-а кныя деньги для православныхъ священниковъ. Подъ предлогомъ взыск.

Осталось братчикамъ одно—заботиться о доброй нравственности между прихожанами воложинской церкви и поддерживать въ нихъ любовь къ богослуженію, совершаемому на природномъ славянскомъ языкѣ. Покрайней мѣрѣ, оно преслѣдовало такую цѣль въ послѣднее время, когда мы въ первый разъ съ нимъ познакомились въ 1851 году.

Отъ желающаго вступить въ братство требуется, чтобы онъ былъ доброй нравственности, исповѣдывалъ православную вѣру и вносилъ ежегодно въ братскую скриню не менѣе 20 копѣекъ. Эти деньги братчики складываютъ, обыкновенно, въ день Успенія Божіей Матери. „На Госпожу," какъ называютъ здѣсь день Успенія, послѣ божественной литургіи, священникъ, возложивъ на себя эпитрахиль, и, ставъ у аналоя, на которомъ, предварительно, церковнымъ старостою положена братская книга, отмѣчаетъ по ней, сколько и кто изъ братчиковъ даетъ денегъ въ братскую скриню, о чемъ одинъ изъ старшихъ братчиковъ громко докладываетъ священнику. Тутъ же священникъ записываетъ въ книгу и желающихъ вновь поступить въ братство. Собранныя, такимъ образомъ, деньги отдаются церковному старостѣ, для храненія, и расходуются имъ же, съ вѣдома и согласія старшихъ братчиковъ, на церковныя нужды, по указанію священниковъ.

Вступающіе въ братство даютъ обѣтъ, въ сердцѣ своемъ, неупустительно ходить въ церковь святую къ богослуженію, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ; нѣкоторые изъ нихъ, по обѣту же, прислуживаютъ при богослуженіи: одни изъ нихъ носятъ иконы и хоругви во время крестныхъ ходовъ, другіе въ это время сопутствуютъ иконамъ съ возженными свѣчами. Всѣ же братчики считаютъ для себя непремѣннымъ долгомъ молиться къ Господу Богу о здравіи и долгоденствіи Государя Императора и всего Царствующаго Дома, о мирѣ и благостояніи святыхъ Божіихъ церквей, объ укрѣпленіи и распространеніи во всемъ мірѣ святой православной вѣры, объ умноженіи взаимной братской любви между всѣми христіанами, о мирѣ всего міра и о здравія и благополучіи всѣхъ членовъ братства.

нія этихъ денегъ, они дѣлали частыя и страшныя злоупотребленія. Были у нихъ такіе ловкіе экономы, которые ежегодно успѣвали нѣсколько разъ собирать съ крестьянъ деньги „на попа," или на починку церкви; но, обыкновенно, ни попамъ, ни церквамъ не доставалось изъ этихъ сборовъ ни гроша. *Авт.*

Для подобныхъ молебствій они нарочно ежегодно собираются въ церковь св. Параскевіи два раза—16 августа и въ свѣтлый понедѣльникъ. Кромѣ того, братство заказываетъ иногда чрезвычайныя молебствія, по случаю общественныхъ бѣдствій, или радостныхъ событій. Такъ, напримѣръ, въ 1855 году, когда въ окрестностяхъ Воложина свирѣпствовала холера и былъ страшный падежъ скота, братство неоднократно собиралось въ этомъ году для служенія молебствія объ отвращеніи такого бѣдствія; въ 1863 году братчики тоже не разъ собирались на молебствія о прекращеніи въ здѣшнемъ краѣ свирѣпствовавшаго ксендзовско-панскаго мятежа. Не разъ служили они и благодарственныя молебствія. Намъ особенно памятно одно молебствіе. Сердечно любимый и уважаемый всѣми истинно русскими людьми, умиротворитель литовско-бѣлорусскаго края, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ ѣздилъ въ С.-Петербургъ. Разнеслась молва, что Михаилъ Николаевичъ не возвратится уже въ Вильну. Русскіе пріуныли, а поляки сей часъ же подняли носы и начали изъ подлобья посматривать на русскихъ, приговаривая сквозь зубы: „Муравьева южъ нѣма! бендзе инны пожондекъ!“ Но торжествовать имъ, на этотъ разъ, не удалось. Вдругъ всѣ узнаемъ, что нашъ добрый защитникъ возвратился въ Вильну живъ и здоровъ – и я не въ состояніи описать той радости, съ какою встрѣчено было это извѣстіе русскими; всѣ поспѣшили въ храмъ Господень принесть теплыя молитвы къ благому Промыслителю, всемогущему Богу, а братство заказало торжественный благодарственный молебенъ въ первый воскресный день по полученіи радостной вѣсти о благополучномъ возвращеніи Михаила Николаевича въ Вильну.

Братство въ Воложинѣ близъ церкви имѣетъ свой особенный братскій домъ, въ настоящее время почти совершенно развалившійся отъ ветхости. Въ этомъ домѣ всегда содержалось и теперь содержится, на счетъ братства и доброхотныхъ дателей, нѣсколько лицъ бѣдныхъ и престарѣлыхъ. Въ настоящее время содержится здѣсь такихъ лицъ мужескаго пола три души и женскаго три. Для пропитанія ихъ, братчики приносятъ имъ по праздникамъ: хлѣбъ, крупу, сало, говядину, соль и проч., а на одѣяніе отдаютъ свое поношенное платье. Все это доставляется такъ аккуратно, что призрѣваемые никогда не терпятъ недостатка ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ. Въ томъ же домѣ отбываются разныя совѣщанія братчиковъ. Для совѣща-

ній они обыкновенно собираются сюда, по праздникамъ, предъ божественною литургіей, сей часъ послѣ заутрени. Тутъ они также дѣлаютъ восковыя свѣчи, моютъ церковное бѣлье и очищаюъ церковную утварь, подъ наблюденіемъ церковнаго старосты и старшихъ братчиковъ.

Сверхъ того, старшіе братчики считаютъ своимъ долгомъ—наблюдать за прочими братчиками и всѣми прихожанами, дабы никто изъ нихъ не уклонялся отъ исполненія христіанскихъ обязанностей. Погрѣшающихъ противъ чистоты христіанской нравственности, не уважающихъ святости воскресныхъ и праздничныхъ дней, не бывающихъ ежегодно у исповѣди и св. причастія, лѣнящихся ходить на богослуженіе въ церковь Божію, непочтительно обращающихся съ своими родителями, братчики стараются вразумлять мѣрами кроткаго убѣжденія, а въ случаѣ неуспѣха, доводятъ объ нихъ до свѣдѣнія священниковъ. Замѣчательно, что при этомъ они просятъ священника подвергнуть виновнаго строгому наказанію. Покойный протоіерей Станкевичъ, управлявшій воложинскимъ приходомъ болѣе сорока лѣтъ, всегда почти, какъ говорятъ старики, удовлетворялъ подобнымъ просьбамъ. Говорятъ, по его сужденію, впрочемъ за важные проступки, братчики наказывали виновныхъ семью ударами по спинѣ веревкою отъ большаго колокола,—операція эта совершалась на колокольнѣ. Къ косяку колокольной двери привязывали на нѣсколько часовъ женщинъ, уличенныхъ въ блудодѣяніи, тогда какъ ихъ обольстители наказывались веревкою на колокольнѣ, и затѣмъ они еще должны были стоять на колѣнахъ на церковномъ погостѣ, при дверяхъ храма, во время богослуженія въ первое воскресенье послѣ новолунія, либо—лежать, въ это время, ничкомъ съ распростертыми крестообразно руками, въ храмѣ, или внѣ онаго, смотря по состоянію погоды. Такъ наказывалось прелюбодѣйство. Другіе проступки и пороки преслѣдовались съ меньшею строгостію. Иногда наказаніе ограничивалось только публичнымъ въ церкви выговоромъ, либо денежнымъ штрафомъ въ пользу братства. Всѣ такія наказанія принимались виновными безропотно. Не было примѣра, чтобы наказанный подобнымъ образомъ вздумалъ жаловаться кому либо на судъ отца протоіерея; напротивъ, нѣкоторые изъ наказанныхъ, находящіеся еще въ живыхъ, съ особенною любовію вспоминаютъ то время и о понесенномъ ими

наказаніи говорятъ, какъ объ особенной, оказанной имъ о. протоіереемъ, милости.

Но воложинскіе братчики не ограничивались только попечительностію о живыхъ. Замѣчательна заботливость ихъ и объ умершихъ. Объ упокоеніи прежде усопшихъ іереевъ и братчиковъ воложинской церкви они служатъ каждый годъ двѣ панихиды,— одна совершается во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ, а другая 2 ноября. Для панихиды, совершаемой во вторникъ Ѳоминой недѣли, приносится въ церковь обыкновенная кутья съ медомъ. Эта кутья съ возложеннымъ на ней крестомъ изъ изюма — ставится въ мискѣ на столикѣ, покрытомъ траурнымъ сукномъ, противъ мѣстной иконы Спасителя, у праваго клироса, на время, пока совершается божественная литургія объ упокоеніи душъ всѣхъ усопшихъ православныхъ христіанъ, бываемая обыкновенно въ этотъ день. Послѣ литургіи столикъ съ кутьею относится на средину церкви, гдѣ и служится панихида объ упокоеніи душъ усопшихъ іереевъ и братчиковъ церкви св. Параскевіи. При окончаніи панихиды, одинъ изъ братчиковъ принимаетъ отъ старосты выносный крестъ, а другой — хоругвь и благоговѣйно шествуютъ изъ церкви; за ними слѣдуетъ священникъ съ крестомъ, староста со святою водою, а прочіе члены причта и весь народъ, поя тихо: „Святый Боже!......" обходятъ вокругъ церкви. Возвратясь въ церковь, поютъ усопшимъ: „вѣчная память!" и приложившись ко кресту, расходятся по домамъ.

На братскія панихиды братчики приходятъ, неся съ собою большія котомки, наполненныя хлѣбомъ и разными яствами Хлѣбъ и яства они раздаютъ нищимъ, которые въ эти дни стекаются къ церкви во множествѣ. Братчикъ, подавая кусокъ хлѣба нищему, приговариваетъ: „помяни дзѣду! (или) бабко! Янукову душечку!" (или произноситъ другое какое имя). А пріемлющій милостыню отвѣчаетъ на распѣвъ слѣдующей импровизаціей:

„Помяни, Боже,
Янукову душечку
При ясныхъ свѣчахъ,
При голосныхъ звонахъ!
Даправадзь, Боже,
Янукову душечку

До раю святлого,
До неба святого!
Нехай тамъ ена
Со святыми пачиваиць,
Цябе (тебя) доуго поджидаиць,
Здороуемъ, подкрѣпляиць,
У гаспадарствѣ спріяиць,
Багатствомъ надзѣляиць!
Воусемъ твоемъ вѣку
Буць милостивымъ,
Всягды справедливымъ!
Буць къ добру скорымъ—
Ня будзешь хворымъ!
Не спи долженько,
Вставай раненько,
Ходзи у церкву чащенько,
Молись горяченько
Да Бога милого,
Да Миколая старого,
Да Юрья святого,
Да Гаспажи Дзявицы,
Да Параски манчаницы:
Кабъ дали намъ змилованье,
Паномъ упоментанье,
На свѣцѣ замиренье,
Злыдину спакаенье!
А Царю—крѣпосць, славу
На всю Яго дзѣржаву!
Какъ дни были красные,
Соунинькомъ ясные!
Лѣтечки пагадливые,
Вмѣру дождливые!"

Такимъ образомъ каждый братчикъ обходилъ нищихъ, раздавая имъ хлѣбъ, говоря имена усопшихъ для поминовенія, и выслушивая разныя импровизаціи, по образцу вышеприведенной.

Вотъ и все, что мы могли узнать о воложинскомъ братствѣ.

Съ 19-го февраля 1861 года братство это, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, вмѣстѣ со всѣмъ православнымъ людомъ, по указанію Благочестивѣйшаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, Отца—Освободителя, АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, оживилось но-

вою жизнію. Особенно въ прошломъ 1863 году оно проявило жизненную дѣятельность въ украшеніи своей приходской церкви. Въ 1863 году къ намъ явились многіе православные русскіе чиновники и все—какъ будто на подборъ—люди добрѣйшіе, Царю и отечеству слуги вѣрнѣйшіе. Наши братчики не помнили себя отъ радости, когда нѣкоторые изъ этихъ чиновниковъ пожелали и свои имена вписать въ братскую книгу. Ихъ пособіями старенькая воложинская церковь обновилась и украсилась такъ мило, что прихожане, не смотря на продолжительность богослуженія, бываемаго у насъ по праздникамъ, и по окончаніи богослуженія долго не выходятъ изъ церкви,—все любуются новыми священными одеждами и сосудами, частію пріобрѣтенными на братскія деньги, а частію пожертвованными русскимъ обществомъ. Особенно крестьяне здѣшніе любятъ долго и благоговѣйно смотрѣть на икону св. Благовѣрнаго Александра Невскаго, купленную братствомъ, въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Свящ. Антоній Адамовичъ.

УСТАВЪ „православнаго, свято-Никольскаго ковенскаго братства."

На подлинномъ собственною его высокопреосвященства, высокопреосвященнѣйшаго Іосифа митрополита Литовскаго и Виленскаго рукою написано:

„Утверждаю—и да благословитъ Господь это братство на доброе дѣло! Іосифъ митрополитъ."

Незабвенныя для исторіи, какъ ея мрачная страница, но, благодаря Бога, забываемыя мѣстнымъ населеніемъ, недавнія событія, а еще болѣе совершившійся переворотъ освобожденія крестьянъ вызвали и вызываютъ въ здѣшній край русскихъ дѣятелей и русское сельское населеніе изъ срединной Россіи. Прибывшіе и прибывающіе въ здѣшній край не находятъ въ православныхъ его храмахъ такого же благолѣпія, съ какимъ сжились на мѣстахъ своего рожденія, тѣмъ менѣе находятъ средствъ для христіанской благотворительности въ отношеніи къ своимъ единовѣрцамъ. Но безъ большаго труда они убѣждаются, что всему родному здѣсь есть исторически-родственная почва: она

коренится въ разбросанныхъ документальныхъ свидѣтельствахъ въ живучихъ преданіяхъ, всего болѣе въ живомъ чувствѣ мѣстныхъ православныхъ старожиловъ, которыхъ доблестное служеніе долгу гражданскому поддерживалось силою живущихъ въ нихъ слѣдовъ старины и неизмѣнно-крѣпкою надеждою на лучшее будущее. Они оставались вѣрны своему долгу въ силу твердой вѣры, что рано или поздно, на глазахъ-ли живущихъ, или за ними послѣдующихъ поколѣній, такъ или иначе, старина воскреснетъ во всей полнотѣ историческихъ правъ своихъ. И дѣйствительно, все, что недавно для большинства было несбыточною надеждой, а для немногихъ только чаяніемъ и руководящимъ предчувствіемъ, становится теперь общимъ убѣжденіемъ и, въ силу этого приближается къ переходу въ явленіе. Для этой цѣли все уже постановлено правительствомъ. По идеѣ его, неусыпно руководящей краемъ, необходимо, чтобы всѣ его органы, и изстари здѣсь живущіе, и вновь прибывшіе, и все, что съ ними и за ними, какъ одна мысль и воля, какъ общественная, но единая сила, трудились и работали надъ возстановленіемъ всего исторически даннаго. Въ виду такого требованія, носители и служители настоящей идеи, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, прежде и сильнѣе всего проникаются исконно кореннымъ убѣжденіемъ, что здѣсь и всюду, нынѣ и всегда государственная сила наша возросла и доселѣ заемлетъ мощный ростъ свой изъ своей прочнѣйшей основы—православія. Съ этимъ убѣжденіемъ неразрывно русское чувство, нудящее, чтобы православные храмы, какъ въ срединной Россіи, росли числомъ и красовались благолѣпіемъ, чтобы, кромѣ того, они сдѣлались соединительными пунктами для дѣлъ христіанской благотворительности. И такъ, какъ здѣсь, такъ и всюду, но здѣсь гораздо болѣе, чѣмъ гдѣ либо, намъ нужны храмы, и при томъ благолѣпные,—мы желаемъ найти въ средѣ своей и собрать средства для утоленія этой нужды. Прихожане нынѣ существующихъ и вновь строящихся православныхъ храмовъ въ ковенской губерніи, не смотря на свою малочисленность, крѣпко вѣрятъ, что для такой нужды скудныя средства ихъ не недостаточны, что въ дружномъ стремленіи къ этой цѣли ободритъ, а въ достиженіи ея безчисленными руками поможетъ вся великая носительница русскаго чувства, православная Россія.

Такова въ главныхъ чертахъ мысль, а изъ нея ясна и задача православнаго братства въ Ковно.

Прихожане Ковенскаго собора, чтобы не отсрочивать желанного собранія братства, имѣютъ въ виду и покорнѣйше просятъ, при зимнемъ ковенскомъ соборѣ, открыть его въ ближайшій ковенскій храмовой и всероссійскій церковный, государственный и народный праздникъ—чествованія великаго Спасителя и Чудотворца Николая и тезоименитства Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣдника Цесаревича, т. е. 6-го декабря. Отъ дня событія братчики-учредители заимствуютъ именованіе братства: „Православное свято-Никольское ковенское братство." Пускай память событія живетъ въ самомъ наименованіи братства.

§ 1. Дѣятельность братства простирается на всѣ православные приходы ковенской губерніи: оно заботится о благолѣпіи храмовъ и употребляетъ собираемыя средства вообще на дѣла христіанской любви и благотворительности.

§ 2. Но кромѣ матеріальнаго вспомоществованія братство имѣетъ въ виду содѣйствовать распространенію и развитію въ народѣ добрыхъ нравовъ, и для того, если средства позволятъ, слѣдитъ за развитіемъ школъ приходскихъ и народныхъ, поощряетъ небольшими преміями и съ одобренія цензуры печатаетъ на свой счетъ, или пріобрѣтаетъ покупкою и распространяетъ по училищнымъ библіотекамъ небольшія, способствующія цѣли, сочиненія.

§ 3. Немедленно по утвержденіи учрежденія, братчики изготовляютъ для зимняго ковенскаго собора во имя Святителя и Чудотворца Николая двѣ хоругви съ изображеніями Господа Вседержителя и Казанской иконы Богоматери на одной, и Святителя Николая и Св. Архангела Михаила на другой, съ надписями на обѣихъ: „Хоругвь Православнаго Свято-Никольскаго Ковенскаго братства, открытаго 6 декабря 1864 г." При хоругвяхъ устрояются кружки для вкладовъ съ приличными надписями. Хоругви носятся при всѣхъ крестныхъ ходахъ и при погребеніи почившихъ братчиковъ.

§ 4. Братство имѣетъ свою печать для даровой пересылки корреспонденціи, на что, по утвержденіи устава, испрашиваетъ разрѣшенія.

§ 5. Въ число членовъ братства приглашаются всѣ совершеннолѣтнія лица обоего пола, всѣхъ сословій и со всѣхъ концовъ Россіи, но исключительно православнаго исповѣданія.

§ 6. Вносящіе не менѣе пяти рублей въ годъ имѣютъ право совѣщательнаго голоса на общихъ собраніяхъ. Неимѣющіе голоса жертвуютъ по мѣрѣ усердія и средствъ.

§ 7. Братчики могутъ избирать почетнаго председателя и почетныхъ членовъ.

§ 8. Братство управляется советомъ, отъ имени котораго исходятъ все распоряженія и производятся все сношенія.

§ 9. Советъ состоитъ изъ 12 членовъ, вместе съ председателемъ, казначеемъ и делопроизводителемъ.

§ 10. Советъ составляется изъ братчиковъ учредителей и пополняется до 12 по выбору всехъ братчиковъ.

§ 11. Члены совета меняются ежегодно по выбору всехъ братчиковъ, имеющихъ право совещательнаго голоса. Въ случае выбытія кого либо изъ членовъ, число ихъ пополняется немедленно выборами въ несрочныхъ собраніяхъ.

Примечаніе. Каждый членъ совета можетъ быть избранъ и на следующій годъ, если пожелаетъ.

§ 12. Каждый членъ совета имеетъ право отказаться отъ участіи въ немъ, но предваривъ объ этомъ запискою въ советъ.

§ 13. Председатель совета избирается членами совета изъ среды своей.

§ 14. Все дела братства решаются советомъ по большинству голосовъ; въ случае равенства ихъ приводится въ исполненіе решеніе той стороны, къ которой принадлежитъ голосъ председателя.

§ 15. Председатель созываетъ обыкновенныя и чрезвычайныя собранія, какъ членовъ совета, такъ и всехъ братчиковъ, имеющихъ право совещательнаго голоса, поддерживаетъ порядокъ въ совещаніяхъ, подписываетъ важнейшія бумаги братства, почтовыя объявленія и приходо-расходныя книги.

§ 16. Казначей совета ведетъ приходо-расходныя книги братства, составляетъ годичные отчеты, принимаетъ и пересылаетъ денежныя корреспонденціи и ведетъ мелочные расходы по определеніямъ совета.

§ 17. Делопроизводитель совета заведуетъ канцелярскими делами братства, какъ то: получаетъ съ почты адресованные на имя совета простые пакеты, ведетъ журналы бумагъ, входящихъ и исходящихъ, докладываетъ собранію совета содержаніе первыхъ и составляетъ, согласно определенію совета, ответныя бумаги, ведетъ журналъ заседаній совета, скрепляетъ все документы братства и бумаги, исходящія изъ совета и т. п.

Примечаніе 1-е. Казначей и делопроизводитель избираются изъ членовъ совета и пользуются правомъ голоса наравне съ другими его членами.

Примѣчаніе 2-е. Если не найдется лица, которое взяло бы на себя дѣлопроизводство безмездно, то братство назначаетъ за то возможное по своимъ средствамъ вознагражденіе. Предсѣдатель и казначей несутъ свои обязанности безмездно.

§ 18. Совѣтъ имѣетъ постоянныя засѣданія однажды въ мѣсяцъ и чрезвычайныя по случаю какой нибудь особенной надобности. Во всѣ засѣданія приглашаются члены совѣта и братства повѣсткою за подписью предсѣдателя, или исправляющаго должность его члена братства.

§ 19. Всѣ обращенія къ братству поступаютъ прямо въ совѣтъ его.

§ 20. Братскія суммы составляются изъ добровольныхъ пожертвованій, какъ братчиковъ, такъ и всѣхъ жертвователей.

§ 21. Въ совѣтѣ братства будутъ ведены книги прихода и расхода, прошнурованныя и скрѣпленныя по листамъ и въ концѣ книги предсѣдателемъ совѣта, дѣлопроизводителемъ и печатью братства.

§ 22. Кромѣ этихъ книгъ братство имѣетъ право снабдить такими же прошнурованными и скрѣпленными книгами иногородныхъ своихъ сотрудниковъ для сбора пожертвованій въ пользу братства.

§ 23. При значительномъ накопленіи капиталовъ братства, совѣтъ для приращенія ихъ процентами можетъ покупать процентныя бумаги и хранить ихъ съ прочими капиталами въ казнохранилищѣ ковенскаго собора, въ запечатанномъ печатью братства и дѣлопроизводителя сундукѣ, ключи отъ котораго будутъ находиться одинъ у казначея, а другой у одного изъ членовъ совѣта. Въ этомъ же сундукѣ должна храниться тетрадь, въ которой записываются взносы и выемка братскихъ денегъ.

§ 24. На непредвидѣнные мелочные расходы у казначея можетъ быть на рукахъ братскихъ денегъ до пятидесяти р. с. Полученіе же денегъ изъ казнохранилища братства производится по рѣшенію совѣта въ сообществѣ казначея и одного члена Совѣта.

§ 25. О всѣхъ пожертвованіяхъ совѣтъ братства публикуетъ въ одномъ изъ повременныхъ изданій въ сроки, по мѣрѣ накопленія пожертвованій.

Подлинное подписали: Братчики учредители: *Епископъ Александръ, Н. Муравьевъ, Г. Толстой, Н. Деревицкій, А. Энгельмейеръ, Григорій Жеребцовъ, М. Смоленскій, Иванъ Шульгинъ, Н. Новиковъ, Ѳ. Львовъ, соборный Протоіерей Захарій Сухановъ.*

Тайныя польскія школы въ юго-западномъ краѣ Россіи до 1863 года.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, въ юго-западныхъ губерніяхъ составилось общество учебнаго пособія польскому народу. Оно имѣло свой уставъ и свой комитетъ въ Кіевѣ изъ 12 человѣкъ, изъ которыхъ пять избирались ежегодно отъ университетской корпораціи, а остальные чрезъ каждые три года, во время контрактовъ, отъ другихъ сословій. Въ каждомъ уѣздѣ комитетъ имѣлъ своихъ коллекторовъ для сбора пожертвованій, постоянныхъ и случайныхъ, съ концертовъ, театральныхъ представленій, лотерей, книжныхъ изданій и т. п.

По уставу, каждый изъ членовъ общества обязанъ былъ: исполнять по мѣрѣ возможности порученія комитета касательно учебнаго дѣла, сообщать комитету личныя и письменныя замѣчанія объ этомъ предметѣ, а равно свѣдѣнія о мѣстныхъ потребностяхъ въ отношеніи школокъ, и *избѣгать всего, что могло бы обнаружить и компрометировать дѣятельность общества.* Члены получали годовые отчеты о дѣйствіяхъ и капиталахъ общества. Комитетъ составлялъ ежегодную роспись расходовъ, полагалъ въ кассу нужныя на это деньги, а остальныя отдавалъ на проценты; замѣщалъ учительскія должности, по рекомендаціи по крайней мѣрѣ двухъ членовъ, лицами, достаточно испытанными въ педагогическихъ познаніяхъ и въ искренности принимаемаго ими на себя посвященія такому призванію (непремѣнное условіе для кандидатовъ въ учители состояло въ томъ, чтобъ они были *поляки и р. католики*). Далѣе, комитетъ содержалъ въ Кіевѣ библіотеку изъ выходящихъ въ Польшѣ и за границей сочиненій, имѣющихъ цѣлью народное образованіе, а также складъ элементарныхъ книгъ, которыя выписывались въ достаточномъ количествѣ для разсылки въ школки; ежегодно пересматривалъ и исправлялъ учебную инструкцію для учителей; составлялъ годовые отчеты; наконецъ два раза въ году повѣрялъ чрезъ своихъ членовъ состояніе каждой изъ школокъ, находящихся въ его вѣдѣніи и управленіи. Предсѣдатель комитета назначалъ время и мѣсто для засѣданій, велъ переписку отъ имени общества и содержалъ архивъ. Одного изъ членовъ комитетъ избиралъ въ библіотекари, а другаго въ кассиры. Школы предполагалось открывать при костелахъ, при фабрикахъ и

везде. где мѣстныя условія благопріятствуютъ тому. Еще до основанія школки, комитетъ обязанъ былъ снестись съ мѣстнымъ пробощемъ и помѣщикомъ, или инымъ лицомъ, принимавшимъ на себя попечительство надъ предполагаемою школкою, узнать о численности населенія, для котораго она устраивалась, о средствахъ, какими она можетъ пользоваться отъ мѣстнихъ приношеній, о числѣ дѣтей, могущихъ обучаться въ школѣ, и т. д. Затѣмъ комитетъ снабжалъ школку учителемъ, книгами и, по мѣрѣ возможности, деньгами. Школка должна была имѣть помѣщеніе для учителя и для учениковъ, постоянно въ ней живующихъ, часть земли и огородъ. Всякія послуги при школѣ и въ огородѣ исполнялись учениками, по ихъ силамъ, и въ свободное отъ ученія время; для тяжелыхъ же работъ (носки воды, рубки дровъ, топки въ печахъ и т. п.), долженъ былъ состоять при школкѣ сторожъ. Въ школку принимались дѣти крестьянъ, мѣщанъ и чиновной шляхты, *безъ различія вѣроисповѣданій, лишь бы только это не навлекло на школу преслѣдованія со стороны правительства.* Комитетъ платилъ жалованья учителю по 10 рублей за каждаго ученика; если же ихъ больше тридцати, то за тридцать перваго и слѣдующихъ учениковъ по 5 руб. онъ же снабжалъ школку всѣми учебными средствами, если мѣстныя пожертвованія оказывались для сего недостаточными. За обученіе и содержаніе учениковъ ни учитель, ни пробощъ и никто не должны были требовать съ нихъ никакого платежа: но если бы кто изъ отдающихъ дѣтей въ обученіе пожелалъ пожертвовать что нибудь отъ себя, то пробощъ, или же попечитель, долженъ былъ принимать это не какъ плату за ученіе, а какъ приношеніе въ пользу школы. Тамъ, гдѣ было болѣе 30 учениковъ, комитетъ назначалъ въ помощь учителю помощника, съ платою по 50 руб. въ годъ. Устроивъ и снабдивъ школку, комитетъ долженъ былъ печься о ней постоянно, при посредствѣ того мѣстнаго попечительства, съ которымъ состоялъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ чрезъ одного изъ своихъ членовъ.

Мѣстное попечительство составлялось изъ пробоща, когда школка существовала при приходѣ, изъ учителя и попечителя, или попечительницы, изъ мѣстныхъ дворянъ. Оно должно было прилагать всѣ старанія къ тому, чтобъ убѣждать мѣстное населеніе въ необходимости просвѣщенія, устранять для родителей

затрудненія въ отдачѣ дѣтей въ школку, обезпечивать для нея фундуши, заботиться о сохраненіи здоровья воспитанниковъ, изыскивать средства поощренія для нихъ. *Пробощъ*, а если школка не при приходѣ, то *учитель*, либо *попечитель, принимали на свою отвѣтственность сохраненіе школки отъ преслѣдованія полиціи.* Пробощъ преподавалъ законъ Божій и долженъ былъ стараться, чтобы всѣ дѣти въ его приходѣ отъ 7 до 15 лѣтъ не выростали безъ воспитанія въ школкѣ. Учитель, кромѣ учебныхъ занятій, обязанъ былъ способствовать процвѣтанію школки, пріобрѣтая себѣ довѣріе и уваженіе въ народѣ, *братаясь съ нимъ*, служа ему добрымъ совѣтомъ и сочувствіемъ, а главное—доказывая ему, что принимаетъ со всею любовью въ свое попеченіе ввѣряемыхъ ему дѣтей; а въ отношеніи къ комитету, принявъ на себя главную часть труда для просвѣщенія народа, учитель обязанъ былъ обращаться къ нему съ полнымъ довѣріемъ за совѣтомъ и помощію и доставлять ему самыя подробныя свѣдѣнія о состояніи школки во всѣхъ отношеніяхъ и сообразно съ начертанною программой.

Кіевскій комитетъ установленъ былъ въ Кіевѣ, послѣ 1855 г., *съ согласія помѣщиковъ, во время выборовъ*, и получилъ тогда же утвержденіе своихъ проектовъ. Соперникомъ кіевскому явился *таращанскій* комитетъ, составленный *помѣщиками этого уѣзда*, во время съѣзда ихъ въ мѣстечкѣ Ставищѣ, происходившаго *зимою, въ исходѣ 1861 года.* Здѣсь составленъ былъ *проектъ для школокъ*, который положено было ввести съ 1862 года, не только въ таращанскомъ уѣздѣ, но и во всѣхъ школахъ трехъ губерній. Таращанскій комитетъ, состоявшій подъ предсѣдательствомъ тамошняго уѣзднаго предводителя, стремился къ отдѣльному существованію и управленію школками, не признавалъ за кіевскимъ комитетомъ права распоряжаться, а оставлялъ за нимъ только обязанность поставлять учителей.

Между тѣмъ кіевскій комитетъ продолжалъ издавать отъ себя *правила* для сельскихъ школокъ и учителей при нихъ. Очень немногіе не одобряли въ нихъ параграфа объ учителяхъ, дѣлающаго изъ нихъ не иное что, какъ политическихъ агентовъ; большинство было того мнѣнія, что учителю слѣдуетъ дѣйствовать не на однихъ учениковъ, но и на ихъ родителей, само собою разумѣется, *скрытно и осторожно, чтобъ и свою берегли кожу.*

Корреспонденція комитета передавалась въ уѣзды и обратно чрезъ надежныхъ лицъ. Учебныя книги, даже изданныя съ раз-

рѣшенія цензуры, пересылались тѣмъ же путемъ. Устройствомъ сельскихъ школокъ занимались серіозно помѣщики всѣхъ трехъ губерній. Объ открытіи такихъ школокъ, о назначенныхъ при нихъ учителяхъ, о преподаваніи въ нихъ, само собою разумѣется, не дѣлалось *никакихъ заявленій начальству.*

Въ числѣ учениковъ были *не одни р. католики, но и русскія православныя дѣти.*

Въ сельскихъ школахъ въ *Ладыжинѣ, Багвѣ, Тетіевѣ и Ямполѣ,* ученики ежедневно ходили *въ костелъ* къ обѣднѣ, затѣмъ утромъ и по полудни преподавались имъ всѣ предметы не иначе какъ на *польскомъ* языкѣ; въ исторіи, литературѣ, географіи, исключительно обращалось вниманіе на то, что относилось къ сельскому хозяйству, законамъ, обычаямъ и нынѣшнему положенію польской земли, словомъ, на всѣ, такъ-названные *польскіе* предметы. Обученіе русскому языку ограничивалось только тѣмъ, чтобъ ученики могли понимать этотъ языкъ; болѣе спеціяльное обученіе предоставлялось *русинскому языку, но съ тѣмъ, чтобъ азбука для него была употребляема польская.* Для географіи и исторіи Польши были употребляемы писанные учебники, или же такія книги какъ *Wyciąg z geografii polskiéj*, о которой цензурный комитетъ отозвался, что она составлена для доказательства мнимой принадлежности западнаго края Россіи къ Польшѣ. Въ ямпольской школѣ предполагалось давать избраннымъ изъ другихъ школокъ ученикамъ высшее воспитаніе, такъ чтобы они могли обходиться безъ гимназическаго ученія, съ цѣлью приготовленія ихъ въ сельскіе учители и съ тѣмъ, чтобъ они обязались подчиниться потомъ распоряженіямъ школьныхъ попечителей. Если судить по дѣятельности разосланныхъ въ разныя школки сельскихъ учителей, замѣчаетъ „*Кіевлянинъ,*“ то общество учебнаго пособія и его комитетъ имѣли въ нихъ самыхъ примѣрныхъ дѣятелей и исполнителей.

Кромѣ назначенныхъ для школокъ учебныхъ руководствъ, онѣ имѣли при себѣ въ запасѣ множество писанныхъ *революціонныхъ сочиненій, портреты* политическихъ преступниковъ, конечно для чтенія и обученія своихъ учениковъ. Нѣкоторые изъ учителей, не смотря на воспрещенія мѣстныхъ благочинныхъ, собирали православныхъ дѣтей въ школы, хотя считались собственно не учителями, а винокуренными писарями и офиціялистами у помѣщиковъ. Въ тетіевской школкѣ, съ тѣми учениками, которые говорили по-русски и не знали по-польски

ни слова, учитель говорилъ не иначе какъ на польскомъ языкѣ, дѣлалъ отмѣтки и поправки на ученическихъ тетрадяхъ тоже по-польски, пока наконецъ не переучивалъ учениковъ на свой ладъ. Чтобы дать школкамъ внутреннее устройство и управленіе, была сочинена и введена *инструкція для дневальныхъ*, которою опредѣлялась вся школьная жизнь ученика, требовавшая отъ него: *зачесываться по-польски, молиться по-польски, разговаривать только на польскомъ языкѣ, полонизироваться въ обращеніи со старшими и съ сотоварищами.* Преподаваніе религіи ксендзы взяли на себя, но не смотря на то, былъ написанъ для учениковъ цѣлый *кругъ польскихъ молитвъ* утреннихъ, вечернихъ, на разные случаи, съ добавленіями къ нимъ гимновъ революціоннаго содержанія. Все это дѣлалось съ цѣлью воздѣлывать и усовершенствовать юные умы, въ которыхъ готовится, какъ выражались поляки, „наша будущность, слава нашей исторіи." Они не ограничивали своей дѣятельности занятіями только съ дѣтьми, и не упускали случая обрабатывать въ нравственномъ и національномъ отношеніи и сердца поселянъ, родителей учениковъ; для этого старались войдти къ нимъ въ довѣріе, посѣщали избы, и т. п. - Не смотря на препятствія, они хотѣли непремѣнно основать и воскресныя чтенія.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло таинственныхъ школокъ въ концѣ 1862 года. Повстанье вывело ихъ на свѣжкую воду, и мѣстная администрація приняла мѣры къ прекращенію зла. (Моск. Вѣд.)

Двѣ корреспонденціи изъ Царства Польскаго.

На дняхъ въ Варшавѣ (пишетъ корреспондентъ *С. Петербургскихъ Вѣдомостей*) задержанъ совершенно случайно одинъ революціонеръ, который, какъ въ послѣдствіи оказалось, былъ весьма важнымъ политическимъ преступникомъ и, кромѣ того, организаторомъ и начальникомъ разныхъ бандъ.

Извѣстно, что въ Варшавѣ и въ настоящее время, по случаю военнаго положенія, всѣ частные жители города должны вечеромъ, послѣ опредѣленнаго часа, ходить по улицамъ непремѣнно съ зажженнымъ фонаремъ. Кто не исполняетъ этого требованія, того стойковые или ревировые начальники арестовываютъ и отвозятъ въ свою часть (цыркулъ), гдѣ дежурный чиновникъ разспрашиваетъ приведеннаго: кто онъ, гдѣ живетъ, имѣетъ ли при

себѣ какой-нибудь видъ, доказывающій, что онъ дѣйствительно тотъ, за кого себя выдаетъ (въ Варшавѣ, каждый, выходящій на улицу, долженъ непремѣнно имѣть при себѣ установленный видъ) и т. д. Если при этомъ показанія приведеннаго справедливы и нѣтъ ничего подозрительнаго, то онъ выпускается. Если же встрѣтится хотя малѣйшее сомнѣніе, то арестованнаго за хожденіе по городу безъ фонаря вечеромъ, отправляютъ для повѣрки въ ратушу, въ полицейскій арестъ. Вечеромъ, послѣ девяти часовъ 28-го мая, въ 9-й части былъ арестованъ ревировымъ начальникомъ человѣкъ, который въ части объявилъ, что онъ Маріанъ Бужинскій, прусскій подданный, пріѣхалъ въ Варшаву по своимъ дѣламъ изъ за границы и потому не зналъ здѣшнихъ правилъ; однако при этомъ не могъ ничѣмъ доказать, что онъ дѣйствительно Бужинскій, хотя каждому пріѣзжающему въ Варшаву изъ-за границы по желѣзной дорогѣ, по отобраніи заграничнаго паспорта, который отправляется въ паспортное отдѣленіе, выдается карточка, свидѣтельствующая, что личность, имѣющая эту карточку, дѣйствительно пріѣхала изъ-за границы. Поэтому Маріанъ Бужинскій, какъ сомнительная личность, былъ отправленъ въ ратушу, гдѣ на другой день былъ потребованъ для показаній во временную при варшавскомъ оберъ-полицеймейстерѣ коммисію. По повѣркѣ его показаній оказалось, что паспортъ заграничный выданъ ему прусскими властями 28-го января настоящаго года, за № 6,322 срокомъ на одинъ годъ. Этого обстоятельства было бы уже вполнѣ достаточно, чтобы освободить изъ-подъ ареста Бужинскаго; но при повѣркѣ паспорта въ коммиссіи обратили вниманіе на описаніе личности задержаннаго. Въ паспортѣ было сказано, что особенныхъ примѣтъ не имѣетъ, тогда какъ Бужинскій не имѣлъ лѣваго глаза, который у него вытекъ. Отъ Бужинскаго потребовали объясненія. Бужинскій, вслѣдствіе того, что не имѣлъ одного глаза, носилъ темные синіе очки, что и заставило принять его за подозрительнаго человѣка. При допросѣ онъ не могъ объяснить, почему въ его паспортѣ не упомянуто о глазѣ, и началъ мѣшаться въ своихъ показаніяхъ; а послѣ долгихъ изворотливыхъ объясненій и оправданій онъ до того смѣшался, что объявилъ, что фамилія его Бужинскій—фальшивая и сознался, что онъ пріѣхалъ въ Варшаву, хотя съ дѣйствительнымъ паспортомъ, но выданнымъ подъ чужою фамиліею. Настоящая его фамилія *Владиславъ Плоисковскій*, русскій подданный, 26 лѣтъ отъ роду, изъ дворянъ Царства Польскаго, сынъ Станислава и Марьи Плоисковскихъ, про-

живающихъ и въ настоящее время въ деревнѣ *Пясечно*, липновскаго уѣзда. Воспитывался онъ нѣкоторое время за границею, въ Пруссіи; знаетъ хорошо нѣмецкій языкъ, и потому, какъ только былъ приведенъ въ коммисію, прикинулся нѣмцемъ, не знающимъ по польски, но послѣ признанія, заговорилъ чистымъ польскимъ языкомъ. Въ концѣ 1862 года онъ бѣжалъ изъ Царства Польскаго безъ паспорта, въ великое княжество познанское, тамъ сформировалъ банду и въ началѣ 1863 года перешелъ съ нею въ Царство и присоединился къ шайкѣ Меленцкаго, получивъ чинъ капитана повстанской арміи и назначеніе командовать пѣхотою. У него подъ командою служилъ нѣкто Маріанъ Бужинскій, прусскій подданный, житель мѣстечка Бродинцы, очень похожій на него, и хорошій его пріятель. Когда банда Меленцкаго была разбита, Маріанъ Бужинскій былъ убитъ; Меленцкій бѣжалъ, а самъ Владиславъ Плоисковскій, забравъ бумаги Бужинскаго, для большей безопасности принялъ его фамилію и съ остатками разбитой банды скрылся въ казимировскихъ лѣсахъ. Съ этого времени онъ былъ уже извѣстенъ какъ начальникъ банды Бужинскій. Въ 1863 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, онъ присоединился съ остатками своей банды къ начальнику Юнгу, который завѣдывалъ въ то время тремя отрядами, и Бужинскому поручилъ командовать кавалеріею; черезъ нѣсколько дней, именно 26-го апрѣля того же года, въ стычкѣ съ нашими войсками, возлѣ деревни Новая-Весь, Бужинскій былъ контуженъ въ лѣвый глазъ, который у него, вслѣдствіе этого, вытекъ; но, по излѣченіи, онъ снова командовалъ кавалеріею въ бандѣ Рачковскаго, въ которой, при вторичной стычкѣ съ нашими войсками возлѣ деревни *Клечово*, былъ два раза раненъ саблею въ голову и руку, но не отправился въ больницу, а лѣчился при бандѣ. По выздоровленіи онъ поѣхалъ самъ безъ банды въ липновскій уѣздъ и тамъ присоединился къ бандѣ Замечки, гдѣ уже, какъ испытанный и бывалый воинъ, принялъ снова командованіе надъ кавалеріею, и съ іюня мѣсяца того же года по 24-е января 1864 г. находился два раза въ стычкѣ съ нашими войсками. По окончательномъ разбитіи шайки Замечка, онъ опять бѣжалъ въ Пруссію и до марта мѣсяца, недалеко отъ г. Кролевца, занимался организаціею новой банды, которую составилъ изъ 400 человѣкъ конныхъ и пѣшихъ. Въ концѣ марта 1864 года онъ вмѣстѣ съ Брудеромъ вступилъ въ предѣлы Царства Польскаго въ чинѣ маіора, который получилъ отъ повстанскаго генерала Гаштофа и тогда уже сталъ самостоятельнымъ начальникомъ банды. Одна-

ко не долго онъ гулялъ съ своею бандою; спустя нѣсколько дней послѣ вступленія въ Царство Польское, банда его. возлѣ деревни Длутова была совершенно разбита нашими войсками, такъ что Бужинскій самъ едва успѣлъ бѣжать въ Пруссію и на пути у деревни *Клонога* былъ арестованъ прусскими войсками и отправленъ въ Берлинъ, гдѣ содержался въ тамошней политической тюрьмѣ съ апрѣля мѣсяца по 15-е ноября 1864 года, но былъ оправданъ и освобожденъ, какъ прусскій подданный подъ названіемъ Маріана Бужинскаго, жителя мѣстечка Бродница; послѣ чего, какъ эмигрантъ, поѣхалъ не въ м. Бродницу, а въ Парижъ, гдѣ прожилъ три недѣли; познакомился тамъ съ однимъ прусскимъ подданнымъ, жителемъ м. Бродницы, узналъ, что онъ зналъ тамъ Бужинскаго и его родственниковъ, распросилъ всѣ подробности жизни этого семейства и тогда уже, какъ настоящій Маріанъ Бужинскій, отправился въ Пруссію въ м. Бродницу, гдѣ былъ принятъ какъ Бужинскій. При помощи семейства Бужинскаго, ему удалось получить законный заграничный паспортъ, съ которымъ онъ и пріѣхалъ въ Варшаву подъ предлогомъ пріискать себѣ здѣсь какое-нибудь занятіе.

Такъ какъ изъ всего видно, что Маріанъ Бужинскій важный политическій преступникъ, то для дальнѣйшаго разслѣдованія его показаній, онъ переданъ въ вѣдѣніе временной военно-слѣдственной коммиссіи при намѣстникѣ, подъ предсѣдательствомъ полковника Тухолки.

Съ верхней Вислы, отъ 14 мая, сообщаютъ въ *„Варшавскій Дневникъ:“* Въ настоящую минуту, всѣ наши паны заняты интереснымъ фактомъ, сообщеннымъ въ *„Русскій Инвалидъ“* однимъ изъ русскихъ, занимающихся здѣсь по крестьянскому дѣлу, о жестоковстяхъ помѣщиковъ опочинскаго уѣзда, Радвана и Доманьскаго. Многіе, утѣшая себя надеждой, что „это можетъ быть и не правда“, не хотятъ этому и вѣрить. Люди же, ближе знакомые съ дѣломъ, сообщаютъ слѣдующее: г. Доманьскій обвиняется въ томъ, что во время повстанья онъ былъ Главнымъ окружнымъ начальникомъ въ опочинскомъ уѣздѣ. Съ самаго начала движенія, цѣлью организаторовъ было, какъ можно болѣе взволновать мужиковъ всѣми возможными средствами. Въ это-то горячее время, однажды, г. Доманьскій распоряжался высылкой крестьянъ, назначенныхъ въ банды, къ сборному пункту въ г. *Опочно*; когда онъ собралъ мужиковъ своей деревни и сказалъ имъ рѣчь, назначивъ молодыхъ парней въ партію, то

старый мужикъ *Киліанчикъ* смѣло выступилъ впередъ, и сказалъ крестьянамъ нѣсколько словъ при самомъ Доманьскомъ: „хлопцы! я помню революцію 30 года; много тогда пошло изъ нашей деревни подъ Варшаву, но изъ двадцати человѣкъ вернулось домой едва только трое. А что мы нашли дома?—избы наши были пусты, жены многихъ поумирали вмѣстѣ съ дѣтьми, однѣ отъ болѣзни, другія отъ голода. Къ чему все это повело?! Хлопцы! не слушайтесь, говорю вамъ.“ Эта смѣлая рѣчь, въ виду самаго „ясне-вельможнаго“, убѣдила крестьянъ остаться, тѣмъ болѣе, что другой старикъ, изъ ихъ же громады, поддерждлъ рѣчь Киліанчика своими воспомнаніями, и ни одинъ изъ назначенныхъ въ партію не рѣшился двинутся за паномъ. На угрозы со стороны Доманьскаго старикамъ, взбунтовавшимъ противъ него крестьянъ, Киліанчикъ отвѣтилъ, что онъ „всегда готовъ скорѣе сложить свои кости въ родной избѣ, нежели Богъ знаетъ гдѣ“. При этомъ старикъ, замѣтивъ, что недалеко отъ ихъ деревни, полемъ по направленію къ Опочно, изъ знакомой ему древни, уже пробирается партія новобранцевъ, послалъ своего сына, только-что назначеннаго Доманьскимъ на слѣдованіе въ г. Опочно, вернуть шедшую партію, такъ какъ изъ ихъ деревни никто не идетъ въ Опочно. Крестьяне, зная старика, послушались совѣта. Разумѣется, такіе поступки простыхъ хлоповъ не остановили г. организатора на пути къ достиженію предпринимаемой имъ цѣли, а заставили только позаботиться объ удаленіи старика съ поля дѣйствія. Чрезъ недѣлю оба старика были повѣшены, послѣ извѣстныхъ *панскихъ потѣхъ* надъ ними (ломанія костей живымъ людямъ и проч.). Послѣ этихъ несчастныхъ остались вдовы, съ большимъ числомъ дѣтей у каждой. Такъ какъ дѣло объ этомъ еще не кончено, то, вѣроятно, вдовы эти и не помѣщены въ спискѣ о пособіяхъ вдовамъ и сиротамъ, убитыхъ повстанцами. Не заботясь о вдовахъ сиротахъ, г-жи Радванъ и Доманьская, однакоже, подали просьбы, какъ слышно, высшимъ военнымъ властямъ съ претензіей объ удовлетвореніи за обиду изъ мужей лицомъ, объвившимъ этотъ фактъ.

Нужно замѣтить, что въ опочинскомъ уѣздѣ убитыхъ и замученныхъ повстанцами гораздо болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ уѣздѣ Польши. Число это доходитъ до 80.

Въ томъ же опочинскомъ уѣздѣ, въ теченіе одного апрѣля мѣсяца сего года, поймано было безпаспортныхъ бродягъ 183 человѣка. Всего же во всей радомской губерніи, съ февраля сего года до мая, поймано такихъ бродягъ около 680 человѣкъ; изъ

нихъ не болѣе 100—150 человѣкъ, прибывшихъ изъ-за границы, остальные мѣстные уроженцы. Большое число бродягъ показываетъ, что въ опочинскомъ уѣздѣ имъ было легче укрываться, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

Казнь мятежника Холево.

Въ „*Спб. Вѣд.*" пишутъ: Телесфоръ Холево, сынъ дворянина Антона Холево, до восьми лѣтъ воспитывался при матери, а потомъ занимался сапожнымъ и плотничьимъ ремесломъ. Лѣтомъ 1863 года, онъ отправился изъ Холевщизны въ Минскъ и на дорогѣ поступилъ въ банду къ Саковичу. Прійдя съ своими товарищами въ Городокъ, принадлежащій помѣщику Михаилу Тышкевичу, они забрали тамъ бывшихъ дворовыхъ людей и съ ними пришли въ игуменскій уѣздъ, гдѣ поступили въ распоряженіе Лесковскаго, у котораго въ бандѣ уже состояло болѣе 200 человѣкъ. Потомъ, когда эта банда настигнута войсками, разбита и послѣ 1-го ноября 1863 года распущена, то Холево, по выданному начальникомъ банды на имя Матвѣя Булгака, годовому паспорту, проживалъ въ Минскѣ, Вильнѣ, Ковнѣ и мѣстечкѣ Сморгоняхъ. Когда же потерялъ этотъ паспортъ, то, скрываясь по лѣсамъ, около Пинска, совершилъ нѣсколько преступленій, за которыя и казненъ.

Первымъ изъ этихъ преступленій было убійство пристава Ляцкаго, которое совершилъ съ дворяниномъ Хоревичемъ (пойманнымъ и разстрѣляннымъ въ декабрѣ 1864 года) и бывшимъ крестьяниномъ помѣщиковъ осецинскихъ, Доминикомъ Лапинянскимъ. Предъ убійствомъ, Холево далъ Лапинянскому испорченную двустволку, Хоревичу одноствольное ружье, а самъ имѣлъ двуствольное и пистолеты. Вооружась, они засѣли въ лѣсу и ожидали, когда приставъ Ляцкій будетъ проѣзжать въ свой фольварокъ. Когда же, послѣ долгаго ожиданія, они завидѣли подъѣзжавшій экипажъ пристава, то Холево первый выстрѣлилъ и убилъ на-поваль Ляцкаго. Ляцкій былъ родственникъ Холево и благодѣтель семейству дяди его Викентія. Телесфоръ Холево, на канунѣ убійства Ляцкаго, приходилъ ночью къ дядѣ своему Викентію и угрожалъ смертью, если онъ не дастъ хлѣба для него и его товарищей. Почему Викентій Холево, послалъ съ дѣтьми своими въ лѣсъ хлѣбъ и молоко. На другой день, узнавъ, что Ляцкій убитъ, онъ, мучимый тѣмъ, что не сообщилъ начальству о ночномъ посѣщеніи своего племянника Телесфора Холево (котораго подозрѣвалъ въ убійствѣ Ляцкаго) повѣсился.

Второе преступленіе Телесфора Холево было посягательство на жизнь пристава Пикеля. Приставъ этотъ, находясь по дѣламъ службы въ мѣстечкѣ Городкѣ, отправился 5-го августа 1864 года въ г. Минскъ, а на обратномъ пути въ Городокъ былъ раненъ двумя выстрѣлами на одиннадцатой верстѣ отъ Минска, между корчмами Боровской и Новинной, находящихся въ одноверстномъ разстояніи одна отъ другой. Одинъ выстрѣлъ былъ произведенъ картечью и попалъ въ кисть лѣвой руки Пикеля, а другой въ руку выше локтя. Осмотрясь, Пикель увидѣлъ молодаго человѣка, лѣтъ 25, съ бородой, одѣтаго въ бурку сѣраго сукна, который, выбѣжавъ изъ лѣса, погнался за повозкой и, прицѣлясь, выстрѣлилъ изъ двухствольнаго ружья. Но зарядъ пролетѣлъ мимо, около праваго уха, надъ головою кучера, пробивъ только пальто около воротника.

Кромѣ этого, какъ говорятъ, Телесфоръ Холево убилъ и своего товарища Доминика Лапинянскаго, какъ живаго свидѣтеля убійства, совершеннаго ими надъ Ляцкимъ. Холево боялся, чтобы этотъ товарищъ не выдалъ его правительству, и потому нанесъ ему нѣсколько кровавыхъ ранъ, съ которыми Лапинянскій доползъ до околицы близълежащей деревни и тамъ умеръ.

Всѣ эти преступленія при слѣдствіи были подтверждены самыми ясными уликами и доказательствами; но Телесфоръ Холево не только не сознался въ нихъ, но когда былъ пойманъ и посаженъ въ минскій острогъ, то подговорилъ бывшихъ своихъ товарищей, чтобы они отреклись и отъ тѣхъ показаній, какія ими были сдѣланы противъ него. Когда же на очныхъ ставкахъ братъ Вацлавъ и сестра Схоластика, дѣти Викентія Холевы, начали уличать Телесфора въ убійствѣ Ляцкаго и говорить, что онъ былъ причиною смерти отца ихъ, онъ засмѣялся и сказалъ, что этихъ людей онъ не знаетъ.

Вечеромъ 26-го минувшаго марта, разнеслась молва по городу Минску, что прислана изъ Вильны состоявшаяся конфирмація о Телесфорѣ Холевѣ, а на другой день, въ девять часовъ утра, преступника провезли чрезъ Минскъ, къ тому мѣсту, гдѣ онъ стрѣлялъ въ пристава Пикеля. Когда его привезли на мѣсто казни (въ 11-ти верстахъ отъ Минска) и подвели къ висѣлицѣ, то здѣсь же прочитана была конфирмація.

Встрѣча поляковъ съ англичанами.

Въ „Ostsee-Zeitung“ пишутъ: „Изъ числа поляковъ, поселен-

ныхъ австрійскимъ правительствомъ въ Ольмюцѣ, сорокъ девять человѣкъ рѣшились отправиться въ Англію. Не имѣя никакихъ денежныхъ средствъ, просили они правительство Австріи отправить ихъ на свой счетъ въ Гамбургъ, а оттуда въ Гулъ. Правительство согласилось. 5-го (17-го) мая прибыли они въ Гулъ. Но едва въ городѣ узнали о ихъ пріѣздѣ, какъ толпы народа устремились въ гавань и встрѣтили пріѣзжихъ свистками и криками негодованія, бросая въ нихъ грязью. Для избѣжанія дальнѣйшихъ оскорбленій, поляки должны были скрыться на тотъ же корабль, на которомъ пріѣхали. Туда къ нимъ явился чиновникъ правительства и объявилъ, что они не должны разсчитывать ни на какое пособіе отъ Англіи и что они сдѣлали бы лучше, еслибъ тотчасъ же отправились во Францію, гдѣ имъ скорѣе дадутъ пристанище. Дѣйствительно, ихъ въ тотъ же день отвезли на англійскомъ пароходѣ во Францію, гдѣ и высадили, 7-го (19-го) мая, прибыли они въ Парижъ, откуда ихъ на другой день отправили въ Бельфоръ (близь Страсбурга), гдѣ пока ихъ помѣстили въ казармѣ."

Еще о бердичевскомъ календарѣ.

По поводу административнаго запрещенія, которому подвергся недавно бердичевскій календарь, „*Кіевлянинъ*" сообщаетъ объ этомъ календарѣ, между прочимъ, слѣдующее: бердичевскій календарь принадлежитъ къ числу самыхъ распространенныхъ изданій: онъ расходится въ юго-западномъ краѣ въ 40,000 экземпляровъ, продается всегда и вездѣ, начиная отъ книжныхъ лавокъ и оканчивая коробками продавцовъ спичекъ и ваксы, и встрѣчается почти у всѣхъ грамотныхъ городскихъ и особенно сельскихъ жителей. Календарь этотъ, не смотря на его крайне плохое содержаніе, имѣлъ еще преимущество дешевизны, пока академія наукъ пользовалась монополіей изданія дорогаго и единственнаго календаря. Бердичевскій календарь умѣлъ вынырнуть изъ-подъ этой монополіи и издавался безъ разрѣшенія. Какія средства употребилъ онъ при этомъ—покрыто мракомъ неизвѣстности. Какъ календарь, онъ былъ изъ рукъ вонъ плохъ, но для польской пропаганды онъ представлялъ извѣстный символъ, въ родѣ конфедератки, чѣмъ, главнымъ образомъ, и вызвано его запрещеніе. „Трудно спорить," замѣчаетъ въ заключеніе „*Кіевлянинъ*,"—„противъ необходимости прекратить плохой бердичевскій календарь, издававшійся безъ законнаго разрѣшенія,

туманящій народъ, вмѣсто того, чтобы просвѣщать его, и сохраняющій за собою, въ настоящее время, одно значеніе—вывѣски католическо-польскаго вліянія въ испоконъ вѣка русскомъ и православномъ краѣ.“

Кровавый судъ въ Торнѣ *).

Въ директоріальной залѣ іезуитской семинаріи, въ Торнѣ, 2 іюля 1724 года, сидѣли за столомъ три человѣка. Столъ былъ покрытъ дорогимъ ковромъ и на немъ стояло нѣсколько бутылокъ бургонскаго вина. Предъ каждымъ изъ собесѣдниковъ сверкали наполненные виномъ стаканы, изъ которыхъ они, время отъ времени, прихлебывали. По чернымъ штанамъ и такого же цвѣта чулкамъ, по стрижкѣ волосъ и по бѣлому галстуху, сей часъ можно было узнать въ нихъ р. католическихъ монаховъ. И дѣйствительно, это были высшіе члены общества іезуитовъ. Главный изъ нихъ Константинъ Зелинскій — львовскій архіепископъ, одѣтъ былъ въ дорогую соболью шубу, покрытую чѣмъ то чернымъ; на шеѣ у него висѣлъ золотой крестъ—подарокъ папы. Другіе два патера—префектъ и прецепторъ семинаріи,—тоже, были одѣты въ черныя сутаны, застегнутыя по самое горло.

— Ну, сказалъ Зелинскій, теперь полный стаканъ за процвѣтаніе нашего общества!

— За счастливый успѣхъ нашихъ плановъ! прибавилъ префектъ.

Зазвучали стаканы и сидѣвшіе осушили ихъ до дна.

— Ну, любезные сотоварищи, продолжалъ архіепископъ тихимъ голосомъ, дѣло въ томъ, чтобы мы и здѣсь, въ Торнѣ, нанесли рѣшительный ударъ, какъ это положено. Теперь повсюду въ Польшѣ, раздраженіе достигло высшихъ предѣловъ. Наши сторонники вездѣ требуютъ подавленія еретиковъ; намъ стоитъ только приняться за дѣло и массы народа пойдутъ противъ лютеранъ—этого ядовитаго племени. Здѣсь, въ Бромбергѣ, въ Данцигѣ и во всей польской Пруссіи, еретики надѣются утвердить за собою свое исключительное положеніе; они мечтаютъ быть не законными подданными, а только вассалами республики и гордятся своими старинными привилегіями. Плюю

*) Статью эту заимствуемъ изъ Posener Zeitung.

я на эти привиллегіи, которыя для меня и для всѣхъ насъ—не дороже издохшей собаки! Намъ должно этихъ еретиковъ, проклятыхъ самимъ Богомъ, возбудить и подвести подъ уголовный судъ. Дайте только вашимъ воспитанникамъ лозунгъ и они... тогда король, хоть нѣмецъ, долженъ будетъ исполнить наше требованіе... или мы сорвемъ съ его головы корону, которая и безъ того досталась ему не по праву. Не первый разъ братья Лойолы возводятъ и низвергаютъ королей. Прочь того, кто намъ сопротивляется! Долой Августа II, если онъ захочетъ стать выше польскаго духовенства и нашего, намъ преданнаго шляхетства. Проклятіе ему и всѣмъ нѣмцамъ, нашимъ заклятымъ врагамъ.

— Справедливо сказано! произнесъ отецъ прецепторъ, всю жизнь мою я посвящаю на то, чтобы преслѣдовать нѣмцевъ; они, менѣе всѣхъ нашихъ враговъ, имѣютъ право намъ противиться.

— Есть ли оружіе въ семинаріи? спросилъ Зелинскій.

— Оружія много!—отвѣчалъ префектъ.—Если нужно будетъ, то мы можемъ всѣхъ нѣмцевъ взорвать на воздухъ.

— Теперь я уѣзжаю спокойно, продолжалъ архіепископъ, съ тѣмъ, чтобы поднять нашихъ приверженцевъ на сѣверѣ, какъ сдѣлали мои листки въ Гроднѣ, Кіевѣ, Плоцкѣ, Калишѣ, Кельцахъ и въ другихъ мѣстахъ. Кардиналъ-примасъ весь на нашей сторонѣ. Коронный гетманъ Любомірскій руководитъ конфедераціею, жаждущею лютеранской крови. И такъ, впередъ! Часто ли вы устраиваете здѣсь процессіи?

— Ближайшая будетъ въ день Св. Пія—отвѣтилъ прецепторъ.

— Хорошо. Такіе случаи—лучшій поводъ для пропаганды и возмущенія крови еретиковъ. Пусть у нихъ пѣна бьетъ изо рта, а дни ихъ сочтены. Еже ли мы уничтожимъ въ Торнѣ магистратъ, тогда дѣло наше выиграно.

Львовскій архіепископъ опорожнилъ послѣдній стаканъ и удалился, размышляя о распространеніи въ другихъ городахъ іезуитской пропаганды.

Въ это самое время, достойный президентъ города Торна, ученый протестантъ Реснеръ находился въ городской думѣ, въ присутственной комнатѣ; противъ него сидѣли вице-президентъ Цернекъ и синдикъ Германъ Мюнцъ.

— До чего все это доведетъ!—воскликнулъ президентъ пасмурно.—Іезуиты требуютъ, чтобы на всѣ печатныя сочиненія наложена была цензура.

— О, такъ далеко они еще не зашли.—возразилъ Цернекъ.—Мы пользуемся своими привиллегіями; мы не рабы польскихъ ксендзовъ.

— Слава Богу, нѣтъ!—продолжалъ Реснеръ.—Нашъ городъ протестантскій, да такимъ и останется, пока одна капла крови будетъ течь въ моихъ жилахъ. Но мы доживемъ до худшихъ еще дней. Нѣсколько уже столѣтій протекло съ тѣхъ поръ, какъ духовенсто въ Польшѣ прибрало все въ свои руки; ни что не шелохтется безъ его вѣдома! оно старается во всемъ взять перевѣсъ. Попытка истребить иновѣрцевъ очень, очень стара и никогда не прекращалась. Когда король Августъ снова былъ признанъ 3 ноярря 1716 года, конфедератами республики, тогда сообщники клятвопреступника кардинала-примаса, настояли на томъ, чтобы въ Польшѣ только римскимъ котоликамъ было предоставлено право совершать богослуженіе, а диссендентамъ, лишь втайнѣ было разрѣшено служить въ своихъ капеллахъ, или молиться по домамъ. Нечестивыя руки безбожниковъ осмѣлились захватить наши храмы и ихъ разрушить. Еще до сихъ поръ дымятся они въ польскихъ городахъ! Но іезуиты на этомъ не остановились: теперь отнимаютъ у протестантовъ право гражданства, возбуждаютъ народъ противъ нихъ... преслѣдованіямъ нѣтъ конца! Разныя неистовства, которыя позволяетъ себѣ польекая дикая шляхта,—все происходитъ отъ іезуитовъ. Но я, надѣюсь, при помощи Бога, они насъ пощадятъ. Я расчитываю на короля; онъ нѣмецъ и не захочетъ принести нѣмецкихъ гражданъ, въ жертву польскимъ злодѣямъ.

— Не очень много надѣйся, любезный Реснеръ!—возвразилъ Цернекъ—Король Августъ—невольникъ поляковъ! Августъ II, по внушенію папы, публично, торжественно отрекся отъ лютеранства. Знаете ли вы, какую клятву онъ произнесъ? „Клянусь, что и я буду преслѣдовать это проклятое евангелическое ученье,—явно, тайно, на словахъ и на дѣлѣ, и даже мечемъ моимъ. Я признаю, что одна панихида ксендза гораздо полезнѣе, чѣмъ сто, и болѣе проповѣдей ихъ пасторовъ; а потому проклинаю я всѣ книги этого еретическаго, богохульствующаго исповѣданія, всѣ, которыя мнѣ случалось читать; я проклинаю всѣ дѣла мои, которые я совершилъ, живши въ этой еретической вѣрѣ. Обѣщаю также, до послѣдней капли крови, не допускать моего дѣтища до этого проклятаго ученья и не позволять, чтобы кто либо другой завѣдомо склонялъ его къ этому.“ Вотъ какъ по-

клялся король, на котораго вы такъ надѣетесь, господинъ президентъ.

Реснеръ опустилъ молча голову, но вдругъ, быстро и рѣшительно поднялъ ее, весело взглянувъ на своихъ товарищей.

— И такъ, господа, намъ остается быть твердыми, въ ожиданіи предстоящаго, чтобы дѣти и правнуки наши благословляли нашу рѣшимость.

— Аминь! произнесъ торжественно Цернекъ.

Девять дней спустя послѣ этой бесѣды, отворились ворота іезуитской семинаріи въ Торнѣ и двинулась торжественная процессія воспитанниковъ, праздновавшая день рожденія папы Пія, и вмѣстѣ съ тѣмъ устроенная для того, чтобы вызвать любопытство прблики. Впереди шли учители, лица которыхъ выражали умъ и фанатизмъ. Семинаристы-поляки, большею частію, сильные молодые люди, съ натянутыми физіономіями, несли, какъ нѣкихъ идоловъ, свои высоко поднятыя знамена и бросали на окружащихъ свои говорящіе взгляды. Вскорѣ къ этой процессіи присоединилось еще нѣсколько сотенъ поляковъ, самой грубой, безсмысленной наружности. Нѣмецкіе протестанты, составлявшіе большую часть населенія Торна, замѣтивъ такое непривычное зрѣлище, разсыпались по сторонамъ улицъ, чрезъ которыя тянулось шествіе іезуитовъ. Нѣкоторые изъ жителей глядѣли на процессію насмѣшливо; большая же часть сохраняла приличіе, не взирая, что въ сердцахъ ихъ кипѣло негодованіе, при взглядѣ на дерзскихъ іезуитовъ.

По знаку, данному украдкой патеромъ префектомъ, нѣсколько семинаристовъ выступили изъ рядовъ процессіи и стали приказывать протестантамъ угрожающимъ голосомъ преклонить колѣна; но тѣ не повиновались. Тогда, роздраженные семинаристы, выйдя изъ себя, начали срывать съ протестантовъ шапки и даже насильно ставить ихъ на колѣни. Тутъ гнѣвъ протестантовъ вышелъ изъ предѣловъ.

— Мы не преклоняемъ колѣнъ предъ такими мальчишками, какъ вы!—кричали стоявшіе впереди.— Прочь обманщики! вы хотите погубить наши души. Прочь! Торнъ протестантскій городъ и долженъ остаться такимъ.

Тѣ, которые были погорячѣе, вступили съ семинаристами въ драку; послѣдніе, сомкнувшись тѣснили густую толпу народа.

— Мщеніе! мщеніе!—загремѣли протестанты.— Бейте католиковъ! гоните ихъ! — кричали попеременно сотни голосовъ.

Раскаленная толпа ринулась на іезуитовъ, и ничто уже не могло ее остановить. Городская стража показалась было въ разныхъ мѣстахъ города, но по безсилію своему и еще потому, что ненависть къ іезуитамъ была всеобщая, не осмѣлилась возстановлять порядка.

Въ нѣсколько минутъ процессія была разсѣяна и участвовавшіе въ ней съ ужасомъ бросились въ разныя стороны—куда глаза глядятъ; очень не многимъ изъ нихъ удалось попасть въ семинарію прежнею дорогой; другимъ пришлось пробираться въ нее потаенными ходами.

— Къ семинаріи! къ семинаріи! долой адскую кухню! — послышалось изъ толпы. Протестанты, какъ бурный потокъ, хлынули туда... но ворота были заперты, завалены... грозная толпа силилась ихъ разгромить... камни полетѣли въ окна...

Минута была ужасная! Изъ—за оконныхъ сторъ семинаристы открыли ружейный огонь и полилась кровь. Первая жертва, была женщина. Дикій народный вопль раздался въ отвѣтъ на это. Принесли топоры, бревна... ворота повалились отъ тяжкихъ ударовъ и разъяренная чернь съ дикими угрозами ворвалась въ семинарію. Свирѣные взоры искали католиковъ, въ крови которыхъ они жаждали потушить свою месть, но всюду было пусто, семинаристы, скрылись.

Тогда злость протестантовъ обратилась на неодушевленные предметы: столовая, библіотека, кельи, — все было опустошено; окна раздроблены, всѣ вещи переломаны, перебиты, скамьи для молитвы выброшены на улицу, даже святые образа и капелла не были пощажены. Въ нѣсколько минутъ семинарія обратилась въ развалины. Мало этого,—разгоряченная толпа приготовлялась ломать стѣны.

Съ испугомъ узналъ старецъ президентъ о происшедшемъ волненіи. Не тратя ни минуты Реснеръ, въ сопровожденіи конвоя, прибылъ на мѣсто свалки; но голосъ его, столь уважаемый всѣми, былъ заглушенъ воплемъ озлобленнаго народа. Ударили тревогу, — и вооруженная городская гвардія двинулась впередъ; но прежде чѣмъ успѣла она придти на мѣсто, смятеніе прекратилось, хотя возмущенныя толпы волновались еще и съ проклятіями искали на улицахъ семинаристовъ, спрятавшихся въ разныхъ католическихъ домахъ.

Кровью облилось сердце Реенера; онъ чувствовалъ, что враждебная коалиція, за этотъ поступокъ, вызваный самими іезуита-

ми, постарается, уничтожить всѣ старинныя права ихъ города‘ а потому употребилъ всѣ свои усилія, чтобы разъяснить истинныя причины вспышки и открыть виновныхъ. Само собою разумѣется, онъ узналъ что іезуиты были зачинщиками и что ни одинъ изъ уважаемыхъ гражданъ Торна не участвовалъ въ этомъ вандальскомъ поступкѣ.

Вѣсть о происшествіи въ Торнѣ, на крыльяхъ бури пронеслась по всей Польшѣ. Іезуиты разослали повсюду своихъ эмиссаровъ и случай этотъ, разумѣется, постарались растолковать превратно. Дощечки съ вырѣзанными крестами поплыли внизъ по Вислѣ, какъ условный знакъ другимъ сообщникамъ въ польской Пруссіи, „*приступа къ дѣлу*.“

Начальники семинаріи немедленно отправили къ варшавскому правительству и къ кардиналу-примасу гонца съ донесеніемъ, въ которомъ все происшествіе было искажено. Въ немъ говорилось, что торнскіе протестанты, вслѣдствіе заговора, давно обдуманнаго, сначала напали на церковное шествіе, устроенное въ честь Папы Пія, а потомъ на семинарію; въ депешѣ упоминалось даже о выстрѣлахъ въ семинаристовъ. Все духовенство взбѣсилось и не жалѣло водки для подстрѣкательства глупаго народа.

Жизнь протестантовъ, проживавшихъ въ Польшѣ была на волоскѣ. Уцѣлѣвшіе еще протестантскіе молитвенные дома,— были разрушены фанатиками католиками. Повсюду громко провозглашались имена обреченныхъ толпою на сожженіе въ честь торнской Богоматери. Ненависть поляковъ болѣе всего была обращена на нѣмцевъ, казни которыхъ они требовали. Устрашенные нѣмцы, захвативъ кое что изъ своихъ вещей, разбѣгались, кто въ Пруссію, кто въ Варшаву.

Между тѣмъ для іезуитовъ было необходимо обезопасить Торнъ, эту знаменитую опору нѣмецкаго ордена, противъ нападенія славянскихъ варваровъ и тѣмъ вовлечь его въ свои сѣти.

Всѣ первостепенные іезуиты, имѣя во главѣ: кардинала — примаса Станислава Спембека, архіепископа Зелинскаго изъ Львова и епископа познанскаго, со всѣми преданными имъ дворянами, на сеймѣ въ Варшавѣ, требовали уголовнаго суда надъ Торномъ.

Хотя вслѣдствіе жалобы іезуитовъ, было отправлено въ Торнъ девять фанатиковъ слѣдователей, а именно: коронный казначей, два епископа, три воеводы и три кастеляна; но участь членовъ

магистрата и другихъ лицъ, какъ зачинщиковъ случившагося безпорядка, была уже рѣшена.

По пріѣздѣ въ Торнъ, первымъ ихъ дѣломъ было арестовать президента Реснера, вице-президента Цернека, синдика и около двадцати другихъ гражданъ. На мѣста ихъ тотчасъ были назначены для управленія городомъ поляки; офицеры городской стражи изъ протестантовъ, тоже замѣнены католиками. Послѣ этаго началось слѣдствіе,—но какое? допрашивали не обвиняемыхъ, а только членовъ семинаріи, да еще какихъ то католиковъ, будто бы знавшихъ о ходѣ происшествія.

Этимъ путемъ слѣдователи достигли результата, разумѣется, не благопріятнаго для арестованныхъ и, окончивъ свою миссію, отправились обратно въ Варшаву.

И такъ, коммисія эта, составленная изъ польскихъ дворянъ и духовныхъ лицъ, отъявленныхъ враговъ протестантства, не видя въ глаза обвиняемыхъ, не выслушавъ ихъ, не подавъ имъ средствъ къ оправданію, основавъ свой приговоръ на ложныхъ фактахъ,—произнесла его въ 30 день октября 1724 года.

Реснеръ и Цернекъ были присуждены къ смертной казни; имущества ихъ были конфистованы. Десятерымъ, участвовавшимъ будто бы въ волненіи, судъ рѣшилъ отрубить правыя руки, потомъ четвертовать ихъ, и затѣмъ тѣла сжечь на кострѣ. Другіе десять, въ числѣ ихъ и синдикъ, приговорены были къ тяжкому заключенію, денежному взысканію и конфискаціи имѣній. Все конфискованные имущество опредѣлено было повергнуть какъ жертвоприношеніе къ престолу Богоматери; иначе сказать: духовныя лица, которыя придумали это жертвоприношеніе, желали сами обогатиться грабежемъ. Далѣе, положено было всѣхъ евангелическихъ проповѣдниковъ въ Торнѣ отправить въ ссылку; управленіе магистрата образовать на половину изъ католиковъ; евангелическую гимназію перенести на милю отъ города, а библіотеку, вмѣстѣ съ евангелическою церковью во имя Дѣвы Маріи отдать бернадинамъ.

Городъ стеналъ подъ ужасными, неожиданнымъ ударами; жители ждали дурнаго окончанія дѣля, но никогда не предполагали, чтобы имъ управлялъ самъ стана. Еще, приговоръ не былъ вполнѣ извѣстенъ, но уже со всѣхъ сторонъ Европы изъявлялись знаки глубокого участія къ несчастнымъ тронцамъ. Голандское и англійское правительства поручили своимъ посланникамъ въ Варшавѣ поставить на видъ Августу II несправедли-

вое заарествованіе начальниковъ города и недостойную процедуру слѣдствія. Фридрихъ Вильгельмъ король прусскій, главная опора нѣмецкаго протестантства, принявшій уже подъ свое покровительство протестантовъ, изгнанныхъ изъ Франціи нантскимъ договоромъ въ 1685 г., а потомъ и несчастныхъ зальцбургцевъ, съ негодованіемъ написалъ къ королю: „Должна ли думать „Европа, что въ владѣніяхъ вашихъ воскресаетъ опять вѣкъ „славянъ, когда они опустошали Шлезвигъ, Моравію и придунайскія земли? Хочетъ ли Польша устроить вторую варѳоломеевскую ночь, а ваше величество принять на себя роль Карла IX? Или поляки думаютъ, взязъ въ примѣръ нидерландскій „кровавый судъ, совершенный герцогомъ Альбою, возобновить „его только въ иномъ видѣ? Я протестую именемъ соединенной „евангелической Германіи, противу сдѣланнаго нѣмцамъ насилія, „вопіющаго на небо, и при этотъ прошу ваше величество, какъ „нѣмецкаго государя, украшающаго свое царствованіе милостію „и правосудіемъ, принять участіе въ безмѣрно угнетаемыхъ торнскихъ нѣмецкихъ протестантахъ; тѣмъ болѣе что вы присягнули управлять Саксоніею, на общемъ основанія правилъ „аугсбургскаго исповѣданія.“ Это энергическое вмѣшательство слабо подѣйствовало на Августа. Онъ не забывалъ, что Бранденбургъ пренебрегъ союзомъ съ нимъ противъ Швеціи, а напротивъ, для охраненія протестантскихъ правъ, заключилъ его со шведами. Сверхъ того, Фридрихъ Вильгельмъ, послѣ перемѣны религіи Августомъ и сыномъ его, наслѣднимъ принцемъ саксонскимъ, требовалъ отъ имперскихъ государственныхъ чиновъ лишить саксонскаго курфирста шапки государственнаго викаріата. Болѣе другихъ предстательствъ, подѣйствовало на Августа ходатайство стариннаго его союзника, русскаго императора Петра I, который то же совѣтовалъ полякамъ не идти такъ далеко по пути средневѣковаго варварства, не пренебрегая однакожъ усмиреніемъ протестантовъ, болѣе кроткими мѣрами.

Не одни государи и правительства, но цѣлыя тысячи народа, содрогнулись отъ негодованія, услыхавъ о безпримѣрныхъ жестокостяхъ господствовавшихъ въ Торнѣ. Старецъ Августъ-Германъ Франке, основатель гальскаго сиротскаго дома, также предъявилъ свой протестъ съ величайшею энергіею. Этотъ благочестивый филантропъ, написалъ къ секретарію Августа II: „Я стою уже одною ногою въ могилѣ и одна мысль руководитъ теперь моимъ сердцемъ—мысль о мирѣ. Я бы побоялся,

предстать предъ судію Всевышняго съ такою тяжестію, какую беретъ на себя правительство въ своемъ поступкѣ съ Торномъ. *Любите другъ друга, потому что вы братья,* сказалъ страдавшій за человѣчество; но что же? вмѣсто того, теперь преслѣдуютъ протестантовъ Торна—моихъ духовныхъ товарищей, какъ Стефана. Не заповѣдь любви, а ненависть и месть правитъ сердцами поляковъ. Живя на границѣ Саксоніи, видѣлъ я собственными глазами страданія нѣмцевъ, переносимыя ими отъ поляковъ. Должны ли эти страданія умножиться новыми беззаконіями?" Король былъ потрясенъ! Европейская буря сломила то равнодушіе съ которымъ онъ, въ 1697 году, отрекся отъ лютеранскаго исповѣданія. Но іезуитская партія, имѣя во главѣ высшее польское духовенство и духовникъ короля постарались довести жестокость до крайности. Большая часть дворянъ, видѣвшихъ въ заступничествѣ иноземныхъ державъ— незаконное вмѣшательство въ дѣла Польши, присоединилась къ нимъ. Когда король не рѣшался подписывать смертный приговоръ, дворянство, подстрекаемое духовенствомъ, угрожало разогнать сеймъ и составить конфедерацію. Послѣ этого король схватилъ перо и подписалъ свое согласіе—на убійство и разграбленіе 22 невинныхъ нѣмецкихъ гражданъ. Блескъ польской короны, за которую онъ дважды платилъ потомъ и кровію своихъ саксонскихъ подданныхъ,—былъ ему дороже покоя совѣсти и добраго мнѣнія цѣлаго свѣта!

Старикъ Реснеръ все еще надѣялся на правосудіе короля, все еще надѣялся, что король вспомнитъ одинъ весьма замѣчательный случай, за который Августъ такъ много былъ обязанъ Реснеру... Когда Карлъ XII съ своими побѣдоносными шведами наводнилъ почти всю Польшу, когда Августъ, покинутый всѣми, какъ странствующій рыцарь, бѣжалъ въ Торнъ, тогда Реснеръ и маріенбургскій магистратъ, неутомимо старались о возвращеніи короны свергнутому монарху, и 9 апрѣля 1763 года удалось Августу II издать въ Торнѣ прокламацію, которою онъ призывалъ къ оружію гражданъ, на что они и согласились, помимо того, что шведскій король былъ протекторомъ протестантовъ. Торнцы, подъ предводительствомъ Реснера, храбро сопротивлялесь шведамъ, даже послѣ пораженія саксонскихъ войскъ подъ Пултускомъ,—до 13 октября 1703 г.

Не имѣлъ ли права Реснеръ надѣятся, что король, достигшій прежняго величія, вспомнитъ теперь о своемъ вѣрномъ

защитникѣ, котораго iезуитскiе козни повергли въ такое несчастiе? Но вскорѣ яростная месть, подъ личиною закона, лишила обвиняемыхъ послѣдняго луча надежды.

Въ концѣ ноября, какъ разсказываетъ одинъ изъ несчастныхъ, вице-президентъ Яковъ Генрихъ Цернекъ, — всѣмъ подсудимымъ, собраннымъ вмѣстѣ, была прочтена конфирмацiя. Обвиненнымъ казалось, что они видятъ тяжелый сонъ. Правда, худаго конца ожидали они отъ ненависти iезуитовъ, но имъ трудно было вѣрить, чтобы король, нѣмецкiй государь, могъ согласиться сдѣлаться орудiемъ этого убiйства. Они не боялись строгости законовъ тогдашняго времени, потому что не знали за собой никакой вины,—ибо вѣрили еще въ справедливость,—потому что, если бы даже доказано было ихъ участiе въ мятежѣ, то и тогда, они, какъ вызванные на борьбу самими iезуитами, могли расчитывать на смягченiе наказанiя. Но люди, произнесшiе приговоръ, не знали человѣколюбiя! Лишь только поднялась завѣса, — польскiе монахи и даже iезуиты, одинъ за другимъ, начали посѣщать заключенныхъ и предлагать имъ на выборъ: *смерть или католицизмъ*, но преслѣдователи приходили къ нимъ не для того, чтобы избавить ихъ отъ руки палача; нѣтъ! они желали восторжествовать надъ ними какимъ бы то ни было средствомъ. Даже къ Цернеку, находившемуся подъ арестомъ дома, однажды явился iезуитъ и сказалъ ему: „готовься къ смерти,— тебя уже ничто не можетъ спасти, исключая однакоже одного средства: бѣги отсюда въ iезуитскую коллегiю, и прими католицизмъ. Въ такомъ случаѣ я позабочусь чтобы стража твоя смотрѣла на твое бѣгство сквозь пальцы.“ Мужественный Цернекъ отвергъ искушенiе,—точно такъ же какъ и всѣ его товарищи не согласившiеся, въ виду смерти, отречься отъ вѣры своей.

Послѣ этого iезуиты приступили къ исполненiю приговора. Тутъ возстало почти все дворянство Хелма и Куявъ; они просили о помилованiи осужденныхъ и въ особенности Реснера и Цернека, пользовавшихся общимъ уваженiемъ; даже нисшiй классъ гражданъ города Торна приходилъ толпами и, ломая руки, просилъ о пощадѣ праводушнаго президента, всегда обращавшагося съ ними честно и справедливо. Но все было напрасно! Послѣ обѣда, 6-го декабря, по желанiю несчастныхъ, изъ которыхъ большая часть была закована, они были собраны вмѣстѣ для выслушенiя божественной службы. Этимъ средствомъ iезуиты думали потрясти ихъ стоицизмъ и потомъ пе-

ремашить на свою сторону; но въ церкви св. Маріи столпилось множество католиковъ, которые, при видѣ осужденныхъ, начали рыдать и просить о пощадѣ, или хотя объ отсрочкѣ казни. Эти моленія, заставили жаждавшихъ крови, ускорить казнь.

На другой день, въ 5 часовъ утра, отворились тюрьмы и осужденные, въ сопровожденіи сильной стражи, приведены были на лобное мѣсто. Президентъ города, вѣрный его защитникъ, старецъ Реснеръ, шелъ за своими съищиками твердо, предавшись Богу. Его взоръ обращался свободно и спокойно среди народной толпы, тѣснившейся по улицамъ и погруженной въ глубокую печаль. При видѣ достойнаго старца, всѣ кланялись ему почтительно и рыдая отвращали свои взоры отъ этой ужасной картины. Дорога вела ихъ на торговую площадь; тамъ стояли новыя толпы и тревожно перешептывались между собой; солдаты стояли въ каре; но вотъ осужденные вступили въ него, вмѣстѣ съ своими проводниками. Взорамъ Реснера представились черныя подмостки—эшафотъ! Десятерыхъ несчастныхъ подвели... Каждый ожидалъ своей участи, хоть и они тоже были невинны... При видѣ своего уважаемаго начальника города, вопли вырвались у всѣхъ изъ груди! сердца всѣхъ разрывались при мысли, что жертвою іезуитовъ падетъ лучшій изъ гражданъ Торна.

Чиновникъ прочиталъ приговоръ. Три палача, изъ поляковъ, въ красномъ платьѣ, стояли готовые приняться за свое дѣло. На плахѣ блистала сѣкира, долженствовавшая отрубить правыя кисти рукъ у десятерыхъ гражданъ. Лошади стояли на готовѣ для четвертованія уже изувѣченныхъ. Позади пылалъ костеръ, чтобы пожрать растерзанныя ихъ тѣла. Сѣдовласаго президента ожидалъ палачь съ огромнымъ мечемъ. Не видно было ни одного евангелическаго пастора, который бы могъ утѣшить, ободрить осужденныхъ, предъ отходомъ ихъ въ этотъ послѣдній, ужасный путь. Возлѣ нихъ тѣснились бернардины, желавшіе, за минуту предъ смертію осужденныхх, сдѣлать души ихъ добычею своей церкви; но всѣ ихъ увѣщеванія были отвергнуты.

„Мы хотимъ умереть, — сказалъ съ достоинствомъ Реснеръ, вѣрными протестантами, какими были при жизни;" потомъ обратясь къ другимъ страдальцамъ онъ произнесъ: „Будьте тверды, милые друзья и товарищи! Тотъ, кто превыше всѣхъ, видитъ наши сердца и приметъ насъ милостиво послѣ краткой

борьбы со смертію." Затѣмъ, всходя на ступени эшафота, онъ запѣлъ: „Eine feste Burg, ist unser Gott." Всѣ осужденные и большая часть зрителей—протестантовъ, съ громкими рыданіями присоединили свой голосъ къ голосу Реснера.

Раздался бой барабановъ и заглушилъ послѣднее ихъ утѣшеніе... и началось кровавое дѣло! Одинъ изъ десятерыхъ гражданъ положилъ правую руку на плаху, послѣдовалъ ударъ... крикъ... Отовсюду раздался общій вопль, потрясающій мозгъ!... прислужники палача схватили свою жертву и повлекли къ четвертованію. Приблизился къ плахѣ другой, потомъ третій, четвертый... но отвратимъ глаза наши отъ этой страшной картины, поставленной на сцену поляками, рабами іезуитовъ, съ утвержденія нѣмецкаго государя!

Осужденные умерли, какъ мужи Германіи! Реснеръ палъ съ спокойствіемъ мудреца. Такъ поступили поляки съ нѣмцами!

Общій крикъ негодованія и ужаса облетѣлъ тогда всю Европу. Проклятіе пало на поляковъ и до сегодня гнететъ ихъ правнуковъ.

Въ сочиненіи Фридриха Форстера объ Августѣ II и въ другихъ историческихъ источникахъ говорится, будто бы Цернекъ спасся отъ казни бѣгствомъ. Это несправедливо. Цернекъ не могъ уйти изъ подъ строгаго ареста и онъ не воспользовался бы возможностію, если бы она ему и представилась; онъ считалъ подобный поступокъ малодушіемъ, равняющимся сознанію въ винѣ; онъ не сдѣлалъ бы этого изъ желанія не отстать отъ своихъ товарищей несчастья. Правда, по выслушаніи приговора, онъ вторично прибѣгалъ къ правосудію и къ милости короля, вслѣдствіе чего и была послана эстафета въ Варшаву; но онъ, какъ и другіе приговоренные, наканунѣ казни, готовился уже къ смерти. Его оставили 7 декабря подъ арестомъ и самъ коронный камергеръ Ласкій объявилъ, что онъ не находитъ виновнымъ Цернека ни на волосъ. Тогда, семнадцатаго декабря, освободили Цернека, не какъ оправданнаго, а какъ помилованнаго. Вскорѣ послѣ совершенія казни, 13 декабря 1724 года, король Августъ II прислалъ рескриптъ на имя вице-президента Цернека слѣдующаго содержанія: „Горестное состояніе города Торна, въ которое онъ поверженъ теперь за совершенные имъ безпорядки, очень близко нашему сердцу и мы охотно смягчили бы именемъ нашимъ приговоръ при его исполненіи, если бы въ то время обстоятельства не сложились иначе. Мы всегда рас-

положены поступать съ отеческою благосклонностію и этому доказательствомъ служитъ: дарованное нами прощеніе бургомистру и вице-президенту города Цернеку, вопреки приговору строгаго суда.“

Этимъ жалкимъ оправданіемъ, король успокоилъ свою совѣсть.

Поляки и Индіаны.

Въ одной изъ польскихъ газетъ, издающихся за границею, появилась въ прошломъ году статья, подъ заглавіемъ: *Polacy i Indjany*, которая не перестаетъ до сихъ поръ служить поводомъ къ весьма оживленной полемикѣ. Статья эта рисуетъ любопытную параллель; она противопоставляетъ поляковъ индійскимъ племенамъ, составлявшимъ старинное туземное населеніе Америки. Авторъ статьи, самъ ревностный полякъ, развиваетъ мысль, что если Польша на измѣнитъ радикально своего общественнаго строя, то ей грозитъ та же самая участь, какъ и индійцамъ, которые исчезали мало-по-малу предъ наплывомъ цивилизаціи. Никому не приходитъ, конечно, въ голову уподоблять въ буквальномъ смыслѣ польскую націю какимъ нибудь кракамъ, ирокезамъ и чиктасамъ. Не существуетъ ничего общаго между племенами, сохранившими первобытную дикость, и обществомъ, неимѣвшимъ силы выработать у себя прочнаго государственнаго порядка, но тѣмъ не менѣе жившимъ хотя и анархическою, но долгою историческою жизнью, и которое сохранило свои преданія, религіозныя вѣрованія, литературу. Съ этой стороны поляки, конечно, не чактасы. Не въ этомъ отношеніи неизвѣстный авторъ статьи находитъ сходство между ихъ судьбою и судьбою индійскихъ племенъ. Онъ не отрицаетъ, что польская нація—нація цивилизованная, хотя, быть можетъ, ея цивилизаціи придаетъ онъ несравненно болѣе значенія, чѣмъ она имѣла въ самомъ дѣлѣ. Не смотря, однако, на рьяный свой патріотизмъ, онъ ясно видитъ, что польская цивилизація отличается такимъ характеромъ, который дѣлаетъ ее поразительною аномаліею среди теперешнихъ европейскихъ обществъ; это цивилизація не нашего времени; въ современной намъ жизни она производитъ такое же странное впечатлѣніе, какое произвелъ бы господинъ, вздумавшій показываться теперь въ старомодномъ

французскомъ кафтанѣ, съ напудреннымъ парикомъ, въ чулкахъ и башмакахъ; это осколокъ цивилизаціи минувшей и окончательно осужденной исторіею,—цивилизаціи, могущей быть предметомъ весьма любопытныхъ научныхъ изслѣдованій, но которой нѣтъ мѣста въ жизни. Если извѣстные классы польскаго общества, говоритъ авторъ статьи *Polacy Indjany*,—классы, величающіе себя интеллигенціею края, будутъ упорно вызывать къ существованію этотъ отжившій призракъ, то дальнѣйшая судьба ихъ несомнѣнна; предаваясь безплодному сожалѣнію о минувшемъ и не находя въ себѣ достаточно энергіи проникнуться смысломъ современныхъ потребностей, они осуждаютъ себя на болѣзненное безсиліе; отвращаясь отъ дѣйствительности, они бросаются въ область мечтаній и фантазіи, и не выходятъ изъ какого-то заколдованнаго міра. А между тѣмъ жизнь не останавливается, безпрерывно заявляетъ она новыя требованія, безпощадно сокрушая все, что противопоставляетъ имъ препоны. Мы понимаемъ, что съ этой точки зрѣнія будущность высшихъ классовъ общества можетъ навести на грустное раздумье, и если авторъ упомянутой выше статьи сравнилъ ее съ участью индійскихъ племенъ Америки, то сравненіе кажется парадоксальнымъ лишь по внѣшности.

Много было говорено о польской цивилизаціи и больше всего говорили о ней, разумѣется, сами поляки. По мнѣнію ихъ, Польша уступала Россіи во внѣшнемъ могуществѣ (хотя мы плохо понимаемъ, какъ можно отдѣлить могущество внѣшнее отъ внутренняго), но за то превосходила ее блескомъ своего образованія. Не станемъ отрицать, что одно время это было справедливо. Близкія сношенія съ Европою принесли свои плоды для Польши, въ то время, какъ русскій народъ выходилъ только изъ невѣжества, она уже усвоила себѣ европейскую науку, литературу, и хотя цивилизація лишена была оригинальности и самобытности, хотя цивилизація эта ограничивалась болѣе или менѣе удачнымъ подражаніемъ чуждымъ образцамъ, все-таки она существовала и отличалась даже нѣкоторымъ блескомъ. Услаждая себя этими воспоминаніями прошедшаго, поляки считаютъ вопіющею несправедливостію, что Россія достигла политическаго преобладанія надъ ними; они никакъ не могутъ уяснить себѣ законную причину этого явленія, и видятъ въ немъ не болѣе, какъ роковую случайность. Для нихъ непонятенъ тотъ несомнѣнный фактъ, что юная, лишь только возникавшая Россія, имѣла уже съ самаго

начала громадныя преимущества предъ старинной польскою цивилизацiей. Въ чемъ заключались эти преимущества? Въ томъ именно, что политическое и гражданское развитіе наше выступило прямо на тотъ путь, которымъ, со второй половины XVI столѣтія, развивалась европейскія общества. Мы поздно пришли въ сближеніе съ Европою, но за то быстро усвоили себѣ новыя идеи, новыя потребности, которыя получали право гражданства отъ одного конца ея до другаго, въ то время, какъ весь общественный бытъ Польши, представлялъ собою вопіющее ихъ отрицаніе. Религіозный фанатизмъ, презрѣніе къ вѣротерпимости, государственное устройство, завѣщанное средними вѣками и превратившееся въ безумную анархію,—вотъ что выработала изъ себя Польша, и что упорно она отстаивала до послѣдней минуты своего самостоятельнаго существованія. Борьба наша съ нею не была только борьбою грубой силы, это была борьба новаго порядка вещей съ порядкомъ отживающимъ,—разумныхъ и законныхъ требованій съ требованіями, которыя не находили себѣ оправданія въ современной жизни,—и заранѣе можнобыло предсказать, на чьей сторонѣ останется побѣда.....

Лучшіе умы въ Европѣ, въ исходѣ XVIII столѣтія, понимали именно такимъ образомъ характеръ отношеній Польши и Россіи. Всѣ ихъ симпатіи обращены были къ намъ, ибо они сознавали, что на нашей сторонѣ была разумная сила вещей. Вопреки послѣднему сужденію, сложившемуся въ позднѣйшее время, будто бы Польша отстаивала европейскую цивилизацію отъ вторженія русскаго варварства, они ясно видѣли, что Россія, напротивъ того, вносила въ среду польскаго общества тѣ начала политическаго и гражданскаго устройства, которыя должны были уничтожить вопіющія несправедливости, и беззаконнія. Вотъ почему, начиная съ Вольтера, всѣ публицисты и политическіе люди, руководившіе тогдашнимъ умственнымъ движеніемъ, не нашли ни одного слова сочувствія къ Польшѣ; вотъ почему они видѣли не только заслуженное возмездіе, но неизбѣжный и естественный ходъ вещей въ томъ, что позднѣе вошло въ обичай выставлять величайшею несправедливостью. Нужно обратиться къ писателямъ XVIII вѣка, чтобы видѣть, какое высокое призваніе сознавали они за Россіею, для борьбы съ обветшалыми учрежденіями, уцѣлѣвшими въ Польшѣ, и отъ которыхъ сами

Польша не въ состоянiи была освободиться собственною инициативою. На дняхъ пришлось намъ случайно прочесть въ сочиненiяхъ Бернардена де-Сенъ-Пьера отрывокъ, озаглавленный имъ „Le vieux paysan polonais.“ Въ идеальной формѣ, составлявшей обычный прiемъ беллетрическихъ сочиненiй того времени, авторъ представляетъ польскаго крестьянина, который нашелъ доступъ въ чертоги Екатерины II, и въ пламенной рѣчи жалуется ей на несчастное положенiе своихъ собратiй. *) Не смотря на нѣкоторую высоконарность формы, разсказъ этотъ, по содержанiю своему, дышетъ строгою истиной. Ручательствомъ того можетъ служить, что Бернаденъ де-Сенъ-Пьеръ зналъ Польшу не по слухамъ; онъ имѣлъ случай посѣтить эту страну, присматривался внимательно къ ея быту, изучалъ взаимныя отношенiя ея сословiй. Вотъ какимъ языкомъ онъ заставляетъ говорить польскаго крестьянина о тѣхъ классахъ общества, отъ которыхъ зависѣла и жизнь, и собственность низшаго населенiя: „Мы не болѣе, какъ чужестранцы среди этихъ варварскихъ фамилiй; мы испытываемъ всѣ униженiя рабства, не пользуясь даже тѣми удобствами, въ которыхъ не отказываютъ животнымъ. Ни милосердiе, ни состраданiе имъ незнакомы; на слабости нищи смотрятъ они, какъ на преступленiя, и за малѣйшiе проступки предаютъ насъ неистовымъ истязанiямъ. Таково общество, въ которомъ всѣ считаютъ себя рарными властелинами, гдѣ издѣваются надъ людьми; въ полѣ мы должны предаваться занятiямъ рабочаго скота, въ городѣ играемъ роль рабовъ, а въ междоусобныхъ распряхъ нашихъ властелиновъ служимъ имъ орудiемъ, ибо нашими руками и нашею кровью они раздѣливаются за нанесенныя другъ другу обиды. Жертвы страстей, для насъ непонятныхъ, мы должны одинаково опастатья какъ взаимнаго озлобленiя, такъ и согиасiя въ средѣ нашей аристократiи; ея раздоры предвѣщаютъ намъ войну, а тѣсный союзъ отзывается на насъ новыми жестокостьями.“ — „Польская шляхта, восклицаетъ тотъ же самый крестьянинъ, ты постоянно злоупотребляла нашею свободою, а теперь вздумала отстаивать своя права; ты лишила насъ всякой собственности, и Провидѣнiе отмстило тебѣ тѣмъ, что сосѣднiя нацiи раздѣляютъ между собой твои провинцiи. Одна часть ихъ уже совершенно отпала отъ Польши; австрiйцы, пруссаки, русскiе распоряжаются въ нихъ господами. Небо вызвало эти наро-

(*) Отрывокъ этотъ помѣщенъ въ Вѣстн. зап. Россiи за 18^63^/~64~ г. *Ред.*

ды быть нашими мстителями и подчинило тебя ихъ господству. О какомъ законѣ говоришь ты, когда попирала до сихъ поръ основныя начала всякой законности и злоупотребляла религіею, повелѣвающею людямъ любить другъ друга"? И посреди всѣхъ этихъ жалобъ на безвыходное положеніе, проявляется только одинъ лучъ упованія и надежды. „Великая императрица, говоритъ представитель польскаго народа, обращаясь къ Екатеринѣ, положи конецъ нашимъ бѣдствіямъ! Отними у властелиновъ нашихъ дикую свободу и обуздай ихъ произволъ: въ ихъ рукахъ эта свобода ничто иное, какъ ножъ, которымъ они терзаютъ насъ и самимъ себѣ наносятъ раны. Отвѣчай на просьбы наши, и мы научимъ дѣтей своихъ ежедневно произносить въ молитвахъ твое имя"!

Любопытно сопоставить эти воззрѣнія съ тѣми, которыя теперь распространяются въ европейской публикѣ. Контрастъ поразительный, и никто еще не объяснилъ его надлежащимъ образомъ! Какимъ образомъ нація, которая никогда не знала истинной политической свободы и замѣняла ее нигдѣ невиданною анархіею, вдругъ является поборницею свободы и жертвою доблестнаго ей служенія? Какимъ образомъ нація, поражавшая Европу своимъ олигархическимъ устройствомъ и въ средѣ которой сословная исключительность достигла чудовищныхъ размѣровъ, превратилась въ націю, чуть ли не самую либеральную въ мірѣ? Кто найдетъ разгадку такого изумительнаго переворота въ общественномъ мнѣніи? Намъ кажется, что академіи оказали бы важную услугу, если бы избрали изслѣдованіе этого вопроса темою для представляемыхъ имъ на конкурсъ сочиненій. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно только, что польское общество не сдѣлало ровно ничего для того, чтобы заслужить эту внезапно пріобрѣтенную имъ репутацію. Оно оставалось вѣрно своимъ идеаламъ, которые еще въ исходѣ прошлаго столѣтія возбуждали противъ него негодованіе всей просвѣщенной Европы; упорно противилось оно усвоенію тѣхъ началъ гражданскаго быта, которыя получили теперь повсемѣстное преобладаніе; въ то время, какъ извѣстная часть европейской публики, увлекаясь необъяснимой игрой фантазіи, восхваляла его великодушныя стремленія къ прогрессу, всѣ помыслы этого общества обращены были на прошедшее; борьба съ Россіей продолжалась, и недавнія событія, а еще болѣе событія, происходящія на нашихъ глазахъ, служатъ доказательствомъ, какихъ неимовѣрныхъ уси-

лій стоитъ побудить высшіе классы польской націи разстаться съ тѣмъ, что они всосали въ свою кровь и что причинило нѣкогда ихъ погибель.

Если такъ называемая польская интеллигенція имѣетъ причины гордиться тѣмъ, что ей удалось привести въ заблужденіе Европу, то въ сущности должна она сознавать, что миражъ разсѣется рано или поздно. Обманомъ и возбужденіемъ къ себѣ фальшиваго сочувстствія нельзя поддерживать притязаній, которыя не встрѣчаютъ никакой опоры въ жизни. Если высшіе классы польскаго общества не проникнутся убѣжденіемъ, что старинное, политическое и гражданское, устройство ихъ отечества осуждено окончательно; если не захотятъ они понять великаго значенія переворота, совершающагося теперь въ ихъ отечествѣ; если по прежнему будутъ они жить только безплодными мечтаніями, то будущность ихъ не представляетъ ничего отраднаго. Конечно, какъ замѣчаетъ авторъ статьи Polacy i Indjany, они не вымрутъ и не исчезнутъ съ лица земли, подобно индійскимъ племенамъ Америки, но жизнь пойдетъ мимо ихъ и оставитъ ихъ внѣ своего движенія. Уже теперь въ той части польскаго общества, о которой идетъ рѣчь, замѣчается упадокъ образованія, отсутствіе всякой наклонности къ труду, совершенное равнодушіе къ дѣйствительнымъ интересамъ жизни, взамѣнъ чего все болѣе и болѣе развивается какая-то болѣзненная и тревожная мечтательность. Сами поляки могутъ быть недовольны этимъ печальнымъ явленіемъ, но они не въ состояніи отрицать его разумными аргументами. „Пусть совѣтуютъ намъ, говоритъ Dziennik Poznański, отвѣчая на статью Polacy i Indjany,— пусть совѣтуютъ намъ быть болѣе экономными и трудолюбивыми, но совѣтовать Польшѣ отказаться отъ своего національнаго характера, для того, чтобы производить болѣе картофелю и наживать деньги,—это можетъ только врагъ нашего отечества. Мы можемъ сдѣлаться людьми практическими, воздержными въ своемъ хозяйствѣ, преданными занятію наукой, но не имѣемъ мы никакой нужды охлаждать свое сердце, воображеніе, возвышенныя чувства, измѣнять прямотѣ своего характера (!), сдѣлаться, словомъ, не тѣмъ, чѣмъ мы созданы.“ Никто и не говоритъ о томъ, чтобы отказаться отъ великодушія и возвышенныхъ чувствъ, если они существуютъ. Дѣло идетъ лишь о томъ, чтобы выдти изъ искуственной и ложной сферы, которая лишаетъ возможности многочисленный классъ общества приносить какую - либо

пользу своей странѣ. Замыкаясь въ этой сферѣ, польская интеллигенція сознательно обрекаетъ себя на ту участь, которую польскій же писатель предсказываетъ ей съ поразительною откровенностью. (Рус. Инв. № 39).

Церковностроительная дѣятельность въ Могилевской губерніи.

(По вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ). Разновременно появившіяся въ „Сѣверной Почтѣ“ и другихъ періодическихъ изданіяхъ отдѣльныя статьи о церковностроительномъ предпріятіи министерства внутреннихъ дѣлъ съ достаточною полнотою уяснили причины, вызвавшія правительство принять на себя заботы и расходы по устройству православныхъ храмовъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ западнаго края.

Послѣ того, какъ, въ 1858 г., иновѣрные помѣщики западныхъ губерній освобождены были отъ обязанности поддерживать православныя церкви въ принадлежавшихъ имъ, на крѣпостномъ правѣ, имѣніяхъ, и министерству внутреннихъ дѣлъ открытъ былъ кредитъ, первоначально въ 500,000 руб. Первое примѣненіе новой системы построекъ начато было въ *Могилевской* губерніи, гдѣ распространявшаяся въ то время латинопольская пропаганда и другія мѣстныя обстоятельства требовали немедленнаго осуществленія Высочайшей воли.

Между тѣмъ, имѣвшіяся въ министерствѣ свѣдѣнія о церквахъ были далеко не полны. Извѣстно было только, что многіе изъ нихъ крайне ветхи, что въ нѣкоторыхъ по 20 и болѣе лѣтъ не совершается богослуженія, и что почти всѣ онѣ носятъ на себѣ отпечатокъ бывшей въ западномъ краѣ уніи. Причины такого неудовлетворительнаго положенія церквей не были никѣмъ разслѣдованы, и въ правительственныхъ сферахъ не придавали этому дѣлу большаго значенія; даже нѣкоторыя лица вовсе отрицали дѣйствительность упадка церквей.

Въ церковномъ отношеніи Бѣлоруссія и вообще весь западный край не только для русскаго общества и для свѣтскаго правительства были малоизвѣстны, но даже само мѣстное епархіальное начальство, (какъ оказалось впослѣдствіи) не знало ни общаго числа всѣхъ церквей, ни вѣрнаго числа прихожанъ, ни времени сооруженія многихъ храмовъ, ни принадлежности зем-

ли, на коей они сооружены. При недостаткѣ означенныхъ данныхъ, предстояло одновременно съ осмотромъ всѣхъ церквей ознакомиться съ бытомъ населенія, потребностями прихожанъ и съ мѣстными условіями края, дабы не впасть, при самомъ вчинаніи дѣла, въ неисправимыя ошибки. Министерство, желая облегчить начальнику губерніи, обремененному текущими дѣлами, возложенное на него, по Высочайшей волѣ, устройство церквей, признало необходимымъ командировать особыхъ довѣренныхъ лицъ, нравственныя качества коихъ были ему вполнѣ извѣстны.

Не говоря уже о томъ, что избранныя министерствомъ лица, для успѣшнаго исполненія возложеннаго на нихъ порученія, должны были осмотрѣть всѣ захолустья губерніи; имъ предстояла трудная задача направить дѣло такъ, чтобы церкви были возстановлены въ возможно лучшемъ видѣ, при возможно меньшихъ денежныхъ затратахъ. Эти два, почти несовмѣстныя одна съ другимъ, требованія обусловливались, съ одной стороны, желаніемъ даровать сельскому населенію, сохранившему, при всѣхъ политическихъ невзгодахъ, свою вѣру и народность, такіе храмы, которые могли бы соперничать съ близьлежащими костелами, и съ другой—опасеніемъ увеличить тяжесть повинностей прихожанъ (бывшихъ въ то время еще въ крѣпостной зависимости) прибавкою къ огромной цифрѣ недоимокъ, накопившихся съ давнихъ лѣтъ, значительныхъ денежныхъ авансовъ на устройство ихъ церквей, такъ какъ правительство, открывая кредитъ на постройки церквей, имѣло еще тогда въ виду желаніе возмѣстить эти деньги съ имѣній тѣхъ приходовъ, гдѣ будутъ возобновляться храмы. Кромѣ того необходимо было имѣть тоже въ виду, что на прихожанахъ лежитъ обязанность поддерживать въ исправности ихъ церкви и на будущее время.

Прежде всего обращено было вниманіе на церкви сгорѣвшія и на тѣ запечатанныя, гдѣ, за совершенною ветхостью строенія, прекращено было богослуженіе. Ихъ оказалось въ *могилевской* губерніи 35. Осмотръ этихъ храмовъ возбудилъ много новыхъ вопросовъ.

Въ числѣ православныхъ церквей могилевской губерніи, какъ и всего западнаго края, есть не мало такихъ, которыя прежде были уніятскими. Нѣкоторыя изъ нихъ, строенныя не для духовныхъ нуждъ населенія, а изъ видовъ религіозно-политическихъ, оказались, по возсоединеніи уніятовъ къ православію, излишними: такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстно-

стяхъ, при населеніи отъ 300 до 500 душъ, существовали по двѣ и по три приходскія церкви, и всѣ онѣ, за недостаткомъ ремонта, приходили въ упадокъ; оказалось тоже много и отдѣльныхъ малолюдныхъ приходовъ, которые съ удобствомъ могли бы быть причислены къ другимъ ближайшимъ, чего требовали, повидимому, собственныя выгоды прихожанъ и духовенства; между тѣмъ, вопросъ объ упраздненіи приходовъ встрѣтилъ почти повсемѣстно упорное затрудненіе какъ со стороны духовенства, такъ и прихожанъ. Въ селеніяхъ, гдѣ, во времена уніи, прихожане сохранили православіе и съ нимъ свои церкви, тамъ и теперь они желали сохранить самостоятельность своихъ церквей, не смотря на сознаваемый ими недостатокъ средствъ для поддержанія оныхъ; тамъ же, гдѣ прихожане просили о причисленіи ихъ къ другому приходу, въ видахъ облегченія ихъ повинностей въ пользу причтовъ и церкви, духовенство повсюду протестовало противъ упраздненія прихода, который, по основному закону, находится въ зависимости отъ епархіальнаго начальстъа и отъ святѣйшаго сунода. Привязанность народа къ роднымъ храмамъ вездѣ была уважена. Губернаторъ и чиновники министерства старались только склонить епархіяльное начальство къ согласію на увеличеніе такихъ приходовъ припискою къ нимъ изъ другихъ ближайшихъ и обширныхъ селъ большаго числа прихожанъ; тамъ же, гдѣ нельзя было достигнуть соглашенія между прихожанами и духовенствомъ, а выгоды первыхъ требовали упраздненія церкви, министерство, оставляя церковь безъ исправленія, предоставляло поддержаніе ея на обязанность духовнаго вѣдомства. Такимъ образомъ, духовенство подвигнуто было къ заботливости объ упраздненіи до 50 приходскихъ церквей, изъ числа которыхъ многія уже и упразднены, а о другихъ производится переписка.

Приступая къ обновленію церквей въ могилевской губерніи, министерство имѣло въ виду предоставить возможно большее участіе въ этомъ дѣлѣ прихожанамъ: всѣ церкви не иначе были осматриваемы, какъ въ присутствіи ихъ: вездѣ ихъ спрашивали о желаніи принять на себя работы по исправленію, вездѣ приглашались прихожане, владѣльцы имѣній и мѣстное духовенство къ посильнымъ жертвамъ, и хотя въ первое время, съ 1859 по 1861 годъ, многіе заявляли желаніе оказать содѣйствіе правительству безмезднымъ трудомъ и денежными приношеніями; но съ явившимися, вслѣдствіе крестьянской реформы,

новыми потребностями въ крестьянскомъ быту они почти повсемѣстно отказались отъ своего обѣта, и только 7 церквей исправлены приходскими обществами, за уплату имъ смѣтной суммы. Многіе, даже богатые, помѣщики отказались отъ прежде заявленныхъ и вещественныхъ жертвъ; одно только епархіальное начальство, зная въ подробности всѣ дѣйствія лицъ, руководящихъ дѣломъ, и крайнюю ограниченность смѣтъ на церковныя постройки, не смотря на бѣдность сельскихъ церквей, удѣлило изъ кошельковой ихъ суммы до 30,000 р. на устройство ветхихъ храмовъ.

Такимъ образомъ, съ 1859 по 1862 годъ осмотрѣны всѣ 473 храма, находящіеся въ помѣщичьихъ имѣніяхъ могилевской губерніи. Изъ нихъ 314 предназначено къ возобновленію: новыхъ каменныхъ 18, деревянныхъ 75, и къ капитальному исправленію: 21 каменныхъ и 200 деревянныхъ.

По окончаніи всѣхъ подготовительныхъ работъ, по разсмотрѣніи и утвержденіи министерствомъ чертежей и смѣтъ на новыя церкви, всѣ дальнѣйшія распоряженія, на точномъ основаніи Высочайшей воли, перешли на обязанность губернатора, въ вѣдѣніе коего и были ассигнованы исчисленныя по смѣтамъ суммы. Чтобы не стѣснять дѣйствій начальника губерніи и не замедлить дѣломъ построекъ, ему предоставлено было употребить по собственному усмотрѣнію тотъ способъ работъ, какой по мѣстнымъ соображеніямъ окажется болѣе выгоднымъ и такъ какъ при крѣпостномъ правѣ, немыслимо было производить постройки посредствомъ мѣстныхъ приходскихъ обществъ, то министерство разрѣшило вызовъ артелей изъ великороссійскихъ губерній и приглашеніе извѣстныхъ начальнику губерніи, надежныхъ строителей, съ дозволеніемъ не требовать съ нихъ особыхъ залоговъ, ограничивая выдачу денегъ за поставленные лишь матеріалы и за произведенныя работы. Для избѣжанія излишнихъ формальностей, такъ много вредящихъ практическому успѣху каждаго дѣла, разрѣшено тоже было губернатору, въ незначительныхъ случаяхъ, гдѣ отъ сложности труда и поспѣшности лицъ, осматривавшихъ церкви, могли вкрасться ошибки и недосмотры въ исчисленіяхъ, не стѣсняться цифрами смѣтъ, имѣя въ виду лишь прочность и благовидность храмовъ и не выходя однако изъ предѣловъ общей смѣтной цифры, и только тамъ, гдѣ требовалось совершенное измѣненіе проектовъ, министерство предоставило себѣ разрѣшеніе подобныхъ отсту-

пленій. Для вознагражденія архитекторовъ и техниковъ за ихъ труды, былъ впервые принятъ процентный съ ними расчетъ, предоставленіемъ имъ до 3% смѣтной суммы за произведенныя работы—способъ, удавшійся вполнѣ и принятый, въ настоящее время, при всѣхъ почти казенныхъ постройкахъ другихъ вѣдомствъ.

Не смотря однакожъ на всѣ эти облегченія, много было помѣхъ въ существленіи намѣренія правительства. Значительные пожары, бывшіе въ это время въ городахъ *могилевской* губерніи, постройки, производимыя другими вѣдомствами, и громадность работъ по сооруженію церквей на пространствѣ всей территоріи бѣлорусскаго края возвысили неимовѣрно цѣны на строительные матеріялы и на рабочихъ, чрезъ что можно было опасаться или совершеннаго пріостановленія построекъ, или необходимости передать ихъ въ руки евреевъ, что неминуемо произвело бы самое невыгодное впечатлѣніе на русское населеніе губерніи. Освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости и временная нужда мѣстныхъ помѣщиковъ въ деньгахъ помогли церковному дѣлу выйдти изъ этого затруднительнаго положенія. Располагая строевыми лѣсами, приносившими имъ ничтожный доходъ, помѣщики предложили свои услуги въ дѣлѣ церковныхъ построекъ, и, при убѣжденіяхъ губернатора, при отсутствіи лишнихъ формальностей и при разныхъ льготахъ, допущенныхъ министерствомъ для подрядчиковъ, они согласились даже на значительныя уступки противъ смѣтныхъ цѣнъ. Такимъ образомъ, хотя постройка православныхъ церквей была и несовмѣстна съ религіозными и политическими мыслями дворянъ, считающихъ себя поляками, но матеріяльныя выгоды взяли верхъ, и на этотъ разъ, надъ вѣковыми предубѣжденіями; мѣстная же администрація, благодаря энергіи и особенной горячей преданности этому дѣлу начальника губерніи, употребила всѣ средства для огражденія исправнаго производства принятыхъ помѣщиками работъ, и, не смотря на то, что до 40 подрядчиковъ оказались несостоятельными, дѣло неостановилось: немедленно явились на мѣсто несостоятельныхъ новыя, болѣе надежныя лица, докончившія постройки безъ убытка для правительства. Даже вспыхнувшее въ западномъ краѣ возстаніе и мѣстные по губерніи безпорядки не произвели особой остановки въ церковностроительномъ дѣлѣ. Только въ пяти селеніяхъ, вслѣдствіе ареста, по прикосновенности къ мятежу, по-

мѣщиковъ, взявшихъ на себя постройку, представилась необходимость принять особыя мѣры. Не мало затрудненій оказалось и при устройствѣ иконостасовъ. Отсутствіе хорошихъ мѣстныхъ иконописцовъ, ограниченность смѣтныхъ исчисленій, отказъ подрядчиковъ принять на себя иконостасныя работы заставили обратиться въ Петербургъ, гдѣ, благодаря добросовѣстному выполненію заказа, 66 сельскихъ церквей украсились иконами весьма удовлетворительной живописи.

Независимо отъ этого, министерство, при первомъ осмотрѣ церквей *могилевской* губерніи, узнавъ нужды ихъ въ богослужебныхъ принадлежностяхъ и книгахъ, открыло частную подписку добровольныхъ приношеній. По благочестивому примѣру Ихъ Величествъ и Августѣйшихъ Членовъ Императорскаго Дома, высокопреосвященные митрополиты Филаретъ и покойный Григорій и частныя лица обѣихъ столицъ отозвались съ полнымъ сочувствіемъ къ этимъ нуждамъ. Въ короткое время 209 храмовъ *могилевской* губерніи, безъ всякихъ денежныхъ затратъ казны, были надѣлены всѣми необходимыми предметами для богослуженія, въ числѣ которыхъ поступило не малое количество весьма цѣнныхъ вкладовъ.

Такимъ образомъ, начатое въ 1859 году дѣло постройки православныхъ храмовъ *Могилевской* губерніи, въ теченіи шести лѣтъ, при многихъ для него неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, доведено до слѣдующихъ результатовъ. Изъ всего количества 314 предназначенныхъ къ обновленію церквей:

а) *Построено и передано въ духовное вѣдомство:* новыхъ: каменныхъ 9, деревянныхъ 63; капитально исправленныхъ: каменныхъ 16, деревянныхъ 161. *Всего 249.*

б) *Окончено, но еще не передано въ духовное вѣдомство:* новыхъ 2 каменныхъ, 9 деревянныхъ и 31 капитально исправленныхъ; *всего 42.*

в) *Производятся работы* (которыя будутъ окончены въ текущемъ году) по 10 новымъ и 4 починяемымъ храмамъ, *всего 14.* Затѣмъ починка *остальныхъ 9 церквей* пріостановлена по разнымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ.

На всю церковностроительную операцію *могилевской* губерніи ассигновано правительствомъ безвозвратно 711,303 р. $7\frac{3}{4}$ к.

Средняя стоимость каждой возобновляемой церкви обошлась въ 2,265 р. [1]).

Итакъ, забота, предстоявшая министерству внутреннихъ дѣлъ объ устройствѣ православныхъ церквей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ *могилевской* губерніи, приближается къ концу: всѣ храмы этой губерніи будутъ въ весьма непродолжительномъ времени возобновлены, снабжены необходимыми богослужебными предметами и сданы въ духовное вѣдомство. Остается разрѣшить только возбужденный уже вопросъ о приличномъ содержаніи ихъ на будущее время, чтобы не могли повториться тѣ безпорядки, какіе замѣчались при бывшемъ осмотрѣ церквей.

Кромѣ желаемаго благолѣпія церквей господствующей въ Имперіи вѣры, отъ правильнаго разрѣшенія этого вопроса будетъ отчасти зависѣть сохраненіе и прочное водвореніе въ *могилевской* губерніи ея исконныхъ, русскихъ началъ [2]).

Расколъ въ западно-русскомъ краѣ.

Въ существѣ дѣла расколъ вездѣ одинаковъ. Какъ бы по мѣстамъ онъ ни разнообразился въ частностяхъ, какіе бы ни принималъ особые оттѣнки, въ какой бы мѣстности ни нашелъ себѣ пріютъ,—онъ всегда останется *великорусскимъ* расколомъ, въ захолустьяхъ—грубымъ русскимъ расколомъ, въ торговыхъ пунктахъ—богатымъ, пронырливымъ, гибкимъ, двоедушнымъ между практическимъ либерализмомъ и теоретическимъ педантизмомъ старообрядческой обрядности—расколомъ. Тѣмъ не менѣе пріурочиваніе раскола къ данной мѣстности, изученіе его въ этой мѣстности, имѣетъ значеніе. Знаніе условій, подъ какими выработалась та или другая особенность, то или другое направленіе въ расколѣ, проливаетъ много свѣта на все старообрядство. При естественной, обычной во всякомъ расколѣ неустойчивости, отъ необъединенія *свободно* вырабатывающихся идей какимъ-либо

---

1) Цифра эта должна еще уменьшиться отъ сбереженій, сдѣланныхъ начальникомъ губерніи, которыя въ настоящее время не приняты въ разсчетъ, по неокончанію всѣхъ смѣтныхъ работъ.

2) Удивляемся забвенію вполнѣ неизвинительному, объ имени того человѣка, который попреимущественно заботился объ устройствѣ и благолѣпіи церквей въ западной Россіи вообще, и въ могилевской губерніи вчастности. Имя этого человѣка извѣстно всякому и безъ названія.

Ред.

внѣшнимъ авторитетомъ, при естественномъ броженіи старообства, при исканіи имъ чего-то новаго и лучшаго, расколъ всегда приливаетъ къ той мѣстности, гдѣ во главѣ старообрядческой семьи становится даровитый наставникъ, сильный характеромъ, человѣкъ, стягивающій къ себѣ всѣ нити, связующія раскольническую семью. Вотъ, между прочимъ, причина, почему раскольническіе центры постоянно переходятъ изъ одной мѣстности въ другую.

Западно-русскій расколъ, оставившій Великороссію, занялъ мѣстность, во всемъ отличную по обстановкѣ отъ послѣдней. Это должно дать ему совершенно оригинальную физіономію и отразиться потомъ его особенностями на цѣломъ расколѣ; но мы имѣемъ теперь пока немного въ своемъ распоряженіи фактовъ, по коимъ *исторически* можно было бы прослѣдить указанное явленіе. Мы хотимъ обратить пока вниманіе на иное значеніе раскола въ западномъ краѣ. Уже много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ появились здѣсь первыя раскольническія поселенія, и во весь этотъ длинный періодъ жизни старообрядства, ни словомъ, ни дѣломъ расколъ не измѣнилъ русской народности, главнымъ представителемъ которой судьба назначила быть ему до послѣдняго времени въ западно-русской нашей территоріи. Не имѣя силы принудить православное населеніе попрать свою вѣру въ пользу латинства, іезуиты сами и чрезъ пановъ успѣли однако сдѣлать это населеніе безотвѣтнымъ при самыхъ возмутительныхъ дѣйствіяхъ польской пропаганды. Не отнявши, какъ мы сказали, у православныхъ вѣры, іезуитская пропаганда отняла у нихъ образованіе, лишила ихъ возможноти знать самыя необходимыя православныя молитвы, нагрузила ихъ въ совершенное религіозное невѣжество, оставила ихъ, и то не вездѣ, при однихъ лишь православныхъ обрядахъ... Одно раскольничье населеніе іезуитство не успѣло втоптать въ грязь; объ его юридическую и нравственную независимость, его матеріальное благосостояніе его дружную замкнутость въ своемъ кружкѣ, разбилась бы какая угодно, іезуитская изъ іезуитскихъ, пропаганда. И раскольникъ не боялся относиться къ самому именитому пану, почти какъ къ равному, при арендѣ у него земли и другихъ столкновеніяхъ.

Таково значеніе раскола на западѣ среди окружавшей его обстановки. Иное дѣло будетъ расколъ, разсматриваемый изолированно, одинъ, во внутренней его жизни. Въ этомъ отношеніи онъ здѣсь, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, является со

всѣми неустройствами неустановившейся религіозной жизни. Замѣчаніе это мы находимъ необходимымъ потому, что въ нашей статьѣ собраны доступные намъ *матеріалы* именно о расколѣ самомъ въ себѣ, и для читателя будутъ представляться, при нашемъ замѣчаніи, яснѣе факты изъ внутренней жизни старообрядства. Но въ будущемъ намъ хотѣлось бы нѣсколько идеализировать положеніе раскола. Надежды наши на эту идеализацію опираются, впрочемъ, не на самый расколъ, а на западно-русское духовенство. Было бы очень желательно, безъ сомнѣнія; плотнѣе сгруппировать на западѣ всю массу русскаго населенія, лежащее же между расколомъ и православнымъ простонародьемъ средостѣніе панства теперь уничтожено. Къ несчастію, религіозныя разномыслія всегда замыкаютъ расколъ или вызываютъ его на пропаганду. Для устраненія же того и другаго возможна и единственно-примѣнима одна мѣра—православное миссіонерство, не правительственное миссіонерство, а миссіонерство свободное, общественное, иниціатива котораго должна быть принята на себя самимъ духовенствомъ. Прежде объ этомъ нечего было и думать, когда матеріальное положеніе духовенства ставило его въ унизительныя отношенія къ обществу и роняло всякій авторитетъ его въ глазахъ послѣдняго, когда духовенство занято было чуть не насущнымъ пропитаніемъ. Теперь средства духовенства, благодаря заботливости правительства, обезпечиваются, и ему представляется полная свобода и возможность быть истиннымъ представителемъ и хранителемъ православія. Время для миссіонерства удобно теперь и по другой причинѣ. При той свободѣ, какою расколъ пользуется, сравнительно съ прежнимъ временемъ, и будетъ пользоваться въ отношеніи религіи, внутренняя жизнь его должна скоро измѣниться. Тогда какъ прежде всѣ заботы его обращались исключительно на укрывательство отъ правительства, нынѣ старообрядство должно обратиться къ вопросамъ догматическимъ и вопросамъ церковной практики. На этомъ пути расколъ неизбѣжно долженъ сталкиваться съ православіемъ, додумываться понемногу до православія. И это возможно тѣмъ болѣе, что религіозная свобода, при необъединеніи раскола авторизующимъ началомъ, будетъ причиною усиленнаго развитія сектантства, которое внутренно будетъ ослаблять расколъ и возбудитъ во многихъ старообрядцахъ желаніе правильнаго церковнаго устройства...

Численность старообрядцевъ въ западно-русскомъ краѣ офиціально представляется въ такомъ видѣ: всѣхъ раскольниковъ въ десяти западныхъ губерніяхъ—виленской, витебской, волынской, эстляндской, курляндской, лифляндской, минской, могилевской, подольской и смоленской въ 1825 г. офиціально значилось 90.803 (изъ нихъ поповщины 31.112, безпоповщины 43.148), въ 1827 году 120,197 (поповщины 28.325, безпоповщины 43,806, раскольниковъ, принадлежавшихъ къ помѣщичьимъ крестьянамъ 48.066), въ 1837 году 118,369 (поповщины 22.223, безпоповщины 96.745), въ 1839 году 107.009 (поповщины 21.353, безпоповщины 85,656), въ 1841 году 113.194 (поповщины 28.936, безпоповщины 84.258), въ 1856 году 116.524 (поповщины 40.760, безпоповщины 77.764). Центральный статистическій комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ недавно изданныхъ „Статистическихъ таблицахъ", подводя итоги численности раскольниковъ въ Россіи, пришелъ къ тому убѣжденію, что старообрядцевъ офиціально показывается только десятая часть. Въ приложеніи къ западному краю, это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ нѣкоторыхъ, напримѣръ, уѣздахъ виленской губерніи многія раскольническія колоніи, образовавшіяся на заросляхъ и до сихъ поръ не имѣютъ опредѣленныхъ названій. Принявши же такую пропорцію, мы найдемъ, что въ означенныхъ десяти губерніяхъ въ 1826 году раскольниковъ было 908,030, въ 1827 г. 1.201.970, въ 1837 г. 1.189.690 въ 1839 г. 1.070.090, въ 1841 г. 1.170.090, въ 1841 г. 1.131.940, въ 1846 году 1.165.240. Любопытно при этомъ наблюдать, какъ мѣнялись въ разное время раскольническіе центры и какъ передвигалось съ мѣста на мѣсто раскольничье населеніе. Такъ въ 1839 году въ виленской губерніи численность поповцевъ упала противъ 1837 года на 4.279, а въ витебской возрасла до 2.299, въ тоже время въ первой усилилась безпоповщина на 1481; въ 1841 г. въ виленской же губерніи количество безпоповцевъ сократилось на 3,940, а въ витебской губерніи увеличилось на 1,605, въ 1846 г. безпоповщина въ лифляндской губерніи упала на 13.061, въ курляндской губерніи поднялась на 2927, а въ минской на 3.054. Это передвиженіе раскольническихъ центровъ вообще условливается двумя обстоятельствами: во первыхъ, какъ сказано выше, даровитостію наставниковъ, около которыхъ плотнѣе группируется населеніе, а отсюда поднимается уровень и матеріальнаго благосостоянія, увеличивается количество призрѣвае-

мыхъ и проч., и во вторыхъ правительственными мѣрами. Тоже, вѣроятно, было и на западѣ.

Колонизація безпоповщинско-раскольничья (изъ раскольниковъ ѳедосѣевцы и часть филипповцевъ—преобладающее населеніе на западѣ) въ западно-русскомъ краѣ началась съ давнихъ поръ, еще до подчиненія его Россіи. Есть прямыя историческія свидѣтельства о томъ, что въ этомъ краѣ разсѣялось большинство древнихъ стригольниковъ и значительная часть жидовствующихъ еретиковъ. Къ несчастію, нельзя только никоими способами исторически прослѣдить, что сталось съ означенными сектантами и вошли ли они въ составъ раскольнической семьи. Можно, правда, указать на одинъ фактъ, говорящій отчасти въ пользу предположенія о соединеніи раскола 1667 года съ стригольниками; но мы боимся сдѣлать изъ него окончательный выводъ. Такъ въ витебской губерніи довольно ясно обозначаются двѣ вѣтви безпоповщинскаго раскола, который, судя по различію въ нѣкоторыхъ обрядахъ и другимъ отличіямъ обстановки, не въ одно время выселился изъ Россіи. Такъ, ѳедосѣевцы люцинскаго, рѣжицкаго, дрисскаго и динабургскаго уѣздовъ въ ученіи о бракѣ болѣе приближаются къ установленіямъ своего основателя Ѳедосѣя, и хотя имѣютъ сожительницъ, но допускаютъ ихъ какъ бы по необходимости, не совершая при этомъ никакихъ обрядовъ; въ уѣздахъ же полоцкомъ, витебскомъ и лепельскомъ, при вступленіи въ сожительство у ѳедосѣевцевъ соблюдаются нѣкоторые обряды (благословеніе наставника при собраніи родственниковъ со стороны жениха и невѣсты, чтеніе особыхъ молитвъ и проч.), придающіе ему наружный видъ таинства. Поселенія первыхъ расположены одно подлѣ другаго, связаны постоянными сношеніями, отличаются особымъ согласіемъ насельниковъ и признаютъ главою своею Ригу. Послѣдніе, хотя и принадлежатъ къ ѳедосѣевскому согласію, но не такъ строго, какъ первые, исполняютъ установленія основателя его—крестецкаго дьячка Ѳедосѣя и не имѣютъ такихъ тѣсныхъ сношеній съ динабургскими раскольниками и Ригою. Тогда какъ лепельскіе, полоцкіе, витебскіе и суражскіе ѳедосѣевцы признаютъ главою своею м. Хлопеники, минской губерніи, борисовскаго уѣзда;—динабургскіе едва знаютъ это мѣстечко. Невельскіе же и себежскіе ѳедосѣевцы состоятъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ великорусскими своими собратьями. Къ этому можно еще прибавить, что въ динабургскомъ, рѣжицкомъ, люцинскомъ, и дрисскомъ

уѣздахъ не живетъ ни одного ѳедосѣевца, принадлежащаго къ мѣщанству лепельскаго, полоцкаго и другихъ уѣздовъ витебской губерніи, не смотря на то, что тамъ проживаютъ раскольники даже другихъ губерній. Первое же печатное свидѣтельство о развитіи раскольничьей безпоповщинской колонизаціи въ западномъ краѣ относится къ 1724 году, когда русское правительство просило герцогиню курляндскую выслать изъ Курляндіи раскольниковъ на прежнія мѣста ихъ жительства и, для лучшаго приведенія въ ясность количества поселившихся здѣсь старообрядцевъ, отправить и православныхъ россіянъ (вѣроятно тайныхъ раскольниковъ), уклоняющихся отъ исповѣди, въ Ригу, къ священникамъ для исполненія христіанскаго долга. Древность поселенія безпоповцевъ въ ковенской губерніи доказываетъ тѣмъ, что нѣкоторыя изъ существующихъ тамъ моленъ устроены еще въ прошломъ столѣтіи. Колонизація поповщинская въ западномъ краѣ современна образованію раскола; она началась и распространялась изъ Вѣтки, но съ усиленіемъ черниговскихъ посадовъ главная масса раскола отхлынула къ тому краю.

Въ витебской губерніи поповцы расположены въ самомъ Витебскѣ съ уѣздомъ и въ суражскомъ уѣздѣ, ѳедосѣевцы же разсѣяны во всей губерніи по селамъ и деревнямъ, а изъ городовъ живутъ—въ Витебскѣ, Полоцкѣ, Динабургѣ, Рѣжицѣ и Люцинѣ. Въ ковенской (*) въ уѣздахъ: ковенскомъ, вилкомирскомъ, новоалександровскомъ и отчасти въ поневѣжскомъ, а въ прочихъ уѣздахъ раскольники не живутъ, хотя по ревизскимъ сказкамъ нѣкоторые и записаны, напримѣръ въ г. Шавляхъ. Всѣхъ раскольническихъ селеній, лежащихъ большею частію на помѣщичьихъ земляхъ, считается 730, включая въ это число и занимаемое старообрядцами предмѣстье г. Ковно и города: Новоалександровскъ и Вилкомиръ. Самыя многолюдныя и вліятельныя поселенія: с. Рымки, ковенскаго уѣзда (204 д.), и зашт. г. Видзы, новоалександровскаго уѣзда. Раскольничье населеніе въ ковенской губерніи несравненно значительнѣе православнаго: раскольниковъ *оффиціально* значилось въ 1857 г. 14.773, а православныхъ 8.754. Въ курляндской губерніи главное средоточіе раскола (ѳедосѣевщины)—иллукштскій уѣздъ (восточная сторона его), особенно въ имѣніяхъ: графа Платеръ-Зыберга, Энгельгарда, барона фонъ-Цурмилена, Шене, Саккена, Крума, фонъ-Виттенгей-

(*) Здѣсь секты: ѳедосѣевская и филипповская.

ма и Реннгартера. Въ лифляндской губерніи—Рига и дерптскій уѣздъ. Эта послѣдняя мѣстность, по своему благопріятному положенію въ промышленномъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія: здѣсь раскольническія селенія разсѣяны вдоль всего берега Чудскаго озера и судоходной рѣки Эмбахъ, занимая такимъ образомъ почти весь продолговатый трехъ-угольникъ, образуемый западнымъ берегомъ Пейпуса, впадающею въ него рѣкою Эмбахъ, и почтовымъ трактомъ изъ Дерпта въ С.-Петербургъ. Въ минской губерніи раскольническія (филипповскія) селенія расположены въ уѣздахъ: бобруйскомъ (по преимуществу,—главное средоточіе — Капустинская слобода), борисовскомъ (здѣсь главное средоточіе—д. Бобирха), минскомъ и игуменскомъ, и городахъ: Бобруйскѣ, Борисовѣ, Рѣчицѣ и Мозырѣ. Въ могилевской губерніи продолжается еще, пожалуй, пользоваться нѣкоторымъ значеніемъ для поповщины Вѣтка, но это значеніе условливается только развѣ древностію ея и воспоминаніемъ цвѣтущаго ея времени. Тутъ въ 1857 г. не было даже молельни, и богослуженіе совершалось въ частныхъ домахъ. Въ смоленской губерніи поповцы расположены: 1) около Гжатска къ сѣверу по р. Гжати, къ югу—по правую сторону дороги изъ Гжатска въ Юхновъ и по границамъ юхновскаго и вяземскаго уѣздовъ,—въ 25 верстахъ отъ Гжатска с. Карманово образуетъ центральную мѣстность для совершенія требъ и богомоленія раскольниковъ сычевскаго, гжатскаго, зубцовскаго и ржевскаго уѣздовъ. Въ одной же верстѣ отъ Гжатска находится старинное раскольническое кладбище, гдѣ, между прочимъ, похороненъ будто какой-то великомученикъ Никита, пострадавшій, по преданію раскольниковъ, во время гоненія, бывшаго при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. На могилу этого-то Никиты съѣзжаются въ большомъ числѣ раскольники означенныхъ уѣздовъ 15 сентября; здѣсь читается акаѳистъ, поминаются усопшіе и берется каждымъ изъ присутствующихъ горсть песку, которому старообрядцы придаютъ цѣлебное свойство; 2) въ Юхновѣ и около него по р. Угрѣ, по дорогамъ въ Гжатскъ и Вязьму, къ границѣ калужской губерніи. Въ этой мѣстности для раскольниковъ есть центральный торжокъ, въ 25 верстахъ отъ Юхнова, по вяземской дорогѣ, въ с. Климовомъ Заводѣ (имѣніе кн. Юсупова), куда съѣзжаются старообрядцы и изъ калужской губерніи. Безпоповцы живутъ: въ юхновскомъ уѣздѣ вмѣстѣ съ поповцами, затѣмъ на границѣ сычевскаго уѣзда, а главнымъ образомъ къ югу отъ Гжатска, по

р. Вори, около границы юхновскаго уѣзда и около границы медынскаго уѣзда, калужской губерніи. Скопцы встрѣчаются къ сѣверу отъ Гжатска въ деревняхъ кн. Голицыныхъ, около с. Климова Завода и г. Юхнова. Хлысты — на Старицкой дорогѣ близъ границы зубцовскаго уѣзда, на границѣ волоколамскаго и можайскаго уѣздовъ.

Особенно сильный притокъ раскола въ западныя губерніи падаетъ на двадцатые, тридцатые и отчасти сороковые годы, т. е. на время, когда внутри Россіи начали издаваться одно за другимъ разнаго рода ограниченія относительно раскольниковъ, пользовавшихся de facto очень большою свободою при императрицѣ Екатеринѣ II и Александрѣ I. Такъ въ 1827 году въ виленской губерніи число поповцевъ увеличилось противъ 26 года на 5302, въ курляндской на 3411, въ лифляндской безпоповцевъ прибавилось 14.377, въ смоленской губерніи число раскольниковъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ возрасло на 4.880. Въ 1837 г. въ виленской губерніи количество безпоповцевъ увеличилось на 10.754, въ курляндкой на 4 почти тысячи, въ лифляндской и минской тоже. Въ 1841 г. поповцевъ въ могилевской губерніи явилось больше противъ 1839 года на 5,629. Какъ всегда бываетъ въ подобныя эпохи жизни сектантства, т. е. при переходѣ свободы къ стѣсненіямъ, разгулъ произвола, съ одной стороны, и прозелитизма, съ другой, является довольно сильный. Въ западно-русскомъ краѣ это должно было обнаружиться яснѣе потому, что тамъ вліяніе правительства было слабѣе (почему, это видно будетъ ниже). Въ мартѣ 1825 года сенаторъ Новосильцовъ доносилъ, что и въ грабежахъ и разбояхъ производимыхъ въ виленской губерніи, наиболѣе участвуютъ люди, именуемые филипонами и бурлаками, которые, бывъ записаны по ревизіи въ лифляндской, курляндской и витебской губерніяхъ,—Ригѣ, Митавѣ, Якобштадтѣ, Динабургѣ и проч., перешедши въ виленскую по паспортамъ, поселясь въ деревняхъ, застѣнкахъ и хуторахъ и шатаясь изъ мѣста въ мѣсто, подъ разными благовидными предлогами, заводятъ разбойническія связи, находятъ пристанодержателей, и такимъ образомъ составляютъ неразрывную цѣпь, служащую имъ къ собственному ихъ укрывательству и сокрытію покраденныхъ вещей. И хотя правительство учредило въ этихъ губерніяхъ коммиссію для приведенія въ извѣстность лицъ, перешедшихъ сюда на жительство изъ внутреннихъ губерній, хотя въ 1819 г. командированъ былъ въ лифляндскую губернію чи-

новникъ съ военною командою; но слѣдствіемъ всѣхъ этихъ хлопотъ было только то, что въ 1829 году состоялось распоряженіе „объ оставленіи раскольниковъ и другихъ людей, водворившихся въ лифляндской и витебской губерніяхъ, по кормежнымъ паспортамъ, или проживающихъ безъ письменныхъ видовъ, на мѣстахъ нынѣшняго пребыванія ихъ." А въ 40-хъ годахъ между раскольниками довольно сильна была мысль о переселеніи на привольное житье къ прусской границѣ, но противъ этого приняты были мѣры, а могилевскихъ поповцевъ довольно много убѣжало въ образованную, на русской съ Молдавіею границѣ, поповщинскую колонію—с. Горки.—Кстати здѣсь о припискѣ. Раскольники вообще не любятъ жить въ мѣстахъ приписки,—или дробятъ семейства при припискѣ, или наконецъ принимаютъ имена умершихъ *). Это дѣлается для большаго удобства укрываться отъ разныхъ невзгодъ, напр. отъ солдатства. Такъ, приписанныхъ къ ковенской губерніи больше 14 т. старообрядцевъ, а въ мѣстахъ приписки живетъ лишь около 3 т. Въ курляндской губерніи при одномъ изъ наборовъ рекрутъ въ 50 годахъ изъ 108 жеребьевъ раскольническихъ могло быть поставлено только 10 рекрутъ, прочіе значились или въ бѣгахъ или въ неизвѣстныхъ отлучкахъ. Что касается разбойничества курляндскихъ раскольниковъ, то оно скоро, разумѣется, уничтожилось, но слѣды его остались въ конокрадствѣ на всемъ западѣ Россіи, до самаго Чернигова, хотя ими руководятъ нынѣ собственно не раскольники, а принимаемый ими разный сбродъ изъ бѣглыхъ солдатъ, мошенниковъ, преслѣдуемыхъ закономъ и проч. Въ настоящее время главное средоточіе подобнаго рода тунеядцевъ въ углу иллукштскаго уѣзда, прилегающаго къ губерніямъ: витебской, ковенской и волынской.

Почти весь безпоповщинскій (ѳедосѣевцы) расколъ въ церковно-общинномъ управленіи объединяется Ригою, главное же тяготѣніе поповщины, не имѣющей здѣсь самостоятельнаго значенія—къ черниговской губерніи, къ Москвѣ, Ржеву и Калугѣ, смотря по удобству сообщенія съ означенными мѣстностями и потому, какъ шла колонизація поповства. Только ѳедосѣевцы гжатскаго уѣзда, смоленской губерніи, состоятъ, кажется, въ зависимости отъ Преображенскаго кладбища; по крайней мѣрѣ отлучки отсюда въ Москву, особенно старыхъ людей, видимо не для за-

*) Тутъ бываютъ иногда куріозныя вещи: наприм. 60-лѣтній старикъ записанъ 20-лѣтнимъ юношей.

работковъ, очень часты. У насъ подъ руками есть довольно интересный документъ (Уставъ) объ управленіи рижской богадѣльни, задающей тонъ всему расколу на западѣ. Его можно находить, между прочимъ, въ витебской губерніи. Уставъ этотъ составленъ въ 1826 г. по образцу принятаго на Преображенскомъ московскомъ кладбищѣ и начинается такъ: „Словеса Господня, словеса чиста, сребро разженно, очищено седмерицсю, Ты Господи соблюдеши ны во вѣки. Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ, аминь. Мы рижское благочестивое общество, выслушавъ московскаго церковнаго о устроеніи нижеписанныхъ статей, съ ними согласуемся и въ законъ исповѣданія нашего пріемлемъ и рукоподписаніемъ нашимъ утверждаемъ.“ Самое управленіе организовано уставомъ такимъ образомъ: „Изъ семи избранныхъ свѣтскихъ людей и трехъ духовныхъ особъ составляется церковный совѣтъ. Совѣтъ обязанъ имѣть надзоръ за соблюденіемъ нашихъ (старообрядческихъ) православныхъ догматовъ и преданій и всего внутренняго и внѣшняго церкви распоряженія и благоустройства, равно всѣ наши по христіанству дѣла на разсужденіе и опредѣленіе по законамъ церковнымъ. Почему совѣтъ долженъ принять къ себѣ всѣ церковныя наши дѣла въ управленіи и различныхъ временъ предковъ нашихъ сочиненія и узаконенія, которыя всѣ ему внимательно пересмотрѣть должно, и согласныя съ закономъ и описаніемъ утвердить, недостаточныя пополнить, невразумительныя объяснить, а противныя правиламъ и Св. Писанію, предъ обществомъ доказавъ, отмѣнить, понеже бо въ нѣкоторыхъ узаконеніяхъ оныхъ обрѣтаются и погрѣшности, какъ-то: въ статьяхъ польскихъ (разумѣются, вѣрно статьи мнимаго собора Ѳедосѣя Васильева 1694 г.) и въ подобныхъ тѣмъ, ибо и Максимъ-грекъ послѣ великихъ чудотворцевъ россійскихъ и пастырей священныхъ многія и великія въ книгахъ погрѣшности повелѣніемъ царскимъ исправлялъ, какъ пишетъ онъ въ предисловіи Іосифовской граммаатики, на листѣ 24 и далѣе; также стоглавый соборъ четверящимъ аллилуія впредь запрети, и ихъ за незнаніе не осуди. И кѣмъ либо общества нашего что усмотрѣно будетъ въ церковныхъ содержаніяхъ недостаточнымъ или излишнимъ, то всякъ о томъ познавшій долженъ представить церковному совѣту письменно или словесно. Совѣтъ же все то принявъ приводитъ въ надлежащее исправленіе. Самимъ же онымъ собою, безъ вѣдома совѣта, никому ничего не составлять и не утверждать подъ великимъ запрещеніемъ.

Изъ духовныхъ дѣлъ правителей одному быть старшему, которому всѣ правящіе въ Ригѣ должности должны подчиняться и въ случайныхъ нуждахъ къ нему относиться. А и старшій во всѣхъ недоумительныхъ случаяхъ безъ церковнаго совѣта, одинъ собою, судить и рѣшать дѣлъ не можетъ, какъ и священные законы повелѣваютъ. На духовную должность служителей избирать церковному совѣту купно съ духовными отцами по законамъ церковнымъ и утверждать ихъ общественнымъ приговоромъ.“ Затѣмъ слѣдуетъ 60 подписей. Отъ наставника требуется, впрочемъ больше формально, строгая жизнь и начитанность. Чтобы дать наставникамъ больше свободы въ пропагандѣ, въ ковенской губерніи избираютъ ихъ большею частію изъ пришельцевъ другихъ губерній. При избраніи, кромѣ выбора общины, требуется согласіе на поставленіе сосѣднихъ трехъ наставниковъ. Въ минской губерніи у ѳедосѣевцевъ прежде былъ „старшина старовѣрческаго духовенства“, къ которому адресовались общины за рукоположеніемъ избираемыхъ ими наставниковъ. Въ мѣстахъ же разбросаннаго и рѣдкаго населенія безпоповцевъ церковныя требы очень часто исправляются старшими членами семьи.

Въ могилевской губерніи у поповцевъ требы исправляются попами черниговскихъ посадовъ. Сюда и въ смоленскую губернію черниговскіе раскольники высылаютъ на великій постъ нарочито избранныхъ для того монаховъ, которые и разъѣзжаютъ по селамъ и деревнямъ всюду, призывая на исповѣдь и предлагая причастіе, за что получаются большія деньги. Впрочемъ смоленская губернія тяготѣетъ больше, кажется, къ Москвѣ и окружающимъ ее мѣстностямъ. И хотя черниговскіе посады посылаютъ сюда время отъ времени поповъ, но соперничество ихъ съ Москвой не въ ихъ пользу; по крайней мѣрѣ гжатскіе поповцы ѣздатъ за требами чаще въ Москву на Рогожское и въ Ржевъ, а юхновскіе—въ Москву и калужскую губернію. Но само-собою разумѣется, подобныя поѣздки—роскошь для богатыхъ и въ важнѣйшихъ притомъ случаяхъ, наприм. для говѣнія, совершенія браковъ и проч. Бѣднякамъ же въ исправленіи обычныхъ церковныхъ требъ, наприм. крещенія, признано возможнымъ обходиться, за недостаткомъ постоянныхъ поповъ, и безъ нихъ. Въ смоленской и могилевской губерніяхъ особенно въ обычаѣ почти во всемъ замѣнять поповъ дѣвками — келейницами, часто приготовляемыми къ тому самими родителями, которыя изъ радѣнія къ будущему ихъ почету, на обученіе ихъ съ малолѣтства гра-

мотѣ обращаютъ преимущественное вниманіе. Особенною славою пользовалась на Веткѣ въ 50 годахъ, между прочимъ, дѣвка *Наталья Полякова;* она крестила новорожденныхъ младенцевъ, читала псалтирь надъ усопшими и имѣла запасные дары; у нея же хранились, говорятъ, антиминсъ и богослужебныя книги изъ сгорѣвшей вѣтковской старообрядской церкви. Совершеніе же брака для бѣдныхъ вовсе недоступно въ большинствѣ случаевъ,— они родятся и живутъ только по благословенію родителей. Въ гжатскомъ уѣздѣ, смоленской губерніи, дѣвки вообще исполняютъ обязанности причетниковъ; они по преимуществу сопровождаютъ, съ пѣніемъ, тѣла умершихъ на кладбища.

У поповцевъ и безпоповцевъ одинаково есть своя почта. Обычныя текущія извѣстія сообщаются изъ селенія въ селеніе чрезъ разныхъ бродягъ, шатающихся подъ именемъ нищихъ и живущихъ на счетъ раскольниковъ; въ экстренныхъ же случаяхъ раскольникъ, получившій важное извѣстіе, закладываетъ тотчасъ лошадь и скачетъ съ нимъ въ сосѣднюю деревню, откуда разсылаются гонцы по всѣмъ направленіямъ, и въ нѣсколько часовъ извѣстіе пролетаетъ цѣлый уѣздъ. Курляндскіе старообрядцы пріобрѣли, кажется, репутацію хорошихъ, по понятію раскольниковъ, учителей грамотѣ. По крайней мѣрѣ, у нихъ можно встрѣтить обучающихся мальчиковъ и изъ другихъ губерній. Да не они ли разъѣзжаютъ, подобно владимірскимъ или ярославскимъ портнымъ съ грамотнымъ ремесломъ и по витебской губерніи? Раскольническія жилища во многихъ мѣстахъ витебской губерніи можно узнать по прибитымъ къ воротамъ бумажкамъ съ надписью (дѣлаемою наставниками): „Христосъ съ нами уставився."

Еще не мѣшаетъ упомянуть здѣсь объ обрядахъ вступленія витебскихъ раскольниковъ въ сожительство; оно дѣлается такимъ образомъ: напередъ сговорившись съ какою нибудь женщиной или дѣвицей и получивши ея согласіе, раскольникъ пріѣзжаетъ за нею въ условленное мѣсто, и, какъ бы похитивши, везетъ ее къ себѣ въ домъ, и сожительство продолжается до наступленія семейныхъ неустройствъ. Чтобы придать дѣлу публичность, вступившіе въ сожительство часто ходятъ по базарамъ и вообще мѣстамъ большаго стеченія народа, взявшись за руки или держась за одинъ платокъ, какъ бы объявляя о своемъ сожительствѣ. По достиженіи 50 лѣтъ нѣкоторые, оставаясь жить въ одномъ домѣ, разлучаются съ сожительницами и не называются

болѣе новоженами. И слѣдующіе бываютъ обряды при вступленіи въ сожительство: въ назначенный день собираются родственники вступающихъ въ сожительство; на поставленномъ налоѣ предъ ними кладется крестъ и Евангеліе, къ которымъ по прочтеніи наставникомъ положенныхъ молитвъ и благословенія, новая чета прикладывается, — вѣнцы не употребляются. Бывали случаи, что раскольницы выходили замужъ за р. католиковъ и лютеранъ, — это вѣроятно богачки.

Разныхъ молитвенныхъ зданій до 50-хъ годовъ у раскольниковъ было не мало (*). Но въ 50-хъ годахъ большая часть ихъ или уничтожена или запечатана, — и раскольники совершаютъ богослуженіе въ частныхъ домахъ. Впрочемъ закрытіе молелень не слишкомъ чувствительно было для здѣшнихъ раскольниковъ, такъ какъ безпоповцы не особенно ревнуютъ по церковномъ благолѣпіи. Особенно же замѣчательныя молитвенныя зданія у раскольниковъ были: у лифляндскихъ ѳедосѣевцевъ каменная часовня въ Ригѣ и въ д. Вороньѣ; эта молельня была съ колоколами и „устроена однимъ изъ наставниковъ, который считался между дерптскими раскольниками старшимъ,“ имѣя въ своемъ завѣдываніи дерптскую молельню, осматривалъ молельни и въ другихъ деревняхъ, исповѣдывалъ раскольническихъ наставниковъ и по всѣмъ дѣламъ, касавшимся религіи, сносился съ высшимъ наставникомъ или „батькою,“ жившимъ въ с. Зальцахъ, въ

(*) Вотъ оффиціальныя цифры:

Названіе губерній.	1840 годъ.				1846 годъ.			
	Церкви.	Часовни.	Монастыри	Скиты.	Церкви.	Часовни.	Монастыри	Скиты.
Въ Виленской . . .	—	14	—	—	8	—	—	—
— Витебской . . .	—	21	—	—	35	—	—	—
— Волынской. . .	—	11	—	—	11	—	—	—
— Эстляндской. .	—	1	—	—	Неимѣется		свѣдѣній.	
— Курляндской. .	—	5	—	—	5	—	—	—
— Лифляндской. .	—	8	—	—	7	—	—	—
— Минской	—	6	—	—	5	—	—	—
— Могилевской. .	11	20	4	—	8	19	4	—
— Смоленской . .	—	15	—	—	—	27	—	—

20 верстахъ отъ Пскова по дорогѣ въ Порховъ" (*). У могилевскихъ поповцевъ—Лаврентьевскій монастырь; „онъ устроенъ на полуостровѣ, образуемомъ р. Ужою, за которою на нѣсколько верстъ тянулись непроходимыя болота и лѣса; черезъ рѣку положены были кладни или мостки, чрезъ которые раскольники при появленіи полицейскаго чиновника усылали бродягъ и бѣглыхъ въ прилегающіе лѣса и болота." Не вдалекѣ же отъ Лаврентьевскаго монастыря въ слободѣ новыхъ Крушкахъ при раскольнической церкви была пещера, въ которую велъ тайный ходъ изъ монашеской кельи; въ этой пещерѣ жилъ, называвшій себя схимникомъ, раскольникъ, а изъ нея потаенная дверь вела въ темный проходъ, длиною около 100 саженъ, съ разными переходами, гдѣ въ углубленіяхъ стояли иконы и кресты; въ одномъ мѣстѣ былъ вырытъ колодезь, воду котораго раскольники считали святою. Проходъ оканчивался погребомъ около квадратной сажени; здѣсь, по показанію раскольниковъ, жилъ схимникъ Викентій, въ концѣ прошлаго столѣтія; песокъ этого погреба считался священнымъ. Въ самой пещерѣ находится ящикъ, въ которомъ хранились книги Викентія (**).

Изъ жизни мистическихъ сектановъ стоитъ разсказать здѣсь интересное содержаніе производившагося въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ 1814 году и переданнаго Варадиновымъ въ его исторіи, дѣла о скопцахъ-хлыстахъ. „Между ними оказались два монастырскіе послушника, которые показали, что въ г. Юхновѣ, въ домѣ рядоваго инвалидной команды бывалы собранія секты, называемой хлистовщина, въ разное время, днемъ и ночью; начальницами ея были двѣ женщины, изъ которыхъ одна считалась имѣвшею даръ пророчества. Одинъ изъ послушниковъ, узнавъ о ихъ собраніяхъ, пожелалъ присоединиться къ нимъ, и принятъ въ ихъ общество такимъ образомъ: сперва онъ далъ присягу, состоявшую въ томъ, что онъ соблюдетъ въ тайнѣ „все бываемое въ ихъ собраніяхъ, и обязанъ представить поручителя не изъ частныхъ людей, а или Христа Спасителя, или Матерь Божію, или кого-либо изъ угодниковъ; онъ избралъ поручительство Матери Божій; по произнесеніи клятвы, его приняли въ общество при пѣніи тропаря; „во Іорданѣ крещающуся Тебѣ

(*) Ист. мин. в. д. т. VIII.
(**) Тамъ же.

Господи". Тропарь этотъ пѣтъ всѣми присутствовавшими, изъ коихъ каждый, взявъ образъ, какимъ клялся при вступленіи въ секту, обходилъ его три раза. Въ собраніяхъ, происходило сперва пѣніе псалмовъ, потомъ скачка при возвышенномъ пѣніи и крестообразно,—скачка назначена для утомленія плоти: затѣмъ, кто имѣлъ даръ пророчества, становился въ кругу, молился и, испрося отъ всѣхъ прощеніе, пророчествовалъ о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ каждаго, и не только о дѣлахъ, но и о намѣреіяхъ и будущихъ случайностяхъ, послѣ чего прорицатель опять просилъ прощенія. Въ то время прорицателями были мужчина и женщина, которая предсказала послушнику, что онъ будетъ настоятелемъ въ Каневскомъ казанскомъ монастырѣ, и потомъ его вызовутъ въ Смоленскъ. Отъ нихъ ему было „открываемо и оскопленіе, бывающее въ ихъ сектѣ отъ желающихъ; при этомъ говорили, что весною (1814 г.) будетъ въ Россіи страхъ человѣкомъ отъ небеснаго огня и бунтъ. По полученіи объ этихъ сборищахъ свѣдѣнія, правительство прекратило ихъ, а виновыхъ предало уголовному суду."

Въ 1841 г. ѳедосѣевецъ — дерптскій мѣщанинъ Сидоръ Куткинъ, проживавшій въ д. Воронье, пользуясь распространявшимся тогда между раскольниками обычаемъ, порожденномъ закрытіемъ моленень, совершать церковныя требы какъ нибудь своими средствами, а можетъ быть по личной непріязни къ кому-либо изъ наставниковъ, или самъ желая стать во главѣ новой общины, проповѣдывалъ въ курляндской губерніи, что каждый раскольникъ можетъ самъ исправлять церковныя нужды, не прибѣгая къ наставнику, и что поэтому незачѣмъ ходить на молитвенныя собранія. Ученіе это проникло изъ дерптскаго въ иллукштскій уѣздъ и имѣло не малый успѣхъ. Куткинъ въ 1842 г. сосланъ на Кавказъ.

Въ 40-хъ же годахъ въ Иллукштсомъ уѣздѣ появился новый толкъ митавскаго мѣщанина Ѳоима Блохина (онъ же Асташевъ). Блохинъ, принадлежавшій, кажется, ѳедосѣевскому согласію, былъ большой начетчикъ и самъ занимался составленіемъ и распространеніемъ разныхъ раскольничьихъ тетрадокъ, въ родѣ цвѣтниковъ; съ 1844 по 1847 г. онъ проживалъ въ имѣніи Лаученэе, близъ Египтенской станціи, на шоссе изъ Динабурга въ Ковно. Есть основаніе думать, что Блохинъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ мистическихъ натуръ, которыя

путемъ, по своему понимаемаго, аскетизма, при крайнемъ развитіи субъективной вѣры, мало по малу доходятъ до гордой самомнительности, убѣжденія себя въ мнимой своей святости,— онъ много читалъ, писалъ, и, при отсутствіи въ расколѣ авторизующаго церковнаго начала, не умѣя справиться съ наплывомъ религіозныхъ вопросовъ, наконецъ дошелъ до совершеннаго отрицанія обязательности Св. Писанія, св. иконъ, замѣнивъ всю свою религіозность озареніемъ свыше, и такимъ образомъ построивши что-то въ родѣ духоборческой системы. По крайней мѣрѣ извѣстно, что Блохинъ не былъ своекорыстнымъ интересаномъ, собирающимъ около себя секту изъ-за того лишь, чтобъ увѣковѣчить свое имя въ расколѣ. Бывши человѣкомъ очень зажиточнымъ, подъ вліяніемъ своего мистицизма, подъ вліяніемъ тоски о неустройствахъ міра (т. е. раскола), не дающаго никуда выхода, онъ не зналъ себѣ покоя отъ богатства и сектантскую свою дѣятельность началъ съ того, что роздалъ все свое имущество бѣднымъ и самъ остался бѣднякомъ. Когда его пропаганда сдѣлалась извѣстною правительству, въ 1847 году Блохина арестовали; но видя въ немъ фанатика, жертву заблужденія, а не злаго пропагандиста, скоро послѣ того освободили его на поруки содержателю Египтенской почтовой станціи, Эверсу. Впрочемъ это было для Блохина какъ бы вызовомъ на усиленіе пропаганды,—онъ увидѣлъ себя гонимымъ... Со станціи онъ бѣжалъ, нѣкоторое время расхаживалъ по петербургской губерніи, снова являлся въ Лауцензе, затѣмъ перенесъ пропаганду въ ковенскую губернію, но здѣсь въ 1856 г. былъ взятъ. Какая дальнѣйшая его судьба, не знаемъ; но идеи его нашли себѣ не мало приверженцевъ въ курляндской и ковенской губерніяхъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ отношеніи правительства къ западно-русскому расколу. Раньше мы упомянули, что преобладающій расколъ на западѣ ѳедосѣевскій, что всѣ нити его сходятся въ рижской богадѣльнѣ. Отъ этого и всѣ мѣры правительства направлены были къ ослабленію Риги. Поводомъ къ тому представлялось много. Обставленное хорошо, ѳедосѣевское лжемонашество скоро обратилось къ явному разврату и уничтоженію христіанской семьи, даже до многоженства: „прижитыя же отъ подобныхъ сожитій дѣти, оставаясь безъ отцевъ, не воспитывались, не обучались никакому ремеслу, а по приходѣ въ возрастъ пускались въ разбой и другіе пороки“,—многіе изъ нихъ

пріобрѣли извѣстность рижскихъ карманщиковъ; оставленныя мужьями жены съ дѣтьми становились тягостію для общества, а новорожденные не объявлялись для записки, гдѣ слѣдовало. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, если дезертиръ, мошенникъ добрался до Риги, это значило, что къ отысканію ихъ для полиціи слѣдъ потерянъ. Къ несчастію, пользуясь этими справедливыми поводами, правительство не могло достигнуть благопріятныхъ результатовъ, и виною въ томъ была особая обстановка правительства въ Ригѣ, да и на всемъ западѣ. Нѣмцы-администраторы и духовное начальство, выходя изъ разныхъ точекъ, никакъ не могли сойдтись ни во взглядѣ на расколъ, ни въ образѣ дѣйствія. Случалось, что гражданское и духовное начальство открыто враждовали и подрывали распоряженія другъ друга; каждое изъ нихъ обвиняло въ неуспѣхѣ дѣйствій своего соперника, добивалось у высшаго начальства преобладанія и дѣлало ему несогласныя представленія,— а отсюда и дѣятельность власти не могла соблюсти ни единства, ни должной устойчивости (*). Такъ въ 1838 г. рекомендовалось архіепископу псковскому: „сдѣлать секретное наставленіе его викарному епископу рижскому дѣйствовать въ отношеніи раскольниковъ средствами кроткаго убѣжденія и наказанія; въ сношенія съ гражданскимъ начальствомъ по дѣламъ, до раскольниковъ касающимся, входить не иначе, какъ по осторожномъ разсмотрѣніи необходимости и удобоисполнимости предлагаемаго имъ требованія.“ 17-го марта 1839 г. „дано секретное наставленіе рижскому архіерею, чтобъ онъ съ своей стороны не настаивалъ у мѣстнаго начальства о судебномъ разбирательствѣ раскольниковъ за браки ихъ съ р. католиками и лютеранами, такъ какъ эти исповѣданія имѣютъ свои уставы, и охранялъ бы паству свою отъ заразы раскола и духовнымъ назиданіемъ старался бы заблудшихъ обратить на путь истины.“ 17-го апрѣля 1842 г. „архіепископу псковскому сообщено, чтобъ онъ далъ священникамъ зараженныхъ расколомъ приходовъ наставленіе, дабы они не отказывали раскольникамъ и даже въ случаѣ надобности приглашали ихъ освящать брачные ихъ союзы (сводные браки) въ единовѣрческихъ церквахъ по ихъ желанію и чтобы таинство сіе совершали надъ ними, не простирая къ нимъ дальнѣйшихъ требованій.“

---

*) Здѣсь мы руководствуемся изданнымъ министерствомъ внутрен. дѣлъ сборникомъ постановленій по части раскола.

Закрывши въ 1832 г. раскольничье училище въ Ригѣ, записывая дѣтей рижскихъ ѳедосѣевцевъ въ кантонисты, обративши раскольничью часовню въ Ригѣ въ единовѣрческую церковь, запретивши призрѣвать въ рижской богадѣльнѣ раскольниковъ моложе 50 лѣтъ и безъ письменныхъ видовъ, запретивши раскольникамъ пріобрѣтать населенныя имѣнія и земли, правительство въ тоже время допустило курляндскихъ раскольниковъ къ свидѣтельству въ судахъ (1835 г.), дозволило смоленскимъ раскольникамъ (сычевскаго уѣзда) совершать духовныя требы въ Ригѣ (1839 г.), а рижскимъ крестить дѣтей, вызывало поповцевъ къ заселенію городовъ западнаго края (1841 г.), допустило устройство богадѣльни въ рѣжицкомъ уѣздѣ (1846 года). Подобнаго рода снисхожденію и парализованію дѣятельности правительства много содѣйствовали вообще помѣщики западнаго края, которые предпочитали раскольниковъ всѣмъ другимъ арендаторамъ земель и защищали ихъ всѣми средствами. Съ 50-хъ годовъ, правительство обратилось къ ослабленію рижскаго раскола путемъ просвѣщенія; такъ въ 1854 году утвержденъ проэктъ начальнаго русскаго училища въ Ригѣ, въ 1850 году дозволено принимать дѣтей раскольниковъ въ гимназіи (проэктировалось — и въ университеты), но объ результатахъ этихъ новыхъ отношеній къ расколу мы не можемъ сказать ничего положительнаго. Мало имѣло успѣха и единовѣріе, въ иллукштскомъ, напримѣръ, уѣздѣ изъ 400 единовѣрцевъ только 75 осталось въ единовѣріи. (Правосл. Обоз.)

А. Вескинскій.

Нѣсколько словъ о пребываніи г. главнаго начальника сѣверо-западнаго края въ г. Полоцкѣ витебской губерніи.

Нѣсколько дней провели мы въ ожиданіи, и, наконецъ, 3 сего іюля, въ 12 часовъ ночи, прибылъ въ г. Полоцкъ г. главный начальникъ края генералъ-адъютантъ Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ. На другой день, прежде всего онъ посѣтилъ соборъ, отслушалъ въ немъ обѣдню и затѣмъ осмотрѣлъ великолѣпное зданіе собора.

Послѣ церковнаго парада, въ которомъ участвовали войска, находящіяся въ Полоцкѣ, главный начальникъ края принималъ дворянство, мировыхъ посредниковъ, съ предсѣдателемъ мироваго съѣзда, и служащихъ въ присутственныхъ мѣстахъ.

Узнавъ изъ представленнаго ему списка, что въ числѣ 27 наличныхъ дворянъ, 14-ть состоятъ подъ надзоромъ полиціи, главный начальникъ края сказалъ имъ: »Съ прискорбіемъ узналъ я, господа, что большинство изъ васъ принимало непосредственное, дознанное участіе въ происходившихъ здѣсь политическихъ безпорядкахъ. Этотъ фактъ ясно доказываетъ, что причиною бѣдствій, постигшихъ этотъ край, были вы сами, и потому, по всей справедливости вы должны испытывать всѣ тягости, которыя суть не что иное, какъ послѣдствія вашихъ собственныхъ дѣйствій. Не ожидайте никакой перемѣны въ принятой системѣ. Я не отступлю ни предъ какими трудностями и твердо буду стремиться къ точному исполненію воли ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и желанія всей Россіи, чтобы возвратить и укоренить въ здѣшнемъ краѣ православіе и русскую народность, какъ древнее его достояніе. Забудьте мечты, занимавшія васъ до сего времени и помните, господа, что если вы не сдѣлаетесь по чувствамъ и мыслямъ русскими, безусловно преданными отечеству, то вы будете иностранцами въ этомъ краѣ и, должны оставить его.

Распросивъ затѣмъ предсѣдателя мироваго съѣзда и мировыхъ посредниковъ о положеніи крестьянскаго дѣла, г. главный начальникъ края указалъ имъ на необходимость скорѣйшаго, но точнаго и вѣрнаго составленія выкупныхъ актовъ, чтобы предоставить крестьянамъ возможность воспользоваться правами и льготами, въ законѣ указанными, и которыми они не пользуются, вслѣдствіе неправильно составленныхъ уставныхъ грамотъ. Мировыхъ посредниковъ просилъ обратить полное ихъ вниманіе на нравственное воспитаніе крестьянъ, развивать въ нихъ любовь къ труду, уваженіе къ закону и чужой собственности. Движимые любовью къ Россіи, будучи проводниками русской народности въ краѣ и пользуясь довѣріемъ крестьянъ, мировые посредники не должны, сказалъ г. главный начальникъ края, ограничиваться исполненіемъ только прямыхъ обязанностей, возложенныхъ на нихъ закономъ; они должны во всѣхъ случаяхъ, имѣть благотворное вліяніе на народъ: поощ-

рять къ устройству школъ, внушать строгое исполненіе обрядовъ церкви и обязанностей предъ правительствомъ и вообще помогать народу развиваться на пути нравственнаго преуспѣянія.

Для большаго ознакомленія съ подробностями крестьянскаго дѣла въ полоцкомъ уѣздѣ, г. главный начальникъ края пригласилъ къ себѣ вечеромъ предсѣдателя мироваго съѣзда и мировыхъ посредниковъ и провелъ въ бесѣдѣ съ ними нѣсколько часовъ.

Осмотрѣвши православные храмы въ городѣ, главный начальникъ края, послѣ обѣда, отправился въ Спасо-Преображенскій-Евфросиньевскій женскій монастырь, отстоящій отъ Полоцка въ 2-хъ верстахъ. Обитель эта построена въ XII вѣкѣ преподобною Евфросиніею, княжною полоцкою, въ старинномъ греческомъ вкусѣ. Внутри церкви на хорахъ уцѣлѣла келья преподобной Евфросиніи, въ которой нынѣ находится крестъ, принесенный ею въ даръ полоцкой Спасской обители. (1) Отслушавъ молебенъ въ этой кельѣ Константинъ Петровичъ осматривалъ трапезную, училище и другія заведенія обители.

По пути слѣдованія не пропускается ни одной православной церкви; въ каждую изъ нихъ заходитъ главный начальникъ края, распрашиваетъ священниковъ о нуждахъ церкви и часто немедленно оказываетъ необходимую помощь весьма бѣднымъ православнымъ храмамъ.

Крестьяне встрѣчаютъ главнаго начальника края, по русскому обычаю, съ хлѣбомъ-солью и, съ простодушіемъ земледѣльцевъ, разсказываютъ ему свое горе въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ не успѣли еще новые мировые съѣзды повѣрить и исправить неправильно составленныя уставныя грамоты. Не грознаго начальника видятъ предъ собою крестьяне, а человѣка, терпѣливо ихъ выслушивающаго и объясняющаго имъ какъ обязанности такъ и права ихъ.

Полоцкъ 6-го іюля.

Закладка церкви въ с. Ярщевичахъ, вилейскаго уѣзда.

Старая деревянная церковь въ Ярщевичахъ совсѣмъ не соотвѣтствуетъ своему назначенію, не смотря на то, что она усер-

---

(1) Смотри 12 книжку „Вѣстника Юго-западной Россіи“ за $18^{62}/_{63}$ годъ, отдѣлъ IV, статью: „Жизнь преподобной Евфросиніи княжны полоцкой.“

Ред.

діемъ бывшаго тамъ мѣстнаго священника Трояна, нынѣ благочиннаго въ м. Молодечно, и помощью братчика церкви д. с. с. Маслова, проживающаго въ Москвѣ, украшена образами и другими церковными вещами. И въ самомъ дѣлѣ, что можно сдѣлать, когда самое зданіе какъ будто вовсе не предполагалось для церкви, а скорѣе для какого нибудь сарая или склада, какъ почти всѣ вообще церкви, строившіяся въ западномъ краѣ Россіи, подъ вліяніемъ р. католицизма и ксендзовъ, старавшихся обратить посредствомъ уніи всѣхъ православныхъ въ р. католиковъ, и, чтобы болѣе подѣйствовать на простое русское сердце крестьянъ, строили великолѣпные храмы р. католическіе и всѣмимѣрами и происками старались, чтобы церкви русскія были какъможно больше безобразнѣе.

11-го іюня прибылъ въ Ярошевичи г. инженеръ Полозовъ съ мастеровыми для начатія работъ по постройкѣ новой церкви, во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, изъ булыжнаго камня, заготовленнаго усердіемъ прихожанъ.

Въ тотъ же день, волостной старшина пригласилъ крестьянъ прихожанъ съ заступами для вырытія фундамента. Цѣлый день рыли фундаментъ, но такъ какъ грунтъ оказался чрезвычайно мягкій, то по этому должны были рыть все глубоже и глубже, такъ что, неокончивши работы, крестьяне должны были разойтись; но начало уже было сдѣлано. На завтра, 12 числа, начался мелкій, тихій дождь, который постепенно усиливался, и продолжался цѣлыя сутки. Не смотря на это, крестьяне рано утромъ собрались въ числѣ сорока человѣкъ съ заступами для продолженія начатой вчера работы. Вскорѣ послѣ того пріѣхалъ любимый прихожанами благочинный священникъ Троянъ и началъ служить утреню; за тѣмъ пріѣхали предсѣдатель вилейскаго уѣзднаго комитета, военный начальникъ подполковникъ Малевскій-Малевичь, члены комитета: окружной надзиратель Ольденборгенъ, помощникъ его Ермолинскій и секретарь комитета Влусь. Предполагали быть еще и другіе члены комитета, но, къ сожалѣнію, по дѣламъ службы не могли отлучиться изъ города, а мировой посредникъ Ассауленко, убѣжденіемъ коего крестьяне заботились о скорѣйшей вывозкѣ нужныхъ матеріаловъ, былъ удержанъ дома болѣзнію. По окончаніи утрени, началась въ присутствіи всѣхъ собравшихся обѣдня, послѣ которой совершенъ былъ молебенъ и освященіе воды. Когда же получено было отъ инженера Полозова извѣ-

стіе, что все готово къ закладкѣ, тогда двинулась процессія съ крестами, хоругвіями и съ иконою Божіей Матери, несомою сестрами, учрежденнаго при яршевичской церкви женскаго братства; послѣ этого слѣдовали благочинный Троянъ и мѣстный священникъ церкви мѣстечка Холхлы, Василевскій, церковный причтъ и совѣтъ, предсѣдатель и члены комитета, и наконецъ прихожане. По отслуженіи на мѣстѣ молебствія и освященіи мѣста подъ сильнымъ дождемъ, прочитана была хартія, писанная на пергаментѣ, о закладкѣ храма и вмѣстѣ съ серебрянными монетами чекана 1865 и другихъ годовъ положена благочиннымъ въ дубовой ящикъ, который и заложенъ кирпичами священнослужителями, предсѣдателемъ, членами церковнаго совѣта, а также и нѣкоторыми изъ прихожанъ. Затѣмъ прихожане были угощены закускою и отъ души, съ криками: ура! пили за здоровье русскаго ЦАРЯ и всего Царствующаго Дома, начальниковъ края, всѣхъ присутствующихъ и отсутсвующихъ дѣятелей и заботящихся о постройкѣ сего храма, и братчика своего Маслова, усердіе коего и на новую яршевичскую церковь не оскудѣло. Между тѣмъ дождь продолжался; крестьяне благодарили Бога за ниспосланіе этой благодати и просили еше одной милости: теплыхъ дней. Услышалъ Господь ихъ молитву: теплые дни начались, хлѣба поправляются. (Вил. Губ. Вѣд. N. 35).

Закладка православной церкви въ с. Покровскомъ, Интурки тожъ, виленскаго уѣзда.

На берегу живописнаго интурскаго озера находится казенная ферма, десятинъ въ 300, бывшая въ арендѣ въ теченіе многихъ лѣтъ у пана К., иждивеніемъ котораго строенія этой фермы доведены до совершеннаго почти разоренія. На этой фермѣ, по распоряженію б. главнаго начальника края, въ настоящее лѣто селятся до 30 православныхъ семействъ, которыя скитались по виленскому уѣзду отъ одного пана къ другому, безъ крова и клочка земли.

Всякому теперъ извѣстна дѣятельность помѣщиковъ здѣшняго края по обезземеленію своихъ крестьянъ. Спросите и теперь мѣщанина въ мужицкомъ зипунѣ, въ любомъ уѣздномъ городкѣ, и окажется, что это бывшій крѣпостной, который

силою своего пана обезземеленъ и обманомъ его приписанъ въ мѣщане; послѣ чего, разумѣется, прогнанный со всѣмъ семействомъ, сдѣлался скитальцемъ, чуть не нищимъ. Къ этому хитроумному маневру, чая спасенія, прибѣгли многіе изъ здѣшнихъ пановъ въ промежутокъ времени отъ первыхъ разнесшихся слуховъ о крестьянской реформѣ до обнародованія положеній 19 февраля. До сихъ поръ въ нашей печати мало было говорено о дѣйствіяхъ прежней люстраціи въ краѣ, состоявшей изъ такихъ же пановъ, какъ паны помѣщики, съ тою только разницею, что первые носили значительные чины и сильнѣе пановъ помѣщиковъ дѣйствовали къ ополяченію края. Они доносили по начальству, что крестьяне всѣ надѣлены землею, имѣютъ полные участки и что за тѣмъ остается много казенной земли, котрая и была отъ крестьянъ отрѣзана. Изъ отрезковъ этихъ образовалось то огромное число казенныхъ фермъ, которое имѣется и понынѣ въ вѣдѣніи палаты государственныхъ имуществъ. Въ виленской губерніи ихъ было около 300, въ гродненской болѣе 400 фермъ. Ни одинъ православный, ни одинъ старообрядецъ, не смотря на усиленныя просьбы, не получалъ надѣла изъ казенной земли и даже не могъ добиться, чтобы казенная ферма была ему отдана въ аренду. Всѣ фермы, безъ исключенія, были розданы шляхтѣ и ксендзамъ, а крестьянамъ приходилось или наниматься въ батраки у нихъ, или нанимать землю по десятинно за баснословную цѣну. (*) И что удивительнаго, когда люстраторы были поляки, землемѣры поляки, чиновники тоже поляки.

Все это не ускользнуло отъ зоркаго глаза графа Муравьева: фермы отобраны отъ шляхты и ксендзовъ большею частью по политической ихъ неблагонадежности; присланы изъ министерства люстраціонныя коммиссіи, состоящія исключительно изъ русскихъ усердныхъ дѣятелей. До сего времени приведено въ извѣстность, что въ виленской губерніи до 1,000 семействъ православныхъ и старообрядцевъ, скитающихся безъ угла и земли по панамъ. Эти то скитальцы и надѣляются теперь изъ казенныхъ фермъ, и многіе изъ нихъ въ осени будутъ совершенно поселены, благословляя правительство, которое обезпечило ихъ существованіе на вѣки.

(*) Точно тоже самое случилось и на всемъ пространствѣ юго-западныхъ губерній. Ред.

Селящіяся православныя семейства на Интурской казенной фермѣ считаются прихожанами Николаевской церкви г. Вильна, отъ которой они удалены на 74 версты, ближайшая церковъ въ г. Вилкомірѣ въ 60 верстахъ отъ нихъ. Вслѣдствіе представленія объ этомъ военнаго начальника виленскаго уѣзда, кн. Хованскаго, бывшій начальникъ края разрѣшилъ постройку въ этой фермѣ каменной православной церкви на 200 человѣкъ.

На закладку этой церкви прибыли въ субботу вечеромъ каѳедральный протоіерей съ причтомъ Николаевской церкви и пѣвчими, начальникъ губерніи, военный начальникъ виленскаго уѣзда, нѣкоторые изъ членовъ церковно-строительнаго комитета, члены губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, всѣ мировые посредники уѣзда, губернскій люстраторъ и другіе православные.

Въ воскресенье, 4-го іюля, день былъ такой жаркій что начали службу въ 9-мъ часу утра. По совершеніи закладки храма во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, священникъ Николаевской церкви Петръ Бернадскій произнесъ приличное случаю слово. Всѣ православные, собравшіеся изъ ближайшихъ деревень, клали сами камни; одна женщина съ груднымъ ребенкомъ, положивши камень, попросила другой; на вопросъ сдѣланный ей, для чего ей другой камень? она отвѣчала: „я прошу камень для своего младенца, пусть и онъ его положитъ для Божіяго храма нашего“.

По окончаніи службы, всѣ отправились въ казенный домъ, гдѣ жилъ прежде арендаторъ фермы и который нынѣ предназначается для причта вновь строющагося храма. Близъ этого дома военнымъ началникомъ были приготовлены для народа булки, пиво и водка. Начальникъ губерніи, поздравивъ крестьянъ съ закладкою новаго храма и съ новоселіемъ, провозгласилъ тостъ за здравіе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, Которому они обязаны всѣмъ; потомъ слѣдовали обычные тосты, сопровождавшіеся криками ура! Новопоселенцы же сами провозвласили: за здоровье генерала Муравьева!

Послѣ закуски они просили позволенія пѣть русскія пѣсни. Такъ какъ была палящая жара, то губернаторъ съ пріѣзжими изъ Вильны расположился въ саду фермы на берегу озера. Тутъ крестьяне раздѣлились на группы, чтобы пѣть. Сначала одинъ хоръ смѣнялся другимъ, тутъ же былъ и хороводъ изъ православныхъ и старообрядокъ; но потомъ все это

запѣло въ одно время, православные въ одной сторонѣ, старовѣры въ другой, литовцы тянули также свою пѣснь,—всѣ веселились отъ души. Во 2-м часу начальникъ губерніи уѣхалъ въ Вильну, люстраторы же остались на мѣстѣ, для окончательныхъ работъ. Къ осени, по обѣимъ сторонамъ храма Покрова, на берегу озера, будетъ красоваться село *Покровское*, *Интурки*, *тоже*. **В.**

(Вил.. Губ, Вѣд.)

Кореспонденція изъ Вильны въ „Московскія Вѣдомости".

Недѣли три назадъ писалъ я вамъ о настроеніи умовъ въ Вильнѣ и о тѣхъ грустныхъ симптомахъ, которые стали было снова появляться въ здѣшнемъ полякующемъ (*) мірѣ. Съ того времени рѣзкихъ перемѣнъ, поводимому, не произошло; а между тѣмъ для привычнаго глаза замѣтна нѣкоторая перемѣна и перемѣна къ лучшему. Причина ясна: здѣшній людъ, услаждавшій себя надеждами, что съ переменой лицъ сразу измѣнится и система управленія краемъ, впалъ въ послѣднее время въ очевидное недоумѣніе. Эти господа зорко слѣдятъ за всѣмъ что творится въ русскомъ обществѣ, все знаютъ и изъ всего выводятъ заключеніе для опредѣленія системы дѣйствій. Русское общество отшатнулось отъ нихъ и съ ледяною холодностью глядитъ на ихъ заискиванья, сознавая, что *примиреніе* съ господами полякующими было бы, при настоящихъ обстоятельствахъ, измѣной русскому дѣлу. Есть, конечно, и между нами уродивыя усключенія, но число ихъ покуда, слава Богу, ничтожно: такіе «либералы« здѣсь *на перечетъ* и пользуются конечно большимъ еще презрѣніемъ чѣмъ полякующіе р. католики.

Видя холодность со стороны русскаго общества, полякующая партія не встрѣчаетъ себѣ подпоры и свыше. Случай привелъ меня на дняхъ, по семейнымъ дѣламъ, быть во двор-

---

(*) Слово п о л я к у ю щ і й, придуманное однимъ изъ здѣшнихъ русскихъ дѣятелей, стало въ нашемъ краѣ съ нѣкоторыхъ поръ терминомъ для обозначенія польскихъ стремленій въ западныхъ губерніяхъ.

цѣ при пріемѣ генералъ-губернаторомъ просителей, между которыми былъ и я. Близь меня стояла молода пани хорошей шляхетской фамиліи, богато разодѣтая; это жена одного политическаго преступника. Она обратилась къ генералъ-губернатору съ просьбой о помилованіи мужа и—pour sonder le terra—завела рѣчь, конечно, не на хлопскомъ русскомъ языкѣ, а по-французски. Ей отвѣчали по русски просьбой говорить языкомъ государственнымъ; что же касается до просьбы ея, то отвѣтъ послѣдовалъ крайне непріятный дла шляхетскаго уха: «Если невинность вашего мужа обнаружится судомъ, то и я признаю его невиннымъ; противномъ въ случаѣ судъ опредѣлитъ и степень виновности его и мѣру наказанія *по закону*. Я здѣсь не законодатель, а строгій исполнитель *закона*.“ Еще больше не правится шляхтѣ строгое, но согласное съ законами наказаніе одного пана, нанесшаго, въ разсчетѣ на свое значеніе въ краѣ, тяжкую обиду полицейскому чиновнику, во время исполненія послѣднимъ служебныхъ обязанностей. Всего же болѣе не по сердцу ей слухъ о предстоящемъ обнародованіи одного археологическаго изслѣдованія, представляющаго въ яркомъ, но истинномъ свѣтѣ тѣ шарлатанства, къ которымъ прибѣгалъ полякующій людъ во время чарторыйскаго періода (1802—1863) для искусственнаго ополячиванья края. При такихъ данныхъ и мы, русскіе, начинаемъ смѣлѣй смотрѣть впередъ и надѣяться, что въ борьбѣ съ подземною интригой будемъ *продолжать наступательныя дѣйствія, а не ограничиваться, какъ до 1863 года, пассивною. приготовляющеюся къ отступленію обороной.*

Но заявляя вамъ эти отрадныя явленія, я вовсе не хочу усыплять васъ. Польская рѣчь слышится здѣсь все чаще и чаще, все громче и громче на общественныхъ гуляньяхъ, въ ботаническомъ саду, въ трактирахъ. (*) Это пустяки, скажутъ иные; я же скажу, что это не пустяки, потому что это не что иное какъ демонстрація. На дняхъ въ здѣшнемъ ботаническомъ саду даже показалась на гуляньи давно невиданная здѣсь чамарка; но совершенно достаточно оказалось внимательнаго взгляда на нее проходявшаго по саду офицера, для

(*) Извѣстіе это преувеличено,—по нашимъ наблюденіемъ говоръ русскій слышится повсемѣстно,—не только на гуляньяхъ, въ трактирахъ, но и на площадяхъ, на улицахъ, и въ магазинахъ и лавкахъ. Ред.

того чтобы чамарка быстро скрылась изъ саду; носившій ее шляхтичъ черезъ полчаса явился въ садъ уже въ обыкновенномъ гражданскомъ платьѣ.

Эти попытки, конечно, теперь забавны; но года три тому назадъ онѣ обходились очень дорого для русскаго дѣла въ здѣшнемъ краѣ. Польская интеллигенція привыкла въ теченіе чарторыйскаго періода работать цѣлымъ обществомъ и путями подземными; оттого тогда только сдѣлается она вполнѣ безсильною, когда общественной дѣятельности шляхты противупоставимъ мы столь же энергическую дѣятельность русскаго общества. А между тѣмъ нельзя не сознатся, что мы, русскіе, часто любимъ смотрѣть на вещи свысока, а потому иногда упускаемъ изъ виду то, чего не упустилъ бы полякъ. Много, очень много фактовъ могъ бы я привести изъ жизни здѣшняго края въ подтвержденіе своихъ словъ; ограничусь покуда однимъ изъ самыхъ мелкихъ. Въ здѣшнемъ клубѣ, посѣщаемомъ съ 1863 года по преимуществу русскими, существуетъ читальня, въ которой на столѣ и на окнахъ разложены газеты и журналы. Одинъ изъ членовъ клуба доставилъ мнѣ списокъ выписываемыхъ для читальни книгъ и журналовъ. Въ спискѣ этомъ находите вы, между прочимъ, слѣдующіе журналы и газеты: *Journal pour rire, Figaro, le Grelot, Journal amusant, Revue des deux mondes, Revue britanique Ueber Land und Meer* (*) и пр. и пр., а между тѣмъ тамъ нѣтъ—чего бы вы думоли? Нѣтъ издающагося здѣсь *Вѣстника западной Россіи*, нѣтъ *Кіевлянина* и т. п. *Вѣстникъ*, какъ вы знаете, издавался *здѣсь*, въ Вильнѣ, еще въ теченіе 1864 года. Въ ноябрѣ или декабрѣ прошлаго года, когда составлялась подписка на текущій годъ, онъ уже издавался въ Вильнѣ; да и стоитъ то онъ всего 6 руб. и 50 к.!!! Направленіе этого журнала вамъ извѣстно: полякующій людъ не можетъ равнодушно сдышать даже имени его редактора, въ особенности потому что г. Говорскій любитъ по преимуществу историческіе факты; а факты—убійство для польщизны въ Западномъ краѣ. Мы знаемъ отъ лицъ, на которыхъ можно смѣло положиться, что и новый начальникъ края оказываетъ этому журналу полное сочувствіе. (Моск. Вѣд.)

(*) Всего 28 газетъ и журналовъ: 14 русскихъ, 11 французскихъ, 2 нѣмецкіе и 1 польскій.

Корреспонденція изъ Бѣлой Церкви въ „Московскія Вѣдомости."

Въ четвергъ, 10-го іюня въ 5 часовъ пополудни, прибылъ сюда генералъ-губернаторъ кіевскаго военнаго округа, генералъ-адъютантъ Александръ Павловичъ Безакъ, ѣдущій для обозрѣнія ввѣреннаго ему юго-западнаго края. Тотчасъ по пріѣздѣ онъ посѣтилъ мѣстную гимназію, но такъ какъ послѣ полудня уроковъ не полагается, то генералъ-губернаторъ не могъ видѣть классы. Онъ ласково принялъ поздравленія, по русскому обычаю съ хлѣбомъ и солью, отъ здѣшнихъ дворянъ, потомъ отъ евреевъ, жителей Бѣлой Церкви, принялъ прошенія отъ разныхъ просителей, тщательно пересмотрѣлъ ихъ и по возможности удовлетворилъ. Послѣ того генералъ-губернаторъ отправился въ церковь, оттуда поѣхалъ въ полицію, гдѣ лично разспрашивалъ арестантовъ; посѣтилъ пансіонъ благородныхъ дѣвицъ; экзаменовалъ всѣхъ воспитанницъ, напомнилъ имъ о важности изученія русскаго языка; осмотрѣлъ госпиталь; возвратился на квартиру, въ домъ директора гимназіи, гдѣ ученики уже были собраны; онъ долго говорилъ съ ними и съ учителями гимназіи; наконецъ, по просьбѣ почетнаго блюстителя бѣло-церковскаго казеннаго еврейскаго училища, генералъ-губернаторъ, посѣтилъ и это заведеніе, тщательно экзаменовалъ всѣхъ учениковъ, совѣтовалъ учителямъ обратить особенное вниманіе на русскій языкъ, и замѣтилъ что различіе религіи не мѣшаетъ быть добрыми русскими гражданами. Возвратившись на квартиру, генералъ-губернаторъ принималъ еще мировыхъ посредниковъ и крестьянъ, и разговаривалъ съ ними объ ихъ дѣлахъ. Между тѣмъ, въ 10 часовъ вечера, въ одной изъ отдаленныхъ частей города произошелъ пожаръ. Генералъ-губернаторъ, не смотря на усталость, прибылъ лично. Народъ, воодушевленный его присутсвіемъ, принялся съ большою энергіей тушить огонь и не далъ ему распространиться. Сгорѣло только 8 домовъ. Я былъ очевидцемъ, какъ генералъ-губернаторъ поздно вечеромъ ходилъ по пожарищу, смотря съ грустію на печальное зрѣлище, какое представляли собою развалины сгорѣвшихъ домовъ; онъ подозвалъ къ себѣ бывшаго тутъ почетнаго блюстителя еврейскаго училища и просилъ принять 80 руб. для раздачи погорѣльцамъ, по его усмотрѣнію. Г. блюститель присоединилъ къ этому и свое по-

жертвованіе и позаботился, по возможности, объ облегченіи участи погорѣльцевъ. Безъ всякаго сомнѣнія, къ осени всѣ 8 домовъ будутъ возобновлены.

I. Б.

Корреспонденція въ „С.-Пет. Вѣдомости „изъ Варшавы.

Съ совершеннымъ успокоеніемъ края, какъ и слѣдовало ожидать, открываются дѣла нѣкоторыхъ лицъ, воспользовавшихся безпорядками. Слѣдственныя дѣла въ коммиссіяхъ служатъ самымъ лучшимъ тому доказательствомъ. Объ одномъ изъ весьма интересныхъ происшествій, случившихся въ прошломъ году, я хочу сегодня сообщить вашимъ читателямъ. Во время безпорядковъ въ Царствѣ Польскомъ находились люди, пользовавшіяся смутами въ краѣ для своихъ личныхъ выгодъ. Въ прошломъ году, 22-го ноября, въ девять часовъ утра, на станціи варшавско-петербургской желѣзной дороги, произошелъ замѣчательный скандалъ: къ приставу желѣзной дороги прибѣжала женщина, какъ оказалось впослѣдствіи, Людвика Пиперъ, и объявила, что ее обокралъ мужъ ея, отставной офицеръ Карлъ Пиперъ, и родной братъ его Христіанъ, которые, вмѣстѣ съ двумя мѣщанками города Варшавы, родными сестрами, *Терезою и Бальбиною Грайчикъ*, своими любовницами, забрали у нея драгоцѣнныя вещи и уѣхали въ вокзалъ желѣзной дороги, съ намѣреніемъ бѣжать отъ нея въ Россію, гдѣ они хотятъ жениться на своихъ любовницахъ. Приставомъ желѣзной дороги немедленно были приняты энергическія мѣры: сдѣлана ревизія вещамъ братьевъ Пиперъ, при нихъ найдено много денегъ и золотыхъ вещей. Поэтому, какъ, они, такъ и сестры *Грайчикъ* были немедленно арестованы и отправлены для дальнѣйшаго разслѣдованія къ варшавскому оберъ-полицiймейстеру. Такимъ образомъ, совершенно частное дѣло и только семейный раздоръ послужили, какъ увидите далѣе, къ открытію весьма интереснаго политическаго дѣла.

Во временной коммиссіи при варшавскомъ оберъ-полицiймейстерѣ, подъ предсѣдательствомъ маіора Мровинскаго, куда были препровождены братья Пиперы, было произведено первоначальное слѣдствіе по жалобѣ Людвики Пиперъ, обвинявшей мужа своего Карла въ воровствѣ и преступныхъ любовныхъ

связяхъ. Дѣло это, какъ чисто гражданское, было передано для дальнѣйшаго разлѣдованія въ судъ исправительной полиціи, но тутъ-то и обнаружились политическія преступленія братьевъ Пиперъ. Какъ только они были арестованы въ вокзалѣ желѣзной дороги, вѣсть о томъ многовенно разнеслась по всему городу, и когда стало всѣмъ извѣстно, что Пиперы находятся въ судѣ исправительной полиціи, туда поступило очень много прошеній на Пиперовъ въ томъ, что они забрали у многихъ деньги и не возвратили ихъ. Дѣло въ томъ, что братья Пиперъ, пользуясь смутами въ краѣ, рѣшились на такую аферу: ходили по городу сами, а также и при помощи другихъ распускали слухъ, что они могутъ за деньги ходатайствовать объ освобожденіи изъ подъ ареста политическихъ преступниковъ, о возвращеніи изъ Россіи и даже изъ ссылки въ Сибирь; что для этого они имѣютъ большое знакомство съ значительными лицами въ городѣ, отъ которыхъ зависитъ увольненіе арестованныхъ, и такимъ образомъ, при помощи этихъ лицъ, они, т. е. Пиперы, могутъ дѣлать все, что нужно, прибавляя, что »лишь бы для этого было достаточно денегъ.» Очень понятно, что нашлись легковѣрные (въ особенности между польками), повѣрившіе братьямъ Пиперамъ. Пиперы, обѣщая всѣмъ и каждому свое ходатайство, отбирали только деньги, и, разумѣется, ничего не дѣлали. Между прочимъ, одно обстоятельство особенно поблагопріятствовало плутнямъ Пиперовъ. Кажется, одинъ изъ арестованныхъ, о которомъ они приняли на себя ходатайство, былъ освобожденъ, потому, разумѣется, что оказался невиннымъ. Была ли такая случайность дѣйствительно, или это былъ только слухъ, распущенный самими же братьями Пиперами, но это имѣло огромное вліяніе на успѣхъ предпріятія Пиперовъ, и они въ скоромъ времени пріобрѣли такую репутацію, что нашлось много охотниковъ, рѣшившихся поручить имъ ходатайство за своихъ арестованныхъ родственниковъ. Такимъ образомъ, имъ удалось собрать въ Варшавѣ и нѣкоторыхъ городахъ Царства Польскаго, близкихъ къ Варшавѣ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, около 40,000 злотыхъ (на наши деньги 5,750 р. сер). Братья Пиперы оба женаты, но хотѣли бѣжать въ Россію и жениться тамъ въ другой разъ на сестрахъ *Грайчикъ*. Вслѣдствіе этого и открылись ихъ плутни. Когда поступило нѣсколько жалобъ на Пиперовъ въ судъ исправительной полиціи и обнаружились ихъ политическія преступленія, дѣло ихъ не могло продолжать-

ся уже въ гражданскомъ судѣ, на основаніи повелѣнія намѣстника Царства Польскаго, отъ 11-го февраля 1860 года, и перешло во временную военно-слѣдственную коммиссію при намѣстникѣ въ Царствѣ Польскомъ, подъ предсѣдательствомъ полковника Тухолки. Тутъ обнаружилось, что частный писецъ гипотеки, нѣкто П—ій, выдавалъ себя за домашняго секретаря одного важнаго лица, отъ котораго дѣйствительно зависитъ увольненіе и арестованіе политическихъ преступниковъ, и тѣмъ много помогалъ братьямъ Пиперъ въ ихъ продѣлкахъ. Чтобы показать вамъ какими большими деньгами каждый покупалъ у братьевъ Пиперовъ мнимое освобожденіе или возвращеніе своихъ родственниковъ, содержащихся за политическія преступленія, приведу краткій списокъ лицъ, у которыхъ Пиперы взяли деньги. Вотъ этотъ списокъ: 1) у ***Ксаверія Швейцера***, помѣщика Питрковскаго уѣзда, взяли—325 р. сер., 2) у ***Марцелія Жизновскаго***, помѣщика любартовскаго округа, люблинской губерніи — 300 р. сер., 3) ***Леона Свентоховскаго***, чиновника моммиссіи финансовъ—375 р. сер., 4) ***Юзефы Піонтекъ***, домовладѣльца въ Варшавѣ подъ N. 1733—взяли 850 р. еер., 5) ***Северина Жебровскаго***, живущаго въ Варшавѣ въ домѣ подъ N. 1,661 взяли—600 р. сер. 6) ***Осипа Мошинскаго***, въ Варшавѣ—650 р. сер. 7) ***Изабеллы Мгончинской***, помѣщицы млавскаго уѣзда, плоцкой губерніи—150 р. сер.; 8) ***Любомиры Урбановской***, помѣщици ленчинскаго уѣзда, дер, Кемблинъ—300 р. сер.; 9) помѣщицы ***Тлуховской***, млавскаго уѣзда—взяли 125 р. сер.; 10) помѣщика ***Суровецкаго***—10 р. сер.; 11) помѣщика ***Скаржинскаго***, гостынскаго уѣзда—200 р. сер.; 12) помѣщика ***Свърчинскаго***, плоцкой губерніи—300 р. сер.; 13) ***Антона Брохоцкаго***. землемѣра въ м. Скерневицахъ—400 р. сер.; 14(***Коронаты Свенцинской***, изъ г. Кутка — 90 р. сер,; 15) ***Каролины Госцицкой***, изъ г. Кутка—75 р. сер.; 16) ***Викторіи Радоминской***, въ Варшавѣ—100 р. сер. 17) ***Юзефы Корицкой*** — 100 р. сер., въ Варшавѣ: 18) ***Марьи Чарнецкой*** въ Варшавѣ — 100 р. еер.; 19) ***Юстины Кериковской***, въ м. Скерневицахъ— 100 р. сер.; 20) ***Маріанны Ружнецкой***, въ Варшавѣ—100 р. сер. 21) ***Казиміры Кетлинской***, изъ г. ***Згержа***, ленчицкаго уѣзда—225 р. сер.; 22) ***Люціана Зіолковскаго***, въ Варшавѣ—50 р) сер.; 23) ***Осипа Трусколавскаго***, въ Варшавѣ—90 р. сер.; 24 ***Франца Вишневскаго***, почтальона въ Варшавѣ—45 р. сер. Такимъ образомъ вы видите, что они собрали много денегъ; но

получили они, вѣроятно, значительно больше, потому что не всѣ, которые давали имъ деньги, потомъ жаловались на нихъ. Нѣкоторые наконецъ боялись заявить о томъ. На докладѣ временной военно-слѣдственной коммиссіи при намѣстникѣ по этому дѣлу, его сіятельство графъ Бергъ положилъ такую резолюціи: первымъ тринадцати лицамъ поименованнымъ въ приложенномъ здѣсь спискѣ, деньги всего 1,550 р. сер., какъ лицамъ, по состоянію своему богатымъ, и для предостереженія отъ подкуповъ на будущее время—не возвращать обратно; а также продать съ публичнаго торга и золотыя вещи, взятыя у Пиперовъ, при ихъ арестованіи и, вѣроятно, купленныя на подобныя же деньги, и какъ вырученныя за продажу этихъ вещей деньги, такъ 1.550 р. сер., употребить на благотворительную цѣль именно на пособіе дѣтскимъ пріютамъ въ Варшавѣ по равной части. Затѣмъ остальнымъ одиннадцати лицамъ, графъ Бергъ, принимая во вниманіе бѣдность этихъ лицъ, приказалъ возвратить деньги; для прекращенія же подобныхъ подкуповъ на будущее время объявить чрезъ газеты объ употребленіи невозвращенныхъ денегъ, данныхъ первыми тринадцатью лицами братьямъ Пиперамъ, для освобожденія своихъ родственниковъ и, кромѣ того, увѣдомить самихъ дателей о томъ черезъ подлежащее начальство. На этомъ то основаніи я собственно и переименовалъ въ спискѣ подробно имена и фамиліи лицъ, дававшихъ деньги братьямъ Пиперамъ.

Что же касается золотыхъ вещей, заключавшихся въ дамскихъ и мужескихъ часахъ, кольцахъ, брошкахъ, серьгахъ и другихъ драгоцѣнностяхъ, отобранныхъ при арестованіи у братьевъ Пиперовъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти вещи были куплены ими, по всей вѣроятности, для своихъ любовницъ мѣщанокъ варшавскихъ, двухъ сестеръ *Грайчикъ*, съ которыми они находились въ любовныхъ связяхъ; тѣмъ болѣе, что жена Карла Пипера *Людвика*, по показаніи ей всѣхъ золотыхъ вещей, отобранныхъ у нихъ, не признала ихъ своими, утверждая только, что эти вещи вѣроятно куплены на ея деньги, и обвиняя мужа въ томъ, что онъ постоянно обкрадывалъ ее. Но это ничѣмъ не доказано, между тѣмъ, какъ большая часть денегъ (около 3,000 р. сер.) взятыхъ Пиперами за ходатайство, были израсходованы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что золотыя вещи были куплены на взятыя обманомъ деньги. Сестры Грайчикъ сами показали, что вещи эти куплены братьями Пиперъ

для нихъ. Наконецъ, не смотря на то, что оба брата Пиперы женаты, между золотыми вещами найдены четыре обручальныхъ кольца: для нихъ и сестеръ *Грайчикъ*, съ которыми они хотѣли, выѣхавъ въ Россію, обвѣнчаться. Оттого эти вещи были предназначены къ продажѣ съ публичнаго торга. Въ польскихъ газетахъ было объявлено, что 14-го (26-го) іюня, въ присутствіи предсѣдателя временно-слѣдственной коммиссіи при варшавскомъ оберъ-полицiймейстерѣ, маiорѣ Мровинскомъ, будутъ проданы съ публичнаго торга золотыя вещи. Продажа состоялась, вещи проданы, а вырученныя деньги на-дняхъ будутъ отправлены въ дѣтскіе варшавскіе пріюты. Между прочимъ и здѣсь не обошлось безъ штукъ. За нѣсколько дней до продажи вещей, маiоръ Мровинскiи получилъ письмо изъ Парижа отъ неизвѣстнаго ему господина, въ которомъ незнакомецъ проситъ его не продавать вещей съ публичнаго торга. »Мы увѣрены, говоритъ таинственная личность, что вы не рѣшитесь на такой поступокъ (??) и не продадите вещей съ публичнаго торга; вѣдь это вещи ограбленныя вашими же солдатами у несчастныхъ политическихъ преступниковъ!« Спѣшу успокоить таинственную личность: вещи эти принадлежали братьямъ Пиперамъ. Третьяго дня, впрочемъ, въ польскомъ »Варшавскомъ Дневникѣ« уже объявлено, чьи вещи продавались съ публичнаго торга 14-го (26-го) іюня, и это, вѣроятно, успокоитъ незнакомца: впрочемъ, надо отдать справедливость, — человѣкъ онъ вѣжливый: прислалъ письмо изъ Парижа *франкированное!*

Кромѣ братьевъ Пиперовъ, такими спекуляціями занимались многія лица; нѣкоторыя были въ сообщничествѣ съ ними, а другія дѣйствовали самостоятельно; всѣ дѣйствія этихъ лицъ— давно открыты; но я не стану описывать ихъ, какъ менѣе интересныя.

Письмо въ редакцію „Виленскаго Вѣстника"

Не помню, въ какой-то изъ частей нашей старинной литературы встрѣчается стишокъ:

»О, самолюбіе, оставь меня въ покоѣ!«

Въ Вильнѣ, гдѣ небольшой кружокъ полякующихъ староверовъ непрестанно старается посредствомъ археологіи оживить въ памяти современниковъ отжившія преданія Ягайлы и

дарованнаго имъ городу магдебургскаго права; въ Вильнѣ, гдѣ открытіе музеума древностей послужило къ возбужденію любви къ родинѣ въ невѣрномъ направленіи; гдѣ, послѣ торжественнаго акта открытія музеума въ 1856 году, акта распалившаго юныя сердца воспитанниковъ разныхъ учебныхъ заведеній (см. Записки Виленской Археологической Коммисіи, ч. I, 1856), — наступили печальные акты 1862 и 1863 годовъ,— въ Вильнѣ болѣе чѣмъ гдѣ, кстати перифразировать стихъ о самолюбіи,

Археологія, оставь ты насъ въ покоѣ!

Но потребность эта не ощущается, видно, еще корифеями виленской *тутьйшей* археологіи. »Виленскій Вѣстникъ« намъ выдаетъ, спасибо ему, такихъ безъименныхъ корифеевъ.

Были у насъ на масляницѣ горы и катанья, — археологія выѣзжаетъ на какомъ-то языческомъ *карноварѣ*, чтобы разрушить общепринятое у христіанъ значеніе карнавала отъ Carnum vale!

Приходитъ свѣтлое Воскресеніе, съ его радостными *»другъ друга обымемъ, и ненавидящимъ насъ простимъ«* — археологія выступаетъ, чтобъ доказать языческое происхожденіе обычая — встрѣчать другъ друга краснымъ яйцомъ.

Совершается закладка въ Вильнѣ присутственныхъ мѣстъ, на радость русской правдѣ, замѣняющей въ странѣ столь долго въ ней царившую слѣпую Ѳемиду — археологія становится на языческую почву Святорога, и словами: »вѣроятно, можетъ быть« *убѣдительно* подкрѣпляетъ доводы о томъ, что на этомъ мѣстѣ принимала Елена Іоанновна *своихъ* московскихъ бояръ и пословъ.

Собираются русскіе люди, пользуясь праздничнымъ днемъ, повеселиться въ долинѣ *Желѣзной Хатки*, — неугомонная археологія намазываетъ на двухъ столбцахъ »Виленскаго Вѣстника«, ни къ селу ни къ городу, воспоминанія о бываломъ въ селѣ и въ городѣ значеніи праздника Купалы, потерявшаго въ настоящемъ всякое значеніе; — и этимъ путемъ подходитъ безобразная старушка археологія къ описанію настоящаго, весело сбывшагося праздника, со свойственною ей мертвенностію: все издыхающее съ завистію смотритъ на бодро живущее.

Въ этомъ случаѣ археологія, водившая перомъ безъименнаго повѣствователя, пріемами своими въ описаніи нашего праздника 24 іюня, напоминаетъ мнѣ того діавола, которому пришлось на плечахъ своихъ нести угодника Божія въ Святой городъ; или

еврея, боязливо выглядывающаго изъ переулка на церковную процессію, когда неожиданно его лицо обдаетъ съ кропила струя живой, освященной воды. Ни діаволъ, ни еврей отъ невольно принятой ими на себя святыни не освятятся. Такъ и сѣдая археологія, въ морщинистое лицо которой рѣзво дунулъ свѣжій вѣтеръ, давно небывалой въ Вильнѣ великорусской веселости, спѣшитъ, отворотя носъ, и подобравъ измятыя юбки, въ свой закопченый уголъ; ворчитъ себѣ подъ носъ и нашептываетъ докучную сказку внукамъ, которымъ, плутишкамъ, оченъ бы хотѣлось поближе къ веселому хороводу, къ бойкой пѣснѣ, — да шутишь, бабушка-археологія не пускаетъ!....

За недѣлю до Иванова дня военному начальнику виленскаго уѣзда, князю Н. Н. Хованскому пришла мысль, дать случай повеселиться сошедшемуся въ Вильну, для всякихъ общественныхъ работъ, люду изъ губерній: смоленской, тверской, калужской, ярославской, черниговской. Понятно, что люди эти, занятые постоянною работою, рѣдко, только по праздникамъ, имѣютъ возможность сходиться артелями; и то еще артели никогда не сходились вмѣстѣ, а каждая порознь, у мѣста своей работы, по воскресеньямъ вечеромъ, до поздней ночи, тянула свои хоровыя пѣсни, столь удивлявшія виленское мѣщанство, которое отвыкло, въ морѣ *кантычекъ*, отъ живой, родной имъ пѣсни, и столь нравившейся землякамъ пѣвуновъ, удаленнымъ отъ домашняго кругозора.

Ивановъ день былъ выбранъ потому именно, что въ этотъ день старожилы виленскіе, староверы, населяющіе нѣсколько слободъ въ предмѣстьяхъ города, привыкли собиратьея въ Русскомъ Концѣ, искони извѣстномъ подъ названіемъ Росса, гдѣ нахлынувшія нѣкогда въ Литву орды римскихъ пропагандистовъ устроили отдѣльное кладбище для раскольниковъ русской народности, отщепенцевъ отъ родной вѣры,—полякующихъ русскихъ латинянъ.

Мѣсто называется Желѣзная Хатка, отъ связи избъ, построенныхъ вблизи желѣзной дороги. Живописная долина, обрамленная съ трехъ сторонъ волною холмовъ, поросшихъ лѣсомъ, вотъ мѣсто, выбранное для сельскаго праздника. Но мысли о Купалѣ, (1) о чаровницахъ, о Лысой горѣ не приходило людямъ, затѣвавшимъ праздникъ.

(1) Археологіи должно быть извѣстно, что Купалѣ язычники праздновали на канунѣ Иванова дня. Чтобы пополнить любопытную номенкла-

Въ долинѣ поставлены были качели, импровизированныя лавочки, приготовлены смоляныя бочки, бенгальскіе огни, разноцвѣтные фонари, незатѣйливый фейерверкъ; въ глубинѣ долины, на полугорѣ, подъ деревьями, длинный столъ съ самоварами, съ ворохами земляники, съ ушатами сливокъ.... Къ 6-ти часамъ вечера, стали стекаться званные и незванные гости. Веселая, пестрая толпа затопила всю долину. Образовались хороводы изъ слободскихъ молодицъ,—круги изъ молодцовъ съ лихою пѣснею, молодецкимъ посвистомъ, богатырскимъ постукомъ. Прервавшаяся на веселомъ хохотѣ, отъ удивительнаго колѣнца плясуна, пѣсня, подхватывалась Оренбурскимъ хоромъ музыкантовъ. А въ другомъ кругѣ заканчивалась протяжная и переходила въ плясовую, при чемъ молодцами и молодицами слова пѣсни переводились на движенія:

„*Сударушка платочкомъ помахиваетъ*,"—и плясуны дѣйствительно поднимали платочки, помахивая ими.

«*Сударушка на молодца посматриваетъ*,»—и живые, безъ наглости, взоры обращались на молодцовъ, которые подходцемъ, на каблукахъ выдѣлывали невозможные па, отъ которыхъ мать сыраземля глухо стонала, такъ что одна изъ цивилизованныхъ зрительницъ, закрываясь букетомъ, говорила своему спутнику: „Quel bonheur qu'il n'y aie pas de parquet sous les pieds de ces messieurs."

Еще бы?—А толпа работниковъ, постарше, неплящущихъ,

туру автора статьи „Вил. Вѣст." о названіяхъ этого празднества у разныхъ племенъ, сообщу слышанное мною о немъ на Жмуди. Въ поневѣжскомъ уѣздѣ ксендзъ Нарейко сообщалъ мнѣ, что въ дѣтствѣ онъ слышалъ отъ матери о безобразіяхъ, совершаемыхъ народомъ въ ночь подъ Ивановъ день. „Женщины собираются у распутныхъ столбовъ, обвиваютъ ихъ зеленью вплоть до верху, гдѣ въ нишахъ разныя изображенія святыхъ. Потомъ идутъ въ лѣсъ, и тамъ совершается всякое недобро". Ксендзъ жалѣлъ, что школьное время, проведенное имъ вдали отъ родины, лишило его случая своими глазами убѣдиться въ чемъ дѣло. Но безобразію празднества онъ вѣритъ по одному уже его названію „Копулойцъ", которое совпадаетъ съ латинскимъ словомъ **Copulatio**. Бѣдный, олатиненный жмудинъ и не подозрѣвалъ сходства названія Куполойцъ съ Купалою. Проведя школьное время въ Вильнѣ, онъ, конечно, въ латинское толкованіе Куполойца введенъ былъ существующимъ въ Вильнѣ, со временъ польскаго здѣсь владычества, обычаемъ посвящать ночь Иванова дня „приготовленію мамокъ" для тѣхъ шляхетныхъ матерей, которыя считаютъ для себя неудобнымъ кормить самимъ собственныхъ дѣтей.

весьма довольная распорядителемъ работъ, Ч., стоявшимъ чрезъ кругъ насупротивъ ихъ, разсуждала вполхмѣля: «А онъ славный человѣкъ.... а у него шляпа и сабля есть... когда при формѣ..... къ намъ въ деревню пріѣзжалъ.... по сту задатку оставилъ.... и такой онъ, братецъ ты мой, фамилный..... (фамильный—выраженіе, противуположное шляхетской гордости).

Но кто любитъ ананасъ, а кто соленый огурецъ. Для посѣтителей всякихъ чиновъ и званій мѣста было довольно (1). Горожане, не сочувствующіе велико-русскому каблуку, прогуливались чинно по дорожкамъ долины, подъ деревьями. Тамъ-сямъ образовались отдѣльныя общества, которыя разсѣвшись на коврахъ или на мягкой муравѣ, веселились между собою. Въ лѣвой сторонѣ, ближе къ Хаткѣ, толпы горожанъ были гуще. Хатка предлагала прохладительныя и горячительныя; оттуда по преимуществу слышалось *кшипшиканіе*, составляющее отличительную черту испорченнаго на Литвѣ мазурскаго нарѣчія, воспитаннаго у горожанъ костелами, которое шляхтою и мѣщанами употребляется въ такомъ же смыслѣ, какъ въ иныхъ салонахъ нашихъ французскій діалектъ.

Въ самый разгаръ веселія прибылъ въ долину Генералъ-Губернаторъ съ семействомъ: Константинъ Петровичъ, подъѣхавъ верхомъ къ приветствовавшей его толпѣ, сошелъ съ коня и пѣшкомъ обошелъ кружки веселившихся, сказавъ въ каждомъ изъ нихъ по нѣскольку ласковыхъ словъ. Въ одномъ кружкѣ, послѣ окончанія пѣсни съ пляскою, онъ сказалъ, привѣтливо кланяясь народу: «Спасибо вамъ, братцы!» Эти слова поразили толпящихся евреевъ, мало знакомыхъ съ добрымъ словомъ начальника. «Гершъ-ту, Іоська, спасибо? ґершъ, ту? а-а?“

На полугорѣ, подъ деревьями, чай разливали красавицы-молодицы изъ слобожанокъ, въ платочкахъ, въ сарафанахъ и—увы, въ кринолинахъ, проникающихъ въ видѣ цивилизаціи въ старовѣрческое общество. Разносили гостямъ чай и землянику молодцы-ребята..... Изъ долины неслась веселая пѣсня; изъ толпы слышались веселые клики.... просто душа радовалась, глядя на безискуственную прелесть дружной русской семьи тамъ, гдѣ недавно еще шумѣла шляхетскя оргія, взывая мятежно къ Богу Небесному:

(1) Всего собралось до 7000 человѣкъ.

Боже, цось за подлосць укарал поляков?
Чемуж запоминашъ литевскихъ лайдаковъ.
Пшедъ твое олтаже и пр. и пр. (1)

Вечерѣло. Изъ за макушекъ деревъ выплывала веселая рожа краснаго мѣсяца: кругомъ на вершинахъ загорѣлисъ разноцвѣтные огни; въ ширину долины протянулась черта пестрыхъ фонарей, затрещали ракеты, зашумѣли колеса; хохотъ, гамъ, визгъ, смѣхъ, возгласы сопровождали трескъ потѣшныхъ огней. Стали расходиться. Спустясь съ горы, мы подошли къ качелямъ; тамъ безъ злобы ссорились, за право усѣсться на доску. Усѣлись, раскачались— пошла писать. Бородатый постарокъ, которому не удалось сѣсть, пенялъ сосѣду: «Эхъ ты, братецъ, право, въ эвтомъ случаѣ ты хуже поляка.»—Что, что такое?—спросилъ я. „Это у насъ такая пословица," отвѣчалъ обиженный, направляясь къ утѣшительницѣ—Хаткѣ.

Если вашъ корреспондентъ, г. редакторъ, началъ коротенькій разсказъ о народномъ весельѣ длинною археологическою фантазіею со *Сцепанами и цьдзилками*, то вы позволите мнѣ длинный разсказъ закончить коротенькою археологическою фянтазіею, родившеюся въ моей головѣ въ долинѣ, изъ сопоставленія живой жизни и бойкой незлобивой веселости тѣмъ археологическимъ предметамъ, которые припомнились мнѣ лежащими въ душныхъ стѣнахъ залъ бывшаго университета. Мнѣ представилась въ ту минуту, между деревъ, въ сторонѣ отъ огна, съ боку имъ освѣщенная, беззубая бабушка-археологія, осѣненная съѣденнымъ молью плащемъ пѣвца шляхты,—Мицкевича, закутанная въ потертый халатъ Понятовскаго; она сжимала въ дрожащей рукѣ зрительную трубку, которую Костюшко передавалъ генералу Понговскому подъ Мацѣевицами, и ворчала сквозь зубы старую сказку... Но некому было ее слушать: внучки подросли и подъ бойкую великорусскую пѣсню, учились рѣзвиться около Желѣзной Хатки. (2)

---

(1) Слова мятежнаго польскаго гимна.

(2) Мы сочли необходимымъ воспроизвесть на страницахъ нашего „Вѣстника" это прекрасное и бойкое описаніе нашего народнаго гулянья 24 іюня—для того, чтобы пополнить пробѣлы допущенные В. В. при описаніи того же праздника. Ред.

Депутація отъ жителей г. Ковно къ графу М. Н. Муравьеву.

7-го іюля представлялась графу М. Н. Маравьеву, въ его имѣніи, лужскаго уѣзда с. Сырецъ, депутація отъ жителей города Ковна и поднесла ему великолѣпно устроенный альбомъ, содержащій въ себѣ фотографическіе портреты всѣхъ военныхъ и гражданскихъ русскихъ чиновниковъ, поступившихъ на службу во время управленія графомъ сѣверо-западнаго края Россіи.

Вотъ разсказъ объ этомъ событіи самихъ депутатовъ, возвратившихся въ Ковно:

Графъ Михаилъ Николаевичъ былъ предувѣдомленъ о срокѣ прибытія депутатовъ. Едва вышли они изъ вагона въ Лугѣ, какъ имъ объявили, что экипажи графа ждутъ ихъ. Наскоро оправившись, они поспѣшно проѣхали 15 верстъ отъ Луги до Сырца. Графъ встрѣтилъ ихъ въ первой комнатѣ за переднею и тутъ же былъ привѣтствованъ небольшею рѣчью, которую, поднося альбомъ при письмѣ отъ ковенскихъ жителей, произнесъ управляющій ковенскою палатою государственныхъ имуществъ А. И. Энгельмейеръ. Рѣчь была слѣдующаго содержанія:

«Ваше сіятельство, русскіе люди города Ковна предоставили намъ высокую честь явиться предъ вами. Гордимся этою честію; радуемся праву предстать предъ тѣмъ, кто насъ собралъ, назначилъ, возбудилъ, воодушевилъ и въ сѣверо-западномъ краѣ сдѣлалъ русскими болѣе, чѣмъ мы были у себя дома. Мы— посланцы-истолкователи общихъ русскимъ ковенцамъ благоговѣйныхъ чувствъ къ особѣ вашего сіятельства. Глубокія чувства просятся наружу, но лежатъ внѣ области слова. Позвольте просто доложить, что городъ Ковно поручилъ намъ представить этотъ альбомъ вмѣстѣ съ письмомъ на имя вашего сіятельства, какъ знакъ глубочайшаго и безпредѣльнаго къ вамъ уваженія. Беру смѣлость прибавить, что этотъ знакъ также мало соотвѣтствуетъ своему значенію, какъ и мое слово тѣмъ чувствамъ, которыя волнуютъ насъ въ настоящую минуту.“

Принимая альбомъ, видимо растроганный и взволнованный, графъ отвѣчалъ:

«Благодарю васъ, господа. Много говорить не буду. Богъ благословилъ наше дѣло успѣхомъ. Вамъ скажу только, что не я васъ, собралъ;“ русскіе сами отовсюду откликнулись на

мой призывъ. Безъ васъ я ничего не могъ бы сдѣлать въ сѣверо-западномъ краѣ; вы мнѣ помогли въ общемъ нашемъ русскомъ дѣлѣ. Принимаю альбомъ, какъ знакъ особаго ко мнѣ расположенія за русское дѣло. Русское дѣло даетъ мнѣ этотъ альбомъ. Такъ я смотрю на него. Еще разъ благодарю васъ и прошу передать ковенскимъ русскимъ дѣятелямъ мою сердечную благодарность.»

Перецѣловавъ депутатовъ, графъ пригласилъ ихъ въ гостинную, гдѣ радушно приняла ихъ графиня, окруженная всѣмъ семействомъ.

«Очень, очень радъ», повторялъ графъ, «видѣть васъ здѣсь, въ деревнѣ, по просту. Прочтите мнѣ это письмо; у меня плохи стали глаза, не довольно вижу». А. И. Энгельмейеръ немедленно прочелъ слѣдующее:

«Ваше сіятельство,

«Милостивѣйшій государь,

«Графъ Михаилъ Николаевичъ!

«Во Всемилостивѣйшемъ рескриптѣ на имя вашего сіятельства на вѣки запечатлѣна мѣра великаго вашего дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ. Оно принадлежитъ всецѣло отечеству и навсегда останется рѣшительнымъ въ его исторіи. Не даромъ ГОСУДАРЬ-Освободитель избралъ въ преемники вамъ лицо, которое твердой рукою высоко подъемлетъ вооруженное вами знамя православія и русской народности въ сѣверо-западномъ краѣ. Возбужденные вашей энергіей, крѣпкіе вами данной системою, мы, русскіе, будемъ неодолимы здѣсь подъ этимъ знаменемъ. Да поможетъ Провидѣніе благороднѣйшимъ стремленіямъ Константина Петровича!

«И такъ, разставшись съ нами, ваше сіятельство вы не совсѣмъ покинули русскихъ людей сѣверо-западнаго края: съ нами ваши великіе завѣты, вами указанная конечная цѣль, вами избранныя средства, съ нами наконецъ всегда вы сами, потому что, мощню поднявъ на себя русское дѣло въ сѣверо-западномъ краѣ и въ безпримѣрной работѣ разрѣшивъ его задачу, вы на столько слились съ своимъ подвигомъ, что имя ваше и русское дѣло тамъ стали синонимами. Вы, маститый подвигами графъ, совершая переворотъ въ цѣломъ краѣ, счастливили русскихъ людей тѣмъ, что однихъ прямо спасали, а другихъ призвали на спасеніе братій.

«Преисполненные глубочайшимъ почтеніемъ къ вашему го-

сударственному подвижничеству, тѣ вѣрноподданные государя, которые имѣютъ честь служить въ г. Ковнѣ подъ непосредственнымъ начальствомъ вашего сына, позволили себѣ дать вещное выраженіе своему чувству къ особѣ вашей и, сколь ни слабо это выраженіе, поручили своимъ сослуживцамъ поднести его вашему сіятельству. Благоволите, сіятельнѣйшій графъ, благосклонно принять альбомъ съ фотографическими снимками служилыхъ людей города Ковна, какъ слабый знакъ глубочайшаго почтенія и неизмѣнной преданности, съ какими всегда будемъ

«вашему сіятельству

вѣчно благодарные Ковенцы.»

Письмо это было подписано представителями всѣхъ учрежденій всѣхъ вѣдомствъ, начиная съ ковенскаго православнаго епископа, кромѣ г-на губернатора.

Выслушавъ письмо, графъ, снова и замѣтно растроганный, всталъ, сказалъ нѣсколько простыхъ, но задушевныхъ словъ благодарности и снова обнялъ каждаго изъ депутатовъ. «Теперь сядемте, господа. Очень благодаренъ, что вы пріѣхали ко мнѣ сюда, въ деревню. Давайте-ка, посмотримъ альбомъ.» И графъ сталъ внимательно пересматривать всѣ группы, припоминалъ каждаго, о каждомъ распрашивалъ, потому что зналъ почти каждаго. Съ этой минуты бесѣда сдѣлалась общею, оживленною, симпатичною. Графъ придалъ ей характеръ простаго разговора стариннаго русскаго помѣщика съ давнишними и, смѣемъ прибавить, любимыми знакомыми. Разумѣется, само собою заговорилось о сѣверо-западномъ краѣ; крупные вопросы перемѣшивались съ житейскими: говорилось о дѣлахъ, вспоминались и лица. Графъ не хотѣлъ спеціализировать бесѣды; но еще до обѣда успѣлъ коснуться важнѣйшихъ вопросовъ края, вскользъ спросилъ о ходѣ крестьянскаго дѣла, о повѣрочныхъ коммисіяхъ, о люстраціи, о народныхъ училищахъ, о постройкѣ православныхъ храмовъ, о томъ, прививается-ли русская азбука къ латышамъ и литвинамъ и т. д. Говоря о храмахъ, графъ спросилъ: »Замѣтили-ли вы церковь, которую я здѣсь строю? Спѣшу ее окончить въ память о сѣверо-западномъ краѣ.» Незамѣтно приблизилось время обѣда. Поднимая первый тостъ, графъ сказалъ: «Господа, пью здоровье ковенскихъ русскихъ дѣятелей; поблагодарите ихъ отъ меня; увѣрьте ихъ, что все, что они мнѣ приписали, принадлежитъ имъ; я сердечно бла-

годаренъ русскимъ ковенцамъ, глубоко тронутъ ихъ сочувствіемъ и, хотя въ отсутствіи, всегда душою съ ними. Пью за ковенцевъ, а за депутатовъ выпью послѣ.«

На этотъ тостъ, отъ имени ковенцевъ, отвѣчалъ окружный инспекторъ виленскаго учебнаго округа, Н. Н. Новиковъ.

«Ваше сіятельство, по старинному обычаю, какъ истый русскій человѣкъ, хлѣбомъ-солью чествуете посланцевъ города Ковна. Ковенцы, въ лицѣ нашемъ, челомъ вамъ бьютъ за ваше хлѣбосольство. Буквально передадимъ въ Ковнѣ все, здѣсь слышанное. Но чтоже мы, ковенцы, скажемъ въ отвѣтъ вамъ? Прежде всего то, что мы, уроженцы внутреннихъ губерній, здѣсь предъ вами, не безъ гордости назовемъ себя ковенцами; потому что подъ щитомъ вашимъ всѣ прибывшіе изъ внутренней Россіи въ сѣверо-западный край, нашлись въ немъ, какъ у себя дома. Сломивъ крамолу, вы поновили жизненныя связи, которыми искони и навсегда, на жизнь и на смерть, литовскій край связанъ съ Россіею; вы воскресили въ немъ все, исторически ему данное: вашимъ подвигомъ возстановились права русской народности, воздвигся ея создатель—крестъ православный, внесена и сила просвѣтительная на началахъ исконно«государственныхъ. Увѣрьтесь, ваше сіятельство, что мѣстное населеніе, доселѣ приневоленное къ чуждымъ началамъ, уже почувствовало себя на зарѣ свѣтлаго дня и довѣрчиво ждетъ съ нимъ исполненія своихъ чаяній. Если мы только словомъ, то скоро самимъ дѣломъ увѣритъ васъ въ этомъ Константинъ Петровичъ: ибо это лежитъ въ условіяхъ вами выработанной и имъ принятой системы. Но для чего еще свидѣтельствовать о великихъ заслугахъ вашихъ предъ отечествомъ? Высочайшій рескриптъ призналъ ихъ на вѣки. И что могъ бы прибавить голосъ одного города къ голосамъ цѣлой Россіи? Россія гордится вашими заслугами; личные свидѣтели ихъ благоговѣютъ предъ вашимъ историческимъ подвигомъ. Русскіе сѣверо-западнаго края всѣ видѣли, знаютъ и дивятся, какой углубленной и всесторонней мысли, какой энергической воли, какого необъятнаго и неутомимаго труда стоило вамъ не посрамить земли Русской. Безъ васъ всѣ мы, русскіе сѣверо-западнаго края, не съумѣли бы служить его пользамъ. Съ вами, напротивъ, не стало для насъ ни вопросовъ неразрѣшимыхъ, ни дѣлъ неисполнимыхъ. Вы—мысль, воля и душа русскаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ. На дѣлѣ и дѣломъ вы воспитали насъ,

чрезъ него и для него возбудили и сдѣлали людьми дѣла. Этимъ вы всецѣло овладѣли нами. Вы наша цѣлая школа; вы нашъ не только вождь и генералъ, но и наше знамя. Въ этомъ разгадка, въ этомъ и сильнѣйшее свидѣтельство той глубокой и признательной преданности, которая стремилась въявь и осязательно стать передъ вами, стремилась найти себѣ и, къ сожалѣнію, нашла не выраженіе, но только слабый знакъ въ нашемъ альбомѣ. Дайте этому альбому такое, а не иное значеніе; признайте его простымъ знакомъ, но не простаго, а глубокаго чувства преданности, признательности, высокаго уваженія. Это чувство теперь, быть можетъ, въ сію минуту, въ нашемъ Ковнѣ поднимаетъ заздравную чашу за ваше сіятельство. Посланцы города Ковна уполномочены здѣсь у васъ и передъ вами и, если бы можно, предъ глазами цѣлой Россіи—поднять бокалъ на много лѣтъ и на здоровье возстановителю русской народности и усмирителю мятежа въ сѣверо-западномъ краѣ. Здоровье вашего сіятельства!»

Весь растроганный, графъ выслушалъ тостъ и отъ сердца поблагодаривъ депутатовъ, приказалъ тотчасъ наполнить бокалы, всталъ и произнесъ:

«Вы слишкомъ много мнѣ приписывате. Я только исполнилъ свой долгъ и волю ГОСУДАРЯ, пославшаго меня на подавленіе мятежа и искорененіе крамолы. Дѣло сдѣлалось потому, что оно русское, что Россія признала его своимъ. Оно еще не кончено; его нужно вести далѣе. Мы, господа, сдѣлали только то, что оно уже не пойдетъ назадъ. Въ васъ и въ ковенцахъ я не сомнѣваюсь; между вами есть и сынъ мой. Но и въ цѣломъ краю,—я въ этомъ увѣренъ,—оно не пойдетъ назадъ. Константинъ Петровичъ довершитъ начатое. Предлагаю тостъ за новаго начальника сѣверо-западнаго края.»

Въ слѣдъ за этимъ тостомъ, членъ ковенскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, В. П. Одинцовъ, обратясь къ графинѣ Пелагеѣ Васильевнѣ, предложилъ тостъ за ея здоровье въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Графиня Пелагея Васильевна! Назадъ тому два года, Вильна была средою мятежа, нестроеній, безпорядковъ, тревогъ и опасностей всякаго рода. Вы не побоялись этой среды; вы пріѣхали въ Вильну и остались въ ней, но не съ оффиціальнымъ значеніемъ супруги главнаго начальника края; вы были простою сердобольною женщиной; вы поддерживали душевное спокой-

ствіе, столь не лишнее супругу вашему при рѣшеніи важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. Этимъ вы сослужили службу цѣлой Россіи. Въ настоящую минуту вы хлѣбосольная хозяйка. Позвольте же намъ, графиня, выпить за ваше здоровье.»

»Премного благодарна вамъ, господа; но вы придаете мнѣ какое-то особенное значеніе; я только повиновалась моему долгу«, отвѣтила графиня.

За В. П. Одинцовымъ говорилъ М. Н. Николаевъ, также членъ ковенскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. »Ваше сіятельство«, сказалъ онъ, обращаясь къ графу, »считаемъ высокимъ удовольствіемъ заявить предъ вами, что въ эту же минуту, въ Ковно, подносятъ альбомъ ближайшему начальнику нашему, вашему сыну, графу Николаю Михайловичу. Городъ Ковна заявляетъ графу, что у него есть свои, личныя, ему ствойственныя и намъ дорогія достоинства. Приводить, съ должною пользою, въ исполненіе высокія предначертанія ваши, каждому изъ насъ въ отдѣльности было бы трудно; руководствуясь только личнымъ разумѣніемъ на пользу дѣла, мы бы могли привести его къ уклоненіямъ, несогласнымъ съ общимъ строемъ реформъ, вами предпринятыхъ. Графъ Николай Михайловичъ уберегъ насъ отъ этихъ уклоненій, но не силою власти, а — скажу безъ преувеличенія — дружбою: дружески связалъ насъ въ одну русскую семью. Стоя во главѣ насъ, онъ такой же, какъ и всѣ мы, вѣрный слуга русскому дѣлу. Имъ, вмѣстѣ съ нами, руководило благоговѣйное чувство къ вамъ; но чувство это въ немъ выше, потому что согрѣто кровной, сыновней любовію. Въ этомъ его сила, его преимущество передъ нами; за это мы его любимъ и чтимъ еще болѣе. Пускай и его дѣти столько же любятъ родъ свой! Пускай отечество наше найдетъ въ нихъ вѣрныхъ, достойныхъ сыновъ своихъ. Позвольте же, ваше сіятельство, поднять тостъ за здоровье сына вашего, графа Николая Михайловича«.

»Съ удовольствіемъ, господа. пью вмѣстѣ съ вами за здоровье вашего губернатора и прошу поблагодарить его отъ меня за то, что русскіе люди полюбили его. Увѣдомимъ всѣхъ ковенцевъ телеграммой, что пьемъ за ихъ здоровье«, Тотчасъ же послѣ обѣда графъ приказалъ отправить г-ну ковенскому губернатору депешу слѣдующаго содержанія: »Графы Муравьевы, Шереметевы и вся ковенская депутація пьемъ въ Сырцѣ здоровье ковенскаго губернатора и всѣхъ ковенскихъ русскихъ дѣятелей«.

Обѣдъ, полный хлѣбосольства, радушія и значенія, доказалъ нашимъ депутатамъ, что графъ видитъ въ нихъ пріятныхъ гостей. И дѣйствительно, тотчасъ послѣ обѣда, графъ пригласилъ ихъ остаться у него до другаго дня и быть простыми гостями, по деревенски, безъ всякихъ формъ и парадности, потому что они выполнили уже общественное порученіе. При этомъ гравфъ шутя, прибавилъ: »роскошныхъ палатъ у насъ нѣтъ, а порядочную русскую избу предложить можемъ«. Гости повиновались и разошлись перемѣнить туалетъ. Не прошло и часу, какъ всѣ снова собрались около графа въ прекрасномъ саду, среди цвѣтовъ, у фонтана. Началась оживленная, нескончаемая бесѣда: много говорили о хозяйствѣ, о способахъ воздѣлыванія земли, о машинной обработкѣ хлѣбовъ и т. п. Незамѣтно разговоръ склонился къ тому, что найболѣе интересовало пріѣзжихъ; заговорили о сѣверо-западномъ краѣ, и не осталось въ этой бесѣдѣ ни одного, ни общаго, ни мельчайшаго частнаго вопроса, котораго бы не коснулся графъ со всѣхъ сторонъ. Собесѣдники убѣдились, что все, до чего додумывались и доживались они въ ближайшемъ соприкосновеніи съ жизнію,— каждый по своей спеціальности, — давно предрѣшено въ системѣ, выработанной графомъ. Только докторъ, по праву своему, перервалъ этотъ интересный, серьезный и поучительный разговоръ, напомнивъ графу, что лѣченіе дозволяетъ ему лишь не большую прогулку предъ закатомъ солнца. Надобно было уступить праву врача, потому что только за три дня до пріѣзда нашихъ депутатовъ больному графу сдѣлалось на столько лучше, что онъ сталъ по немногу ходить. Все общество отправилось по усадьбѣ.

Но остановимся на минуту на этой усадьбѣ. Наши депутаты воспользовались отдыхомъ графа, чтобы изучить эту дѣйствительно своеобразную и замѣчательную во всѣхъ отношеніяхъ усадьбу. Небольшое село Сырецъ, дворовъ въ 25-ть, родовое имѣніе графа, лежитъ въ 15-ти верстахъ отъ города Луги, петербургской губерніи. Фруктовый садъ, превосходныя хозяйственныя постройки и отличный скотный дворъ отдѣляютъ его отъ господскаго дома, который стоитъ параллельно съ селомъ лицевымъ фасадомъ къ тѣнистому саду изъ кленовъ, липъ и березы. Съ выѣзда изъ рощи, чрезъ которую пролегаетъ дорога изъ Луги въ Сырецъ, предъ вами открывается цѣлый ландшафтъ: на первомъ планѣ его господствуетъ вновь воздвигаемая въ память недавнихъ событій въ сѣверо-западномъ краѣ

деревянная церковь, византійскаго стиля, за церковію высится башня того же стиля и мало по-малу, по мѣрѣ приближенія, выступаетъ изъ за зелени садовъ, со всѣхъ сторонъ убранный цвѣтами и цвѣтниками, длинный деревянный барскій домъ. Съ обѣихъ сторонъ онъ упирается и выступаетъ въ сады большими балконами: тамъ и сямъ легко повисли въ воздухѣ небольшіе рѣзные балкончики; подъ ними крыльца и крылечки гостепріимно манятъ въ домъ, а гостей изъ дому въ садъ. Подкровельныя комнаты защищены отъ жара тройной кровлею изъ теса, толя и желѣза. Все это внутри и снаружи, кромѣ парадныхъ комнатъ, покрашено масляной краскою свѣтлосѣроватенькаго цвѣта. Всюду зелень, свѣжесть, чистота, опрятность, въ тоже время во всемъ простота, всюду тотъ же русско-византійскій стиль, столько серьезности и игривости, столько гармоніи частей съ цѣлымъ, что вся усадьба производитъ самое успокоивающее, даже художественное впечатлѣніе. Графъ очевидно, любитъ ее, какъ дѣло рукъ своихъ: все имъ придумано, построено, устроено и убрано; во всемъ проглядываетъ одна руководящая мысль, которую необыкновенно удачно выполнилъ академикъ Рязановъ. Здѣсь въ кругу семьи лѣчится и отдыхаетъ отъ трудовъ своихъ маститый графъ. Рано утромъ пьетъ онъ воды, гуляетъ по саду, садится потомъ на балконъ подъ башнею, благодушно принимаетъ всякаго, кто бы ни заѣхалъ посмотрѣть государственнаго подвижника, съ любовію толкуетъ о хозяйствѣ, какъ будто никогда не покидалъ своей усадьбы. Но любимыми гостями бываютъ заѣзжіе изъ сѣверо-западнаго края. Съ ними закипаетъ мысль, недавно воскресившая цѣлый край; льется живая рѣчь. Пристаютъ къ дѣду внучата, тормошатъ его; „открой фонтанъ,“ или „закрой фонтанъ, фонтанщикъ:“ такъ отдѣлывается отъ нихъ дѣдушка, чтобы заняться своимъ гостемъ, заняться вопросами края, и, „хотя въ отсутствіи, быть съ нимъ душою.“ Если нѣтъ гостей, графъ слушаетъ газеты, серьезную статью, книгу. Послѣ обѣда и короткаго отдыха, графъ или на своемъ балконѣ, или въ саду у фонтана на берегу озера подъ кленомъ, который посаженъ рукою его покойной матери и на которомъ будто бы столько стволовъ, сколько дѣтей у нея было; и дѣйствительно двухъ стволовъ уже нѣтъ, потому что двухъ членовъ семейства не стало. Когда графъ провелъ гостей своихъ по всѣмъ частямъ усадьбы, оказалось все такъ на своемъ мѣстѣ, такъ соотвѣтственно своему назначенію, что

лучше и придумать нельзя. И все это чисто, въ порядкѣ до нельзя: мало того, все это можно вымыть въ буквальномъ смыслѣ слова, потому что вездѣ водопроводы съ мѣдными кранами. И вся эта масса воды на домъ, сады и хозяйственныя постройки доставляется однимъ восьмисильнымъ локомобилемъ, который кромѣ этой боковой работы приводитъ въ движеніе паровую мельницу и всякаго рода сельско-хозяйственныя машины. По оконечностямъ линіи, въ какой располагается усадьба, находится съ одной стороны что-то въ родѣ питомника, а съ другой гумно. Первый засѣянъ всѣми возможными сортами пробныхъ зеренъ всякаго хлѣба и овощей, во второмъ тучно растятъ сѣмена уже испытанныя. На сколько могъ маститый и утомленный государственный дѣятель, на столько просвѣщенный и опытный сельскій хозяинъ, съ самой внимательной предупредительностію, показалъ гостямъ свое хозяйство. Депутаты наши не умѣютъ сказать, была ли минута, когда бы разговоръ съ графомъ не былъ почему либо поучительнымъ.

Закатъ солнца собралъ всѣхъ вогругъ чайнаго стола, а самого графа, по требованіямъ лѣченія, заперъ на весь вечеръ въ комнаты. Въ это время графу подали телеграмму слѣдующаго содержанія: „Наши уполномоченные сего дня подносятъ вамъ, сіятельнѣйшій графъ, альбомъ, вещественный „знакъ безпредѣльной къ вамъ преданности и уваженія. „Мы, русскіе, собравшись для поднесеніе альбома графу Николаю Михайловичу, поднимаемъ бокалъ за здоровье „вашего сіятельства отъ всего ковенскаго русскаго общества. „Генералъ маіоръ Толстой.“ „Очень благодаренъ,“ повторялъ графъ не однажды,—„завтра отвѣчу на эту телеграмму,“ Послѣ чая съ приправами, какъ у хозяина, гдѣ „все свое,“ графъ предложилъ гостямъ оставить его въ душной комнатѣ и воспользоваться жаркимъ и прелестнымъ вечеромъ въ саду, на берегу озера и на озерѣ на лодкѣ. Надобно замѣтить, что садъ спускается къ прелестному озеру, за ложбиной котораго рисуется ландшафтъ въ четыре плана. Выборъ мѣста для усадьбы необыкновенно удаченъ. Все любезное семейство графа окружило гостей, расположился кто гдѣ могъ и какъ хотѣлъ. Нашлись охотники до катанья на лодкѣ; зажглись на ней бенгальскіе огоньки; зашумѣло неподдѣльное веселье, и все вмѣстѣ, подъ вліяніемъ цѣлаго знаменательнаго дня, сложилось въ такое задушевное приволье, что сама собою тихо

запѣлась на лодкѣ, потомъ громче и громче поднялась и раздалась на водѣ и по окрестности, сперва тягучая, а потомъ раздольная, русская пѣсня,—и русская натура не выдержала: при первыхъ звукахъ этой пѣсни истый русскій человѣкъ, едва оправляющійся на заслуженномъ покоѣ своемъ государственный подвижникъ набросилъ на плечи шинель, вышелъ въ садъ, сѣлъ подъ любимый кленъ, слушалъ и любовался, пока съ катаньемъ не закончилась пѣсня. Потомъ до конца вечера графъ остался съ семьей и обществомъ. Пѣлось и весело было отъ того,—разсказываютъ депутаты,—что русскимъ людямъ повадно было погостить по русски у русскаго, да еще именитаго хозяина, который благоволилъ ихъ чествовать на всю ширь русскаго гостепріимнаго хлѣбосольства. Не всякому придется побывать на такомъ праздникѣ!

Въ семь часовъ слѣдующаго утра всѣ снова собрались вокругъ графа. Каждому чувствовалось, что время слишкомъ коротко, что отъѣздъ приближатся, что еще о многомъ хотѣлось бы говорить и многому поучиться у графа. Въ этотъ день наши депутаты пробыли въ Сырцѣ только до половины двѣнадцаго: нужно было поспѣть къ поѣзду въ Лугу. Утро не прошло, а пролетѣло, какъ одно непрерывное, патріотическое и,— позволимъ себѣ со словъ депутатовъ сказать, — съ обѣихъ сторонъ трогательное поученіе, потому что каждое слово съ одной стороны говорилось отъ сердца, а съ другой принималось довѣрчиво, какъ завѣтъ для исполненія. Приближался прощальный завтракъ; кто-то изъ нашихъ спросилъ: »Что прикажете сказать вашему сыну?« »Скажите, что я очень благодаренъ ему за то, что русскіе люди полюбили его. А вамъ, господа, скажу: держите русское дѣло вмѣстѣ и дружно съ моимъ сыномъ, служите русскому дѣлу, какъ начали, такъ и продолжайте, такъ и довершите его, чтобы передать его Россіи; ГОСУДАРЬ и Россія ждутъ отъ васъ этого. Только тогда ваша служба кончена. Поблагодарите вашъ городъ за память обо мнѣ; вамъ очень благодаренъ за то, что потрудились пріѣхать ко мнѣ. На память о вашемъ посѣщеніи, прошу принять эти карточки«. При этомъ графъ обнялъ каждаго изъ депутатовъ и подарилъ имъ по фотографической карточкѣ съ собственноручной надписью: »Отъ графа М. Муравьева въ воспоминаніе 8 іюля 1865 г., въ с. Сырцѣ«.

За завтракомъ графъ приказалъ налить бокалы. „Вотъ теперь выпью за депутатовъ.“ За этимъ тостомъ графъ ска-

залъ нѣсколько задушевныхъ словъ благодарности, назиданія, завѣта и еще разъ обнялъ каждаго изъ гостей. По разсказу депутатовъ можно заключить, что тостъ и предложенъ, и принятъ былъ отъ души; отъ того-то ни одинъ изъ нихъ не умѣетъ припомнить словъ графа: такъ каждый чувствовалъ себя взволнованнымъ. А. И. Энгельмейеръ осилилъ себя и взволнованнымъ голосомъ успѣлъ сказать графу: „Ваше сіятельство, каждый изъ насъ заявилъ, какъ высоко мы чтимъ порученіе, возложенное на насъ русскими людьми г. Ковна. Ваше сіятельство, вы, вашей встрѣчей, пріемомъ, хлѣбосольствомъ, радушіемъ, наконецъ этимъ тостомъ на столько подняли эту честь, что мы на всю жизнь будемъ гордиться ею. Мы слишкомъ глубоко растроганы и взволнованы, чтобы выразить въ словѣ наши чувства. Ваше сіятельство, вы всегда отъ насъ требовали дѣла: дѣломъ и мы постараемся дослужиться той чести, какой вы насъ удостоили. Примите, ваше сіятельство, нашу душевную благодарность.“ Началось прощанье; кто-то изъ гостей сбросилъ бокалъ на полъ, и всеобщее восклицаніе „славно“ раздалось въ русской семьѣ. Графъ еще разъ обнялъ депутатовъ и, окруженный семьей, остался на крыльцѣ, пока скрылисъ экипажи.

Въ это же утро графъ М. Н. Муравьевъ отправилъ въ Ковно генералъ-маіору Толстому отвѣтную телеграму слѣдующаго содержанія: „Душевно благодарю ковенскихъ русскихъ дѣятелей за память обо мнѣ и привѣтъ; душою я всегда съ ними, и вмѣстѣ съ ковенскою депутаціею пилъ здѣсь вчера за ихъ здоровье.“

О впечатлѣніяхъ, съ какими депутаты наши оставили Сырецъ, можно всего лучше судить по телеграммѣ ихъ изъ Луги на имя г-на ковенскаго губернатора: „Сегодня вь одиннадцать сь половиною часовъ утра мы выѣхали изъ Сырца, умиленные и торжествующіе.“ Намъ понятны эти чувства торжества и умиленія: депутаты наши были лицомъ къ лицу съ такимъ человѣкомъ, въ которомъ выразился весь современный историческій моментъ и олицетворилось народное патріотическое чувство. Если для всѣхъ русскихъ людей дорого имя графа М. Н. Муравьева, то во сколько же разъ сильнѣе и магичнѣе оно дѣйствуетъ на тѣхъ, которые были свидѣтелями его достопамятной и великой дѣятельности. *Р.*

Содержаніе 11-й книжки „Вѣстника западной Россіи“ за 18$\frac{64}{65}$ г.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

„ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ“ на $18^{64}/_{65}$ годъ выходитъ съ іюля 1864 года по іюль 1865 года, *ежемѣсячно*, книжками отъ 13–15 листовъ обыкновенной печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Вильнѣ, въ редакціи журнала и въ конторѣ его, при книжномъ магазинѣ *г. Сеньковскаго;* **въ С.-Петербургѣ**, въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Ольхиной; **въ Москвѣ**, въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ *А. Н. Ѳерапонтова*, на Никольской улицѣ, во флигелѣ заиконоспаскаго монастыря; **въ Кіевѣ**, въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ *С. И. Литова.*

ЦѢНА „ВѢСТНИКА“ ЗА ГОДЪ.

Для жителей *Вильны*, безъ доставки, 6 руб. 50 коп., съ доставкою на домъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города имперіи 8 руб.

Гг. Иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями *исключительно* въ редакцію журнала „Вѣстникъ Западной Россіи“, *въ Вильну.*

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать редактору-издателю „Вѣстника“ Ксенофонту Антоновичу ГОВОРСКОМУ, *въ Вильну.*

Для желающихъ выписать „Вѣстникъ“ за *истекшіе* годы дѣлается уступка: за $18^{62}/_{63}$ годъ, для жителей Вильны по 5 р. 50 к., для иногородныхъ по 6 руб. 50 коп.; за $18^{63}/_{64}$ годъ — для первыхъ по 6 руб., для послѣднихъ по 7 руб. 50 коп. — съ пересылкой.

Редакторъ-Издатель **К. Говорскій.**